

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Número de electrones

Scintillator (for measurement of gamma ray polarization)

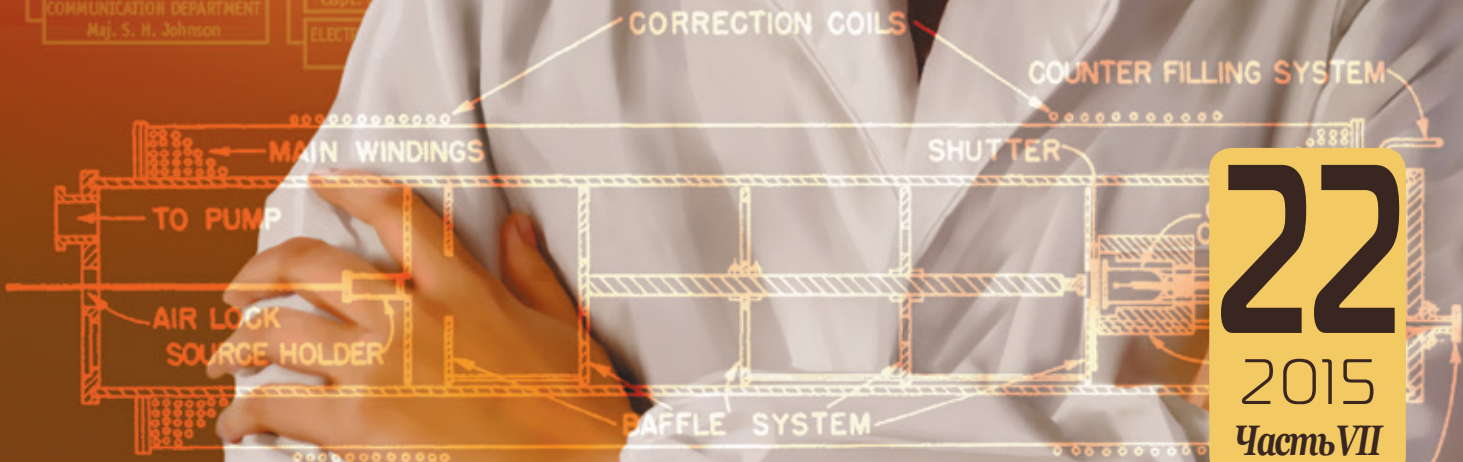
Energía (MeV)

Photomultiplier

Light

CeMg-ni

DESINTEGRACION β

10 CM

22
2015
Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 22 (102) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

На обложке изображена Ву Цзяньсюн (1912–1997) — американский физик, участник Манхэттенского проекта, первооткрыватель несохранения пространственной чётности в слабых взаимодействиях.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Тагирова Р. И.

Обязанность адвоката по осуществлению познавательной деятельности фактических обстоятельств по уголовному делу..... 623

Тимонина М. Г.

Понятие административной юрисдикции таможенных органов Российской Федерации 625

Тхакохов А. А.

История зарождения и развития учения о криминалистической характеристике преступления 628

Уварова И. А., Сорочан В. В.

Особенности производства судебно-психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних подозреваемых 631

Ходжалиев С. А.

Понятие, значение и содержание антикоррупционного мониторинга 633

Ходжалиев С. А.

Виды прикосновенности к преступлению, связанные с принятием мер по его предупреждению 636

Челомбикая Е. А.

Социально-правовые аспекты общей теории правонарушений 637

Шадрин В. В.

Краудсорсинг и демократия в Российской Федерации 639

Шадрин В. В.

Правовая природа суррогатного материнства 641

Яхьяева М. У.

Взаимодействие категории «уголовно-правовое бездействие» с отдельными институтами и категориями общей части уголовного права: продолжение анализа 645

Яхьяева М. У.

Виды прикосновенности к преступлению, связанные с его сокрытием от правосудия..... 647

ИСТОРИЯ

Аминов Ф. М.

Бухара и русское востоковедение 650

Дружинина Ю. В.

Социальная база формирования сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX — начала XX в. 652

Литвинова М. А.

Доктор с большой буквы на страницах летописи Пензенской истории 654

Макеева Е. А., Литвинова М. А.

Приоритеты государственной молодежной политики..... 657

Макеева Е. А., Литвинова М. А.

Автограф Всеволода Эмильевича Мейерхольда 659

Матова М. А., Синегубов С. Н.

Проблематика публикаций по военно-морской политике кайзеровской Германии начала XX в. на страницах журнала «Millitär-geschichte. Zeitschrift für historische Bildung» 662

Сосин М. А.

Население Якутии в начале первой четверти XIX века: социально-демографический аспект 665

Шувалов Н. С.

Российская провинция в годы Первой мировой войны: обзор современной отечественной историографии 669

ПОЛИТОЛОГИЯ

Куликова Д. Н., Шишкин В. Г., Гончарова К. И.

Энергетическая стратегия КНР в начале XXI века 672

Оморова Н. И.

О понятии этнополитического менеджмента .. 676

Шурыгин Ф. Ф.

Антикоррупционная политика Республики Сингапур 681

СОЦИОЛОГИЯ

Горбач М. И., Кармызова Д. Д.

Социальные резервы, социальная диагностика и социальное проектирование в трудовом коллективе 691

Кракулева И. А., Петровская Ю. А.,

Петухова И. С.

Распределение социальных функций супругов в молодой семье 693

Петровская Ю. А., Петухова И. С., Ребеко В. А.

Система профилактики насилия в семье как фактор социальной безопасности 696

Пиронкова О. Ф.

Семантико-стилистические, синтаксические и невербальные особенности формирования социальных практик взаимодействия с психически больными периода новой истории 699

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Васильев А. С.

Оспаривание первичности драматургии в современном режиссерском театре 703

Во Ван Лак

Золотые амулеты местности Готхап вьетнамской провинции Донгхап I–VII вв. 705

Яргин С. В.

On the religious aspects of ethics and legislation 709

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Абдулаева М. Ш.

Сакрально-религиозная музыка в Дагестане: традиция 2000-х гг. 713

Ермаганбетова А. А., Сисембаева Г. Б.

Роль и значение символов в современной рекламе 717

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Обязанность адвоката по осуществлению познавательной деятельности фактических обстоятельств по уголовному делу

Тагирова Райиса Ибрагимовна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В данной статье автор анализирует вопрос оказания адвокатом неквалифицированной юридической помощи, в следствии пренебрежения защитником участия в процессе доказывания.

В результате данного исследования автор выявляет наступление гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой и дисциплинарной ответственности адвокатов в случаи недостаточного рассмотрения ими реальных событий, имеющих место в рамках уголовного дела.

Responsibility of lawyers to implement the cognitive activity of actual facts of the criminal case

In this article the author analyzes the question when lawyer provides not qualified legally assistance, as a consequence of neglecting the defender participate in the process of proof.

As a result of this research, the author reveals the offensive of civil, administrative, criminal and disciplinary responsibility of lawyers in cases of insufficient consideration of the real events taking place in the materials of the criminal case.

Key words: *lawyers, civil responsibility, not qualified legally assistance, agreement of legally assistance, criminal cases.*

Представляется бесспорным среди адвокатского сообщества необходимость и целесообразность осуществления адвокатом познавательной деятельности по уголовному делу. Без выяснения полной картины произошедшего события, иных имеющих значения обстоятельств адвокат не сможет ни сформировать адекватную позицию по делу, ни предоставить подзащитному эффективную защиту.

Тем не менее, прекрасно представляя себе полезность познавательной деятельности, мало кто из практикующих адвокатов готов вменить ее себе в обязанность. И уж еще меньшее количество защитников согласится нести ответственность за отсутствие по делу активной познавательной деятельности с их стороны.

В связи с этим вопрос о том, должен ли адвокат занимать активную позицию, осуществляя познания фактических обстоятельств, представляет крайне актуальным и, к сожалению, мало освещенным в юридической литературе.

Частично анализ данного вопроса встречается при исследовании проблем участия защитника в процессе доказывания.

Так, А.В. Рагулин отмечает в своем исследовании различные подходы в юридической науке по вопросу соотношения обязанности адвоката по доказыванию и его профессионального права. Как отмечает автор, первая точка зрения указывает, что участие защитника в доказывании является его профессиональной обязанностью, а не правом, потому что без этого немислима сама защита; подобная точка зрения высказывалась в работах таких авторов, как З.В. Макарова, Г.М. Шафир, Г.Д. Побегайло, Ю.С. Кручинин, Ю.Ф. Лубшеф. Другая точка зрения, отмеченная А.В. Рагулиным, свидетельствует об отсутствии у адвоката обязанности доказывать невиновность подозреваемого и обвиняемого, так как бремя доказывания возложено на сторону обвинения, что отмечалось такими авторами, как В.А. Семенов, Г.Г. Скребец, А.М. Ларин, М.С. Строгонович [11].

При этом важно учитывать, что обязанность тем и отличается от субъективного права, что от исполнения юридической обязанности нельзя отказаться, так как такой отказ является основанием для ответственности [10]. То есть обязанности должна корреспондировать ответ-

ственность, в противном случае такая обязанность остается правом.

Адвокат может быть субъектом гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой и дисциплинарной ответственности [9].

Исследуя вопрос об уголовно-процессуальной ответственности защитника, стоит еще раз указать, что в настоящий момент УПК РФ не содержит обязанности адвоката участвовать в доказывании.

Тем не менее в отсутствие подобной уголовно-процессуальной обязанности адвокат не может быть привлечен к процессуальной ответственности. На это, в частности, указывает в своем исследовании и Л. А. Воскобитова [7].

Итак, в случае оказания неквалифицированной юридической помощи адвокат несет дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность.

Если адвокат действует неквалифицированно, он создает основание для собственной ответственности как перед доверителем в силу гражданско-правового характера их отношений, так и перед адвокатской корпорацией в силу принятых адвокатами этических требований [14].

Закон об адвокатуре сделал реальной возможность привлечения адвоката к ответственности за неквалифицированную юридическую помощь [6].

Кроме ответственности перед профессиональным сообществом адвокат несет гражданско-правовую ответственность непосредственно перед своим доверителем.

Г.К. Шаров, исследуя данный вопрос, указывает, что гражданское законодательство определяет условия гражданско-правовой ответственности, в том числе и адвоката, во-первых, за нарушение обязательств, в частности перед доверителем, во-вторых, вследствие причинения вреда, когда потерпевший и причинитель вреда, как правило, не состоят в договорных отношениях [13]. В связи с профессиональной деятельностью адвоката, адвокатским статусом и принадлежностью к адвокатскому образованию гражданско-правовая ответственность адвоката перед доверителем, адвокатским образованием, адвокатской палатой и третьими лицами может быть как за нарушение обязательств (договорная), так и за причинение вреда (деликтная) [12].

Распространяя на отношения адвоката и доверителя нормы гражданского права, законодатель тем самым защищает интересы доверителя в отношениях с адвокатом, позволяя доверителю отстаивать свои права в отношениях с адвокатом [6].

Адвокат, заключая гражданско-правовой договор с доверителем для оказания юридической помощи, выступает как субъект гражданского права. В рамках договорной от-

ветственности перед доверителем адвокат отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей [8].

При этом стоит отдельно отметить, что размер и характер ответственности адвоката не просто могут быть включены в соглашение с доверителем, а являются его существенными условиями в соответствии п. 5 ч. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Однако в литературе не раз отмечалась затруднительность отразить в соглашении полные характеристики исполнения адвокатом обязательств. Не владея профессионально юридическими знаниями, доверитель не всегда может в полной мере контролировать качество юридической помощи в момент ее оказания.

Ему остается предполагать, что цель адвоката при исполнении соглашения с доверителем состоит не в обогащении за счет доверителя, а в оказании квалифицированной юридической помощи и совершении действий в интересах доверителя [6].

Нет смысла вторгаться в дискуссию о правовой природе соглашения адвоката с доверителем. Очевидно, что данные отношения в зависимости от предмета соглашения регулируются в том числе нормами о договоре поручения и о договоре возмездного оказания услуг.

В связи с этим стоит лишь дополнительного обратить внимание на разъяснения Президиума ВАС РФ, данные в информационном письме от 29.09.1999 N 48, о том, что договор на совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности может считаться заключенным, если в нем перечислены определенные действия, которые обязан совершить исполнитель, либо указана определенная деятельность, которую он обязан осуществить [5].

Данные разъяснения опять отсылают к необходимости детального указания в соглашении с доверителем действий, совершение которых входит в поручение адвокату.

Таким образом, можно сделать вывод, что у защитника отсутствует уголовно-процессуальная обязанность по осуществлению познавательной деятельности.

Законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность, предусматривает обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя, за ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей статус адвоката может быть прекращен по решению Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации.

Кроме того, адвокат несет гражданско-правовую ответственность перед доверителем в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения поручений, содержащихся в соглашении.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // Российская газета, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
4. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета, N 100, 05.06.2002.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 N 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. 1999. N 11.
6. Адвокат: навыки профессионального мастерства/Под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. с. 2.
7. Воскобитова, Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: Дис... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М.: РГБ, 2004. с. 299.
8. Карпова, Т. М. Ответственность адвоката — юридическая ответственность специального субъекта // Адвокатская практика. 2011. N 1. с. 27–32.
9. Кучерена, А. Г. Адвокатура: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. с. 220.
10. Мелехин, А. В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2009.
11. Рагулин, А. В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России: Монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2012. с. 254.
12. Шаров, Г. К. Ответственность адвокатов за вред, причиненный ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей // Закон. 2007. N 12.
13. Шаров, Г. К. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о страховании риска ответственности адвоката // Адвокат. 2004. N 12.
14. Шугрина, Е. С. Некоторые особенности оказания юридических услуг иностранному бизнесу в России // Адвокатская практика. 2012. N 3. Гарант. Информационно-правовой портал. <http://www.garant.ru/>.
15. КонсультантПлюс. Правовой сайт. <http://www.consultant.ru/>.
16. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». <http://sudrf.ru/>.
17. Интернет-портал Российской газеты. <http://www.rg.ru/>.
18. RBC. Крупнейший портал новостей и деловой информации. <http://www.rbc.ru/>.
19. Судебная власть/под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003.

Понятие административной юрисдикции таможенных органов Российской Федерации

Тимонина Марина Геннадьевна, магистрант
Российская таможенная академия

Административная юрисдикция таможенных органов как государственно-властная деятельность состоит в применении закона к административно-правовым конфликтам и принятии по ним правовых актов. С точки зрения форм управления, административная юрисдикция таможенных органов является правоприменительной деятельностью. Применение права начинается с исследования обстоятельств дела и выбора правовой нормы, регулирующей данный случай и отношение. Процесс исследования включает в себя сбор информации и установление фактических обстоятельств дела. Оценка фактических обстоятельств дела с точки зрения достоверности и полноты осуществляется при помощи юридических доказательств, главной функцией которых является уста-

новление объективной истины. Следующей стадией правоприменения является выбор и анализ норм для установления правовой основы дела.

Правоприменительный процесс логически начинается с выбора нормы, в соответствии с которой квалифицируются факты. Правовая квалификация проявляется в разрешении конкретной жизненной ситуации в соответствии с подлежащей применению правовой нормой. Для разрешения юридического дела необходимо принятие решения по делу — юрисдикционного акта. Посредством государственно-властного веления, предписания, выраженного в документальной форме юрисдикционного акта, происходит реализация норм права в конкретном правоотношении. При этом закрепленные в юрисдикционном акте

субъективные права и обязанности корректируют поведение лиц в конкретных действиях, поступках. Тем самым достигается конечная цель правового регулирования [1].

Очевидно, что содержание административной юрисдикции таможенных органов включает в себя все перечисленные элементы правоприменительной деятельности. Вместе с тем, таможенные органы играют весьма специфическую роль в правоприменении, выступая как органы исполнительной власти. Дело в том, что исполнительная власть выражается не только в правоприменении, но и в таком важном качестве, как правотворчество. Однако в процессе осуществления административной юрисдикции таможенные органы не создают правовые нормы, а применяют к конкретным юридическим фактам. Следовательно, содержание административной юрисдикции таможенных органов не исчерпывает всех сторон правоприменительной деятельности.

Представляется, что правоприменительный процесс необходимо понимать несколько шире, поскольку помимо правотворческого, юрисдикционного, правонаделительного процесса также является правоприменительным. Этот факт позволяет вычленив административную юрисдикцию, и, соответственно, определить ее как часть правоприменительной деятельности таможенных органов, основанную на применении норм административного и административно-процессуального права и имеющую вспомогательный характер по отношению к нормативному регулированию.

Существует мнение, что юрисдикционный это, прежде всего, правоохранный процесс. Как правило, правоохранные формы управления связывают с осуществлением контрольной, надзорной и юрисдикционной функциями управления. Другими словами, юрисдикция — самостоятельный вид правоохранительной деятельности, причем центральный. Характеристика административной юрисдикции как правоохранительной деятельности позволяет утверждать, что она — призвана охранять установленный порядок управления, предотвращать и исправлять сбои, противоречия между нормой и фактической ситуацией, нарушения в системе управления. В рамках этой формы таможенные органы разрешают административно-правовые конфликты, применяют меры административного принуждения, охраняют и защищают права и свободы граждан, юридических лиц, их безопасность, безопасность государства, публичного правопорядка. Таможенные органы в пределах своих полномочий используют все средства и методы, в том числе физического принуждения, для охраны материального и культурного достояния народа, а также имущества всех физических и юридических лиц, вовлеченных во внешнеэкономическую деятельность. Результат такой деятельности, по мнению В.Н. Кудрявцева, выражается в предупреждении рецидива, прежде всего, на самого правонарушителя и в общем профилактическом воздействии на других неустойчивых членов общества. Охранительная форма, связанная с реализацией юрисдикционной функции, ох-

ватывает деятельность по устранению причин и условий, способствовавших возникновению правового конфликта.

Если поставить часового возле Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, то в его действиях мы не усмотрим ни юрисдикционной, ни, тем более, правоохранительной деятельности, поскольку в них (в действиях) отсутствуют характерные признаки такой деятельности. Потребность в юрисдикционной защите, как утверждает А. П. Шергин, появляется в случаях, когда возникает спор о праве либо нарушены правовые предписания [4].

Из этого следует, что в качестве источника административной юрисдикции изначально выдвигаются возникающие в сфере государственного управления между субъектами общественных отношений конфликты, регулируемые административными правовыми нормами, то есть административно-правовые конфликты. Они, как правило, возникают в связи со сложившимся у одной стороны представлением о нарушении прав и законных интересов другой стороной. Такие споры могут возникать как по инициативе административного органа (например, при возбуждении дела об административном правонарушении либо дисциплинарном проступке), так и по инициативе гражданина (например, при обжаловании действий и решений должностных лиц), а также они возможны и между различными субъектами управления. При этом очевидно, что административный порядок разрешения административно-правовых споров является внесудебной процессуальной формой устранения разногласий между сторонами спора посредством вынесения юридически обязательного решения, которое властно определяет права и обязанности в спорном материальном правоотношении и (или) отменяет (оставляет в силе) оспариваемый административный акт.

Здесь, как представляется, стоит более подробно остановиться на вопросе о том, что мы подразумеваем под административно-правовым конфликтом, поскольку главным образом этот вопрос в отечественном административном праве возникает именно в связи с рассмотрением проблем административного процесса и административной юрисдикции. Для обозначения данной категории споров обычно используются термины: административно-правовой спор, спор о праве административном, административный спор. Если рассматривать этот вопрос более детально, то станет очевидным, что в одних случаях понятие конфликта сводится к административным правонарушениям, в других случаях четкого разграничения между этими понятиями не проводится. Существуют еще более неудачные трактовки соотношения этих понятий, где административный спор рассматривается как разновидность административного правонарушения.

Однако административный спор, в отличие от административного правонарушения, имеет конструктивное значение, так как позволяет в рамках юридических процедур (процессуальных норм) устранить препятствия для реализации законных прав и интересов, возникающих в про-

цессе осуществления исполнительно-распорядительной власти. Напротив, административное правонарушение создает правовые проблемы, препятствия на пути реализации субъективных прав, дезорганизует правовую основу государственного управления. Между тем, представляется обоснованной позиция А.Б. Зеленцова, который утверждает, что различия между административным спором и административным правонарушением не исключают того, что они являются различными видами одного и того же родового понятия — административно-правового конфликта. Подобной точки зрения придерживается Н.Ю. Хаманева, рассматривая административно-правовой спор как разновидность юридического конфликта. В то же время выяснение специфики спора о праве административном, в частности определения его границ и юридической природы, применения термина «публично-правовой спор», имеет непринципиальный характер. Безусловно, в предмет разбирательства в рамках административной юрисдикции включаются не только споры административно-правовые, но и иные публично-правовые споры. Так, А.Г. Кучерена включает в понятие административного спора споры, возникающие из конституционных, финансовых, налоговых, таможенных и иных публично-правовых отношений [3]. Не стоит искать ответа на эти вопросы, становясь на путь противительных споров. Ясно, что «административно-правовой спор» чаще используется для обозначения, чем «публично-правовой спор», хотя и подобное понятие встречается не так уж и редко. Согласимся с мнением, что спор считается административным, если юридический вопрос, составляющий существо спора, является вопросом административного права.

Многие конфликтные ситуации возникают в процессе ежедневной административно-публичной деятельности. При этом субъекты, осуществляющие эту деятельность, совершают массу действий как влекущих, так и не влекущих правовые последствия для других лиц. Для юрисдикционной деятельности процессуальная форма является атрибутивным признаком. Она детально регламентирована нормативными правовыми актами, их процессуальными нормами. В качестве примера можно привести КоАП РФ (раздел IV), Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (глава 3), Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах», Указ Президента РФ от 16.11.1998 № 1396 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации», а также ведомственные нормативные правовые акты таможенной службы. Кроме того, необходимо также учитывать то обстоятельство, что указанная деятельность осуществляется при наличии властных полномочий таможенных органов по отношению к участникам внешнеэкономической деятельности. Подтверждением властных полномочий таможенных органов, по мнению А.Ф. Ноздрачева, нередко является наличие у них права принимать обязательные решения, то есть властные пол-

номочия воплощаются в компетенции конкретного таможенного органа, закрепленной соответствующим нормативным актом.

И хотя это общее назначение властных полномочий главным образом состоит в том, чтобы содействовать наиболее эффективному удовлетворению интересов граждан, общества и государства в целом, в ряде случаев можно наблюдать картину прямо противоположную. Так, в процессе применения юрисдикционной деятельности возможны искажения смысла нормы права, казусы, ошибки, подмена требований правовых предписаний усмотрением должностных лиц. В этой связи к юрисдикционной деятельности должны предъявляться требования особо высокой организованности и упорядоченности. Совокупность таких требований проявляется в процессуальной форме, которая детально регламентирует последовательность разбирательства, порядок процессуальных действий участников, порядок установления и доказывания фактических обстоятельств дела, использование установленных форм актов, их реквизиты, основания и правила составления выносимых актов, способы проверки, пересмотра.

Процессуальная форма используется для интерпретирования конфликтной ситуации, воспроизведения всех обстоятельств дела и их документального закрепления. Результатом (итогом) является издание юрисдикционного акта. Под юрисдикционным актом в данном случае понимается письменное решение, которое может и не содержать в себе применение правовой санкции. В данном случае нельзя согласиться с мнением

А.Б. Зеленцова, который утверждает, что если акты юрисдикционных органов не разрешают спор о праве или иной конфликтный вопрос по существу, то они не являются юрисдикционными (например, определение суда о прекращении производства по делу и т.д.) [2]. В-первых, принятию даже такого решения (о прекращении производства по делу) предшествуют процедуры процессуального доказывания, во-вторых, такое решение оформляется с использованием установленных правил и форм актов.

Отличительная особенность юрисдикционного акта заключается в его процессуальной форме, а не в конечном результате. Достойным внимания представляется утверждение о том, что применение правовой санкции не является обязательным результатом, это лишь один из вариантов решения, принимаемого юрисдикционным органом. Так, в соответствии со статьей 48 Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» решение таможенного органа по жалобе на решение, действие (бездействие) таможенного органа или его должностного лица принимается в письменном виде по форме, определяемой Федеральной таможенной службой. Одним из вариантов такого решения может быть решение, в котором таможенный орган признает правомерными решение, действие (бездействие) таможенного органа или его должностного лица и отказывает в удовлетворении жалобы. Точно также, в силу ст.

29.9 КоАП РФ юрисдикционный орган, в том числе таможенный орган, по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении вправе вынести постановление о прекращении производства при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу, либо при признании правонарушения малозначительным.

Проведенное исследование базисных характеристик административной юрисдикции таможенных органов по-

зволяет сформулировать следующее определение. Осуществляемая таможенными органами административная юрисдикция — это сфера государственной деятельности уполномоченных должностных лиц таможенных органов, осуществляемой во внесудебном порядке на основе административно-процессуальных норм с целью разрешения административно-правовых конфликтов и применения административно-правовых мер воздействия.

Литература:

1. Глазунова, Н.И. Государственное (административное) управление: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во «Перспектив», 2013. с. 530.
2. Зеленцов, А.Б. Конфликты в управлении и управление конфликтами. Опыт комплексного исследования предмета и форм административной юрисдикции: моногр. Изд-во РУДН, 2001. с. 107.
3. Ноздрачев, А.Ф. Таможенная служба//Законодательство и экономика. 2006. № 7. с. 41.
4. Шергин, А.П. Административная юрисдикция. М.: Юрид. лит., 1979. с. 13.

История зарождения и развития учения о криминалистической характеристике преступления

Тхакохов Аслан Альбертович, студент

Научный руководитель: Калайдова Анна Семеновна, кандидат юридических наук, профессор
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Поступательное социально-экономическое развитие Российской Федерации наталкивается в последние годы на ряд крупных препятствий, значительно усложняющих процесс улучшения жизни народа и укрепления государства. В этих условиях возрастает значение разработки и внедрения в практику более эффективных мер борьбы с преступностью и совершенствования средств, приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В литературе многократно отмечалось, что в борьбе с преступностью решающим фактором является не тяжесть наказания за совершенное противоправное деяние, а его неотвратимость. Для того, чтобы обеспечить неизбежность наказания, необходимо иметь совершенную систему уголовного правосудия и организовать ее эффективное функционирование. Для успешного решения указанных задач требуется принятие ряда мер, в том числе дальнейшего совершенствования частных методик расследования преступлений с учетом основных принципов и общих положений криминалистической методики. Это возможно только при углубленном исследовании основополагающих проблем криминалистической методики расследования преступлений, как части науки криминалистики и, в том числе, расширении ее теоретической базы, а также развитии научных основ частных методик расследования преступлений.

Для того чтобы более точно раскрыть понятие криминалистической характеристики преступлений, прежде всего, необходимо обратиться к истории возникно-

вения и развития криминалистической методики в целом и частных методик расследования преступлений в отдельности. Только ретроспективный взгляд на пройденный ею путь открывает возможность установления объективных причин, породивших эти знания, условий, в которых протекал процесс их становления, а также современных проблем развития частных методик расследования.

Криминалистическая методика расследования преступлений прошла длительный путь зарождения и становления. Это связано с накоплением огромного эмпирического материала на начальном этапе развития криминалистики, что создало благоприятные условия для формирования частных криминалистических методик и их использования при организации раскрытия и расследования преступлений. [1]

Знание основных этапов становления отечественной криминалистики помогает глубже понять ее роль в борьбе с преступностью, а также истоки и тенденции развития.

Появление криминалистических методов, средств и приемов неразрывно связано с отправлением правосудия, следственной, сыскной и экспертной деятельностью. Правда, о допросах, обысках, опознании преступников упоминается уже в таких богослужебных книгах, как Ветхий и Новый заветы, Авеста, Коран. О них говорится и в памятниках права Древнего Рима, Китая, Греции, Германии, Франции, США других стран. Конечно, это были умозаключения, основанные на житейском опыте,

которые реализовывались в рамках тогдашних процедур обычного права. [2]

Преступность, как и право в целом, имеет тысячелетнюю историю развития. Преступность постоянно на протяжении многих веков проникала во все слои общества и его сферы. Начиная с XVII в. в работах по уголовному судопроизводству появляются рекомендации о привлечении к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел лиц, сведущих в распознавании ядов и сличении почерков, обладающих медицинскими и другими специальными познаниями. В XVIII в. были предприняты первые попытки обобщения отечественной судебной практики. [3]

Эффективность и качество работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью оставались, однако, низкими, так как государственные служащие не имели специальной подготовки, необходимой для достижения целей уголовного судопроизводства, а приемы розыска преступников и доказывания их вины в суде основывались только на житейском опыте. Полиции, следователям и судьям для достижения объективной истины по уголовным делам требовались глубокие знания современных законов, познания в области медицины, химии, техники и различных ремесел. [4]

В середине XIX в. в России сформировались потребность и условия для исследований преступности, судебной и экспертной практики, разработки на основе результатов данных исследований методических рекомендаций и руководств для следователей и суда. Появилась закономерная необходимость в систематизации и обобщении эмпирического материала, результатов применения в практике первых научных разработок, формировании и преподавании специальной учебной дисциплины и нового научного знания — «полицейской» науки.

В эти годы своими научными трудами заложили основы данной учебной дисциплины и «полицейской» науки практики и теории как из разных европейских стран. В свет выходит ряд практических руководств, содержащих криминалистические рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений.

Так, в одной из ранних отечественных работ, посвященных порядку расследования преступлений, сравнительно небольшой, но содержательной книге Петра Раткевича «Зерцало правосудия» (1805 г.) излагаются первые методические рекомендации для успешной работы по уголовным делам. Уже само полное её название — «Зерцало правосудия, показывающее каким образом во всяких случающихся, а наипаче сомнительных судебных делах производить следствие, делать по ним определения, приговоры и заключения» говорит о том, что автор пытался описать порядок проведения расследования преступлений и осуществления уголовного судопроизводства. [5]

В после октябрьский период российская криминалистика продолжила свое развитие в особых исторических реалиях: механизм буржуазного государства был сломан, а органы полиции, суда и прокуратуры ликвиди-

рованы. Иными стали социально-политические ориентиры криминалистики, которая была обращена на службу партийно-государственному аппарату, использовалась для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем, а затем иногда и с проявлениями инакомыслия. Коренным образом изменились ее правовая и методологическая основы, поскольку уголовное и уголовно-процессуальное законодательство было пересмотрено. Все это не могло не отразиться на содержании и практическом применении криминалистических средств, методов и приемов.

Первый этап постоктябрьского развития отечественной криминалистики (1918—1940) характерен существенно практической направленностью научных исследований. Обобщался опыт применения методов и средств, позаимствованных после соответствующей доработки из других областей знаний, а также разработанных криминалистами самостоятельно. Были продолжены переводы работ зарубежных авторов, главным образом по криминалистической технике. Первую попытку определить предмет и содержание советской криминалистики предпринял в 1921 г. Ю. Манс. [6]

Тяжелые военные условия 1941—45 гг. поставили перед отечественными криминалистами новые сложные задачи. Обострилась проблема разработки способов выявления фальшивых документов, изготавливаемых фашистскими спецслужбами для своих агентов, засылаемых в тыл Красной Армии. С этим вопросом тесно переплеталась другая экспертиза оттисков печатей и штампов, машинописных и рукописных текстов, поскольку все документы имели такие оттиски, заполнялись от руки либо с помощью машинписи. Немалые трудности вызывали исследования поддельных продуктовых карточек и иных документов, регулирующих распределение продовольствия. Особую актуальность приобрела разработка методик расследования различных воинских преступлений, таких, как дезертирство, неповиновение командиру, членовредительство с целью уклонения от участия в боевых действиях. Повышенные требования предъявлялись к судебной баллистике, поскольку многие преступления совершались с применением огнестрельного оружия, которое стало широко доступным. Идентификация оружия по стреляным пулям и гильзам была в те годы и осталась до настоящего времени одной из актуальнейших задач судебно-баллистической экспертизы.

В 1941 г. был издан переведенный с французского капитальный труд Э. Локара «Руководство по криминалистике», в котором подробно рассматривались вопросы дактилоскопии, пальмо- и плантоскопии, графометрии, исследования пыли, а также документов, отпечатанных на пишущих машинках. [7]

В конце 60-х гг. в криминалистике появилось новое для того времени понятие — криминалистическая характеристика преступлений. Как отмечалось в литературе, эту научную категорию можно рассматривать применительно к нескольким уровням: 1) как общее понятие, 2) как криминалистические характеристики преступлений конкретных

видов и групп. Разумеется, можно говорить и о третьем уровне классификации — о криминалистических характеристиках отдельных преступлений, но в таком случае речь будет идти лишь об обстоятельствах одного преступления, которые могут оказаться нетипичными. Для науки криминалистики такие случаи, как правило, не представляют особого интереса, поскольку ее приемы и рекомендации рассчитаны именно на обстоятельства типичные, характерные для определенных видов и групп преступлений.

Таким образом, криминалистическая характеристика — это категория, связанная преимущественно с конкретными видами преступлений.

Наиболее удачным представляется такое определение типовой криминалистической характеристики: это — система данных о криминалистически значимых признаках преступлений конкретного вида или группы, отражающих закономерные связи между этими признаками и служащих построению типовых версий, которые берутся за основу при планировании расследования преступлений данного вида или группы.

К числу наиболее значимых в криминалистическом отношении особенностей преступлений конкретного вида или группы (элементов или компонентов криминалистических характеристик) относятся:

1. Непосредственный предмет преступного посяательства;
2. Способ совершения и сокрытия преступления;
3. Обстоятельства, при которых готовилось и было совершено преступление (время, место, условия охраны объекта и т. д.);
4. Особенности оставляемых преступниками следов (механизм слеодообразования в широком смысле);
5. Личность потерпевшего;

Литература:

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1. — М.: Юристъ, 1997. — с. 109.
2. Гусаков, А.Н. Криминалистика США: теория и практика ее применения. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. — с. 67.
3. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Репринтное издание 1908 года/Под ред. В.В. Крылова. — М.: ЛексЭст, 2002. — с. 324.
4. Ищенко, Е.П., Любарский М.Г. В поисках истины. — М.: Юрид. лит., 1984. — с. 45.
5. Белкин, Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1973. — с. 52.
6. Курапка, В.Э., Малевски Г., Матулене С. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях //Вестник криминалистики. 2005. № 14. — с. 55.
7. Белкин, Р.С. История отечественной криминалистики. — М.: Норма, 1999. — с. 98.
8. Аленичев, П.Н., Белкин Р.С., Винберг Л.А., Корухов Ю.Г. Криминалистика. — М.: Юрид. лит., 1986. — с. 233.
9. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: НОРМА, 2001. — с. 32.
10. Аверьянова, Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов/Под ред. Р.С. Белкина. — М.: НОРМА, 2001. — с. 29.

6. Личность преступника. [8]

Компоненту (элементы) криминалистических характеристик неразрывно связаны между собой и взаимозависимы. Поэтому, зная, например, способ совершения преступления, обстоятельства, при которых оно было совершено, следы, которые были оставлены преступниками, кто является потерпевшим, можно с очень большой степенью вероятности определить неизвестный элемент — личность преступника.

Отсюда следует вывод: типовые криминалистические характеристики видов и групп преступлений, разработанные без учета указанной выше специфики, следует рассматривать лишь как теоретическую базу для создания на их основе видовых и групповых криминалистических характеристик преступлений для определенного региона и на определенный (весьма непродолжительный) период. [9]

Особо следует сказать о криминалистической методике. Этот раздел в последние годы развивается наиболее активно. Практически по всем частным методикам имеются серьезные работы (монографии, учебные пособия), которые практические работники могут использовать при расследовании соответствующих преступлений. Достаточно привести только один пример. Лишь совсем недавно правоохранительные органы столкнулись с необходимостью расследования так называемых компьютерных преступлений, а к настоящему моменту издано уже более десяти работ, посвященных этой методике. Изданы пособия по методикам расследования таких новых и относительно редких преступлений, как мошенничество в сфере оборота жилища, преступные нарушения авторских и смежных прав, укрытие валютной выручки за рубежом и т. д. [10]

Особенности производства судебно-психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних подозреваемых

Уварова Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой;
Сорочан Вера Валентиновна, доцент
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье анализируются особенности назначения и проведения судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних подозреваемых; рассматриваются последствия, которые могут возникнуть в случае необходимого ее проведения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, несовершеннолетний, подозреваемый, эксперт-психолог, заключение эксперта.

Судебно-психологическая экспертиза как один из основных видов судебных экспертиз, применяется в следственно-судебной практике для проведения исследований с привлечением специалистов в области психологии и психиатрии, с целью составления заключения, которое будет выступать в качестве доказательств по уголовному делу с участием несовершеннолетних подозреваемых.

Производство судебно-психологической экспертизы осуществляется в пределах ее научной компетенции и в соответствии с требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства.

Статистический анализ преступности за 2014 г. показывает, что из 2190578 зарегистрированных преступлений 59549 совершено несовершеннолетними или с их участием [1], а в январе — сентябре 2015 г. из общего числа совершенных преступлений 1777938, несовершеннолетними совершено — 41236 преступлений [2].

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 196 УПК РФ назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить «... психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве».

Основная задача судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних подозреваемых состоит в исследовании способности подростков, имеющих признаки умственной отсталости, не связанной с душевными заболеваниями, полностью сознавать значение своих действий и руководить ими.

Поэтому проблема возрастной специфики психических заболеваний актуальна как для общей, так и для судебной психиатрии [3, с. 3, 9].

Основным принципом судебно-психологической экспертизы является направленность исследования на анализ содержания и структуры конкретных поступков несовершеннолетних подозреваемых или отражения явлений действительности. Всестороннее и полное расследование и судебное разбирательство уголовных дел включает в себя изучение и анализ психологических механизмов

поведения людей, в частности, степени его осознанности. Если же психологические вопросы не могут быть решены на основе профессионального и жизненного опыта следователя, то возникает потребность в проведении судебно-психологической экспертизы.

Изучение особенностей психических расстройств в детском возрасте, начавшееся в конце прошлого столетия, привело к оформлению детской психиатрии в самостоятельную научную дисциплину, способствовало разрешению ряда основных клинических, организационных и лечебно-профилактических вопросов.

Одной из таких проблем на сегодня является психиатрия подростково-юношеского возраста, которой до недавнего времени уделялось незаслуженно мало внимания.

Для экспертной оценки способности несовершеннолетних подозреваемых полностью сознавать значение своих действий и руководить ими, необходимо исследовать состояния их интеллектуального (умственного) развития. Задержка в развитии психиатрии подростково-юношеского возраста, остро ощущаемая в настоящее время в связи с потребностями практики, связана с рядом обстоятельств, основное место среди которых занимают чрезвычайная сложность, психопатология, чистота поведенческих нарушений и трудности работы с этим контингентом.

Для следственной, судебной и экспертной практики важно, что в основе отставания подростка в психическом развитии лежат различные причины, ни одна из которых не определяет отставание как обязательный результат, но и не должна оставаться без внимания при оценке процесса и состояния психического развития несовершеннолетнего.

В тех случаях, когда в распоряжении следователя имеются данные о том, что подросток перестал учиться в школе или вообще не посещал ее, неоднократно оставался на второй год, можно предположить, что он отстает от сверстников в психическом развитии. В этом случае рекомендуется назначить судебно-психологическую экспертизу и проведенная ранее судебно-психиатрическая экспертиза признала подростка психически здоровым [4, с. 152].

Самый первый опыт проведения судебно-психологической экспертизы в России был в 1883 году и назывался

экспертизой чувств и впечатлений, автором, которого был известный юрист и общественный деятель А. Ф. Кони [5].

Объектом исследования судебно-психологической экспертизы являются психические проявления несовершеннолетнего подозреваемого, которые выходят за пределы нормального поведения. С помощью указанной экспертизы можно получить данные, которые позволяют понять и оценить особенности психической деятельности и проявления подростка, которые имеют значение для выводов правового характера и способствуют правильной оценке показаний подозреваемых и обвиняемых в случаях, когда они вызывают сомнение в своей достоверности.

В качестве предмета судебно-психологической экспертизы рассматриваются возможности допрашиваемого несовершеннолетнего лица воспринимать, сохранять в памяти и воспроизводить сведения о фактах, которые подлежат доказыванию.

На практике следователь часто сталкивается с тем, что несовершеннолетние искажают или изменяют показания, что приводит к определенным трудностям в процессе расследования преступлений. В таких случаях заключения экспертов-психологов используются для оценки показаний.

Отказ от проведения подобной экспертизы может привести к утрате доказательств и к тому, что преступление будет не раскрыто, а виновные лица не будут наказаны.

Не редко следователь сталкивается с личностной незрелостью несовершеннолетних, что затрудняет решение вопроса о способности несовершеннолетнего полностью сознавать значение своих действий и руководить ими.

При этом поводами для назначения судебно-психологической экспертизы могут служить данные о неблагоприятных условиях воспитания несовершеннолетнего или сомнения в его достаточной личностной зрелости, основанное на анализе целей, мотивов, обстоятельств совершения преступления.

Так, например, при расследовании наркопреступлений, совершаемых в молодежной и подростковой среде, подлежат установлению уровень психического развития несовершеннолетнего, наличие либо отсутствие у него отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, а также способность подростка в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими [6, с. 146; 7, с. 24]

При расследовании преступлений, участниками которых являются несовершеннолетние, следователь ставит на разрешение судебно-психологической экспертизы следующие вопросы:

1) имеются ли у несовершеннолетнего признаки отставания в психическом развитии, и если да, то в чем они выражаются?

2) учитывая особенности психического развития несовершеннолетнего, мог ли он полностью сознавать значение своих действий?

3) учитывая особенности психического развития несовершеннолетнего, в какой мере он мог руководить своими действиями?

Проведение судебно-психологической экспертизы в отношении несовершеннолетнего подозреваемого направлено не на установление общей способности или неспособности сознавать значение своих действий и руководить ими, а на установление конкретных действий, совершаемых в конкретных условиях [8, с. 7; 9, с. 169].

Обязательной составляющей экспертного исследования является сопоставление данных о состоянии и особенностях психического развития подростка с результатами анализа ситуации и поведения испытуемого подростка.

Проводя исследование, эксперт должен сформулировать окончательные выводы по каждому вопросу, точно придерживаясь их содержания. Ответ на вопрос «Имеются ли у несовершеннолетних признаки отставания в психическом развитии, и если да, то в чем они выражаются?» должен содержать утверждение или отрицание наличия признаков отставания в психическом развитии у несовершеннолетнего. При ответе на второй вопрос тоже должен быть только положительный или отрицательный ответ. Эксперт-психолог должен сделать вывод о том, мог ли подросток полностью сознавать значение своих действий. При ответе на третий вопрос, эксперт должен установить, в какой мере несовершеннолетний мог руководить своими действиями:

- мог руководить своими действиями в полной мере;
- мог руководить своими действиями не в полной мере;
- не мог руководить своими действиями.

Таким образом, судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетнего подозреваемого представляет собой один из наиболее сложных видов экспертного исследования, для стандартизации и выработки единых общепринятых критериев которого необходима серьезная работа. Вместе с тем, развитие правовой политики по отношению к несовершеннолетним позволяет надеяться на введение в России, системы ювенальной юстиции, которая предусматривает использование не только принципа разумения, но и принципа воспитуемости. А это повлечет за собой постановку новых вопросов к экспертам-психологам и необходимость новых методологических разработок.

Литература:

1. Состояние преступности в России за 2014 г. // https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pXOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 09.11.2015).
2. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2015 г. // https://mvd.ru/upload/site1/document_file/54smsjtH8L.pdf (дата обращения: 09.11.2015).

3. Гурьева, В. А. Актуальные вопросы экспертизы несовершеннолетних. М., 2003. с. 3, 9.
4. Кудрявцев, И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. с. 152.
5. Габидуллова, Э. Р., Камалиева Л. А. Особенности судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам XXXVI международной научно-практической конференции. (21 апреля 2014 г.) // <http://sibac.info/14476> (дата обращения: 09.11.2015).
6. Уварова, И. А. Выявление и расследование наркопреступлений, совершаемых в молодежной и подростковой среде/И. А. Уварова; под общ. ред. П. П. Сергуна; Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская правовая акад. М-ва юстиции Российской Федерации», Поволжский (г. Саратов) юридический ин-т (фил.). Москва, 2011. с. 146
7. Уварова, И. А. Выявление и расследование наркопреступлений, совершаемых в молодёжной и подростковой среде. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. с. 24.
8. Коченов, М. М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977. с. 117.
9. Уварова, И. А. Методика расследования преступлений против жизни и здоровья: проблемы теории и практики. М., 2015. с. 169.

Понятие, значение и содержание антикоррупционного мониторинга

Ходжалиев Салех Айсаяевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Понятие «мониторинг» (от англ. monitoring — «отслеживание», имеющее латинский корень *monitor* — «надзиратель», «надсмотрщик») стало широко употребляемо во второй половине XX в. В современной политической, социологической, юридической, экономической и иной специальной литературе используются самые различные его определения [1].

В энциклопедических словарях можно встретить и более развернутые описания мониторинга, представляющего собой систему сбора и обработки информации, используемой для улучшения процесса принятия решения, а также для информирования общественности (как инструмент обратной связи в целях реализации проектов, оценки стратегий и программ или выработки политики в той или иной сфере жизнедеятельности).

Таким образом, мониторинг можно рассматривать как эффективный инструмент информационного сопровождения управленческой деятельности, в особенности, если этот вид деятельности представляет собой более или менее продолжительный, характеризующийся этапами процесс.

С учетом того, что мониторинг все более широко применяется при анализе общественных процессов, принято выделять мониторинг, в основе которого используется конкретно-социологический инструментальный исследования. Предметом такого исследования могут быть не только объекты социальной сферы, но и криминологически значимые.

Следует признать, что решающим фактором, определяющим состояние и развитие политики, экономики, социальной сферы, обеспечения прав и свобод граждан, является качество деятельности органов государственной

власти. И чтобы обеспечить им успешную и эффективную работу, их деятельность целесообразно подвергать постоянному мониторингу.

По мнению В.Л. Римского, под мониторингом деятельности органов власти следует понимать «постоянное, специально организованное, систематическое наблюдение за этой деятельностью с целью выявления ее соответствия желаемому результату и объявленным целям» [2].

В определенном смысле здесь можно говорить о внутреннем и внешнем «аудите» деятельности органов государственной власти. И тот и другой априори имеет как достоинства, так и недостатки и сам по себе не может рассматриваться как универсальный и исчерпывающий инструмент мониторинга. Поэтому вряд ли уместно противопоставлять мониторинг, проводимый государственными организациями, аналогичным исследованиям, осуществляемым неправительственными и общественными структурами. Скорее следует говорить об их взаимном дополнении.

Цели проведения «внутреннего» и «внешнего» мониторинга деятельности одного и того же объекта во многом зависят от задач, которые ставят перед собой субъекты мониторинга: специализированные органы, индивиды или социальные группы.

При этом можно отдельно выделить цели мониторинга деятельности органов власти, осуществляемого негосударственными организациями, пытаясь обосновать то, что они отличны от целей мониторинга, проводимого под эгидой государственных органов.

Допустимо полагать, что мониторинг деятельности органов государственной власти, проводимый правозащитными, некоммерческими и общественными органи-

зациями, является формой гражданского контроля деятельности этих органов.

В криминологическом контексте, анализ и оценка состояния дел в сфере противодействия коррупционной преступности должны начинаться с использования отмечаемых выше методов, которые позволяют получать правовую информацию о комплексе факторов, детерминирующих преступность в их взаимодействии.

Для этих целей важны исследования деятельности органов управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях на предмет как выявления коррупционных факторов, так и оценки эффективности предпринимаемых этими органами мер по предупреждению коррупционных проявлений.

Как правило, результаты выполнения государственными гражданскими служащими своих функций находят отражение в документах, которые они должны готовить в ходе обязательных административных, разрешительных, юрисдикционных и других служебных процедур. В этой связи анализ документооборота в органах государственной власти дает основания для оценки: соблюдения сроков выполнения процедур, законности указаний вышестоящих руководителей, эффективности внутреннего контроля за выполнением поручений и решений, качестве обслуживания граждан и т. д.

При организации мониторинга и перед его началом представляется целесообразным провести изучение основных нормативных актов, регламентирующих деятельность проверяемого органа государственной власти, а также ведомственные нормативные правовые акты. Такой подход дает возможность субъектам мониторинга четко ориентироваться в вопросах, касающихся принятия коррупциогенных решений, и фиксировать допущенные в ходе деятельности этого органа управления нарушения, степень их серьезности, а также причины их появления, т. е. определять, идет ли речь о системных ошибках или противоправных действиях отдельного субъекта.

На эффективность мониторинга с использованием данного метода существенное влияние оказывает степень открытости и прозрачности органов государственной власти и доступности информации о ее деятельности. Наилучшие результаты достигаются сегодня в странах с развитыми демократическими институтами, где широко применяется электронный документооборот и предоставление государственных и муниципальных электронных услуг. В российских условиях сохраняется тенденция со стороны органов государственной власти максимально ограничить доступ граждан к информации о своей деятельности, поэтому данный метод может обеспечиваться не только юридическим сопровождением проводимых исследований, но и административным ресурсом.

Статистические показатели, которые аккумулируются не только в учреждениях государственной статистики, но и в других государственных структурах, располагающих контрольными и надзорными функциями, можно исполь-

зовать в качестве элементов сравнительного анализа при условии, что мониторинг охватывает достаточно продолжительные временные периоды, позволяющие отслеживать закономерности изучаемого явления. При этом, субъектам мониторинга необходимо учитывать, что государственная статистика оперирует, как правило, ограниченным набором показателей, и перечень их жестко регламентирован ведомственными приказами или другими нормативными документами.

Оценка деятельности органов государственной власти путем анализа публикаций в СМИ является одним из действенных методов исследования криминологически значимых явлений [3]. В ходе проведения антикоррупционного мониторинга, в особенности при использовании большого числа разноплановых статистических показателей, например данных Росстата, указанные методы в том или ином сочетании могут быть востребованы.

Ценность экспертных суждений заключается в том, что они способствуют повышению профессионального уровня исследования, а также качества рекомендаций.

Метод case study ориентирован на получение информации об изучаемых объектах главным образом путем интервью и анализа документов. Для успешного применения данного метода требуется серьезная подготовка, начинающаяся на этапе выбора объекта исследования. Необходимо также учитывать, что сбор информации может потребовать длительного времени и применения на разных этапах исследования различных способов получения информации.

Отличительной особенностью экспертизы деятельности органов власти является то, что к ее проведению привлекаются специалисты-эксперты, осуществляющие в пределах своей компетенции мониторинг объектов и способные дать профессиональные и мотивированные заключения.

Принимая во внимание, что современная коррупция представляет собой весьма сложное социально-правовое явление, наличие четкого представления о ее уровне и масштабах, особенностях, эффективности предпринимаемых властями мер по борьбе с ним становится важнейшим условием формирования государственной антикоррупционной политики в России.

Антикоррупционный мониторинг представляет собой социально-криминологический вид деятельности органов государственной власти, общественных институтов, при участии граждан, направленный на непрерывный сбор, комплексную обработку и анализ информации, касающейся:

- эффективности антикоррупционного законодательства и предпринимаемых государственными органами мер против коррупции;
- состояния правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции;
- восприятия и оценки уровня, масштабов коррупции структурами
- гражданского общества;

— разработки предложений по совершенствованию и разработке новых мер предупреждения коррупционных проявлений.

Исходя из предложенного операционального понятия, ключевыми составляющими антикоррупционного мониторинга выступают исследование состояния коррупции и мер противодействия ее проявлениям, предусматривающее разработку и принятие оптимальных направлений организации противодействия коррупции, с актуализацией задач по превентивному воздействию на причины и условия, способствующие совершению коррупционных преступлений.

Такой подход предполагает комплексное применение, как методики криминологического исследования, так и целого ряда конкретно-социологических методов, которые должны рассматриваться в качестве равнозначных элементов антикоррупционного мониторинга.

Принимая во внимание, что в последние годы российское антикоррупционное законодательство претерпело качественные изменения, криминологическая, составляющая мониторинга коррупции также нуждается в совершенствовании, что потребует и расширения перечня статистических показателей применительно к коррупционным правонарушениям. Следовательно, создание системы антикоррупционного криминологического мониторинга предусматривает необходимость решения нескольких задач, включая организационно-правовые и научно-методические. От качества решения этих задач будет во многом зависеть эффективность такой системы, ее сбалансированность, а также степень доверия общества к результатам проводимых исследований.

В этой связи важной является задача по определению (созданию) организации, на которую будут возложены функции по проведению мониторинга. Исходя из предложенного операционального определения антикоррупционного криминологического мониторинга, можно предположить, что такая структура должна включать экспертов в области уголовного, гражданского и административного права, государственного управления, социологов и экономистов. Базовой площадкой мог бы выступать специализированный научный центр, обладающий не только правом проведения исследований, но и научной компетенцией в этой сфере.

Что касается научно-методической основы организации антикоррупционного мониторинга, первым шагом должна

стать выработка концепции будущей исследовательской работы, основных целей мониторинга и его предметного содержания. Необходимо четко определить, какие социальные явления, системы, процессы и органы управления предполагается выбрать в качестве объектов наблюдения, и какие задачи будут решаться с помощью полученной информации. В зависимости от концепции, определяющей главные характеристики мониторинга, вырабатывается дальнейшая программа его функционирования. [4]

Эта программа мониторинга должна включать в себя как методические положения, характерные для проведения социологических исследований, так и методику сбора и обработки криминологической информации. В программе мониторинга наряду с постановкой целей и изложением основных положений концепции должна быть прописана система организации и технология сбора информации. Это предусматривает обоснование выборки объектов предстоящего мониторинга и методики его проведения, определение технических средств, индикаторов, порядка обработки полученной информации, формата и вида последующего представления результатов.

Как представляется, одним из ключевых элементов в подготовке программы, станет определение индикаторов мониторинга, которыми являются полученные при исследовании измерения. В ходе мониторинга может возникать проблема необходимости корректировки индикаторов для последующих этапов исследования. В этой связи сравнительные данные на основе одних и тех же индикаторов более убедительны. Уточнение индикаторов в каждом следующем цикле экспериментов позволяет более точно реагировать на сложные закономерности объекта мониторинга.

Нужно согласиться с тем, что содержание антикоррупционного мониторинга достаточно обширно и пока не представляется в виде концептуальной модели, имеющей научно-практическое обоснование [5]. При таком положении, выдержанным (с точки зрения репрезентативности и объективности) будет подход, при котором дальнейшее исследование методологических основ мониторинга будет обращено к опыту формирования и функционирования систем антикоррупционного мониторинга, сложившихся и складывающихся при исполнении конвенционных антикоррупционных требований, а также неправительственных международных инициатив.

Литература:

1. Реймерс К.Ф. Природопользование: словарь-справочник. — М.: Мысль, 1990. — с. 139.
2. Римский, В.Л. Методы мониторинга деятельности органов власти. — М.: Артем, 2009. — с. 18.
3. Юцкова, Е.М. Средства массовой информации в России глазами криминолога. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. — с. 22.
4. Долгова, А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. — М.: Статут, 2011. — с. 445.
5. Бидова, Б.Б. Институциональное обеспечение национальной системы антикоррупционного мониторинга [Текст]/Б.Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 21.

Виды прикосновенности к преступлению, связанные с неприятием мер по его предупреждению

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Одним из видов прикосновенности, нормы об ответственности за который обладают, прежде всего, общепредупредительным воздействием, является попустительство преступлению. Согласно русскому языку термин «попустительство» означает отсутствие противодействия чему-нибудь недопустимому, противозаконному [1].

Законодательное определение понятия «попустительство преступлению» отсутствует. Самой этой категории также нет в современном уголовном законодательстве. В доктрине отечественного уголовного права определение понятия «попустительство преступлению» относится к числу дискуссионных. Многие ученые-юристы считают, что попустительство преступлению — это заранее не обещанное невоспрепятствование достоверно известному готовящемуся или совершаемому преступлению в случаях, когда лицо должно было и могло ему воспрепятствовать. Наряду с этим в доктрине высказаны и другие суждения.

По мнению А. Шнейдера, «попустительство есть невоспрепятствование преступлению в случаях, когда данное лицо могло лично воспрепятствовать его совершению или принять другие необходимые меры для предотвращения преступления» [2].

Как видно, в приведенном определении акцент делается на том обстоятельстве, что виновное лицо может препятствовать преступлению лично либо путем принятия иных необходимых мер. Как представляется, это обстоятельство не является при попустительстве решающим. Кроме того, в указанном определении как попустительство рассматривается бездействие лица, независимо от того, являлось ли воспрепятствование преступлению его обязанностью либо нет.

В свете вышеизложенного под попустительством преступлению следует понимать заранее не обещанное неприятие мер по предупреждению достоверно известного готовящегося или совершаемого преступления в случаях, когда лицо должно было и могло соответствующие меры принять.

Одна из особенностей законодательной регламентации попустительства преступлению такова, что это общественно опасное деяние не получает самостоятельной оценки в рамках отдельного состава преступления. Попустительство преступлению вообще — это юридическая конструкция, отражающая признаки реального уголовно-правового явления, но лишенная особого нормативного описания, специфического юридического объективирования в законодательстве. Однако, попустительство преступлению — это вовсе не теоретическая абстракция, не «виртуальный» конструкт, а социально-правовой фе-

номен, который проявляет себя через призму множества норм Особенной части уголовного права. [3]

Представляется, что вопрос об объекте попустительства необходимо решать, основываясь на положениях учения о прикосновенности к преступлению. Поскольку общественная опасность попустительства (как вида уголовно-противоправной прикосновенности) состоит в создании этим деянием возможности беспрепятственной подготовки и совершения другими лицами преступных посягательств, постольку причиняется вред нормальной деятельности органов государственной власти по предупреждению преступлений. Отсюда, родовым объектом попустительства следует признавать интересы государственной власти.

Видовым объектом анализируемого деяния являются интересы государственной службы, службы в органах местного самоуправления, военной службы. Основным непосредственным объектом попустительства могут выступать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование аппарата конкретного звена системы органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также органов управления в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях РФ; установленный порядок несения различного рода воинских служб (пограничной, патрульной, службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, внутренней службы, патрулирования в гарнизоне, боевого дежурства).

Как и все иные виды прикосновенности, попустительство создает условия для совершения преступлений другими лицами. По этой причине попустительство характеризуется также наличием факультативного объекта, в качестве которого могут выступать интересы общественной безопасности. Попустительство преступлению относится к числу так называемых беспредметных преступных посягательств. [4]

С объективной стороны попустительство выражается в бездействии. Последнее состоит в неприятии мер противодействия готовящемуся или совершаемому преступлению. По своему характеру указанные меры могут быть как непосредственного, так и опосредованного противодействия.

Непосредственное противодействие подразумевает личные действия лица по недопущению преступления. Опосредованные меры состоят в привлечении к такому противодействию третьих лиц.

Содеянное может быть квалифицировано как попустительство только при одновременном наличии двух ус-

ловий: на виновное лицо возложена обязанность противодействовать преступлению и это лицо имеет реальную возможность выполнить возложенную на него обязанность. Названные условия не являются альтернативными. Они одновременно включены в основание уголовной ответственности за попустительство как разновидность преступного бездействия. С субъективной стороны попустительство характеризуется умышленной формой вины. Лицо осознает, что оно не препятствует совершению преступления и желает этого либо относится к этому безразлично.

Субъект попустительства преступлению специальный. Им является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Спорным в доктрине является вопрос о признании субъектами попустительства частных лиц (обычных граждан). В разные периоды развития отечественного уголовного права этот вопрос решался неодинаково. Уголовное право царской России в качестве попустителей рассматривало лиц, которые в силу специфики осуществляемой службы или рода деятельности должны были оказывать противодействие преступным посягательствам.

Проблема противодействия попустительству преступления приобрела сегодня общенациональный характер. В самом деле, бездействие лиц, облеченных государством властью осуществлять социально значимые действия в интересах общества (в том числе предотвращать и пресекать преступления), подрывает сами основы публичной

власти, ставя под сомнение ее способность выполнять возложенные на нее задачи. В этой связи представляется заслуживающим внимания мнение А.Г. Безверхова о целесообразности выделения в УК РФ наряду с халатностью такого вида должностного (служебного) преступления как преднамеренного бездействия власти и тем самым обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за пассивные формы умышленного должностного поведения общественно опасного характера [5].

Обосновывая эту позицию, разумно, обратить внимание на следующие обстоятельства. Специфика деятельности должностного лица заключается в том, что последнее действует на основании специально предоставленных ему властных полномочий различного уровня или характера. Под должностными полномочиями понимается ограниченное установлением специальных запретов право, предоставленное должностному лицу для исполнения возложенных на него служебных обязанностей. Долг лица, наделенного властными полномочиями, состоит в осуществлении власти в пределах предоставленных ему прав и в соответствии с возложенными на него обязанностями. Должностные обязанности, определяющие меру служебного поведения, состоят 1) в воздержании субъекта власти от совершения запрещенных актов поведения и 2) в исполнении данным лицом требуемых от него действий. Как видно, «бездействие власти» легко вписывается в общую логику систематизации должностных преступлений (превышение власти — бездействие власти).

Литература:

1. Толковый словарь русского языка/Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Терра, 1996. — с. 595.
2. Шнейдер, М.Л. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. — М.: Госиздт, 1958. — с. 51.
3. Истомин, А.Ф. Уголовная ответственность за легализацию незаконных доходов //Журнал российского права. 2012. № 3. — с. 59.
4. Мазур, С.С. Объект и виды экономических преступлений и преступлений в сфере экономической деятельности //Уголовное право. 2013. № 2. — с. 49.
5. Безверхов, А.Г. Должностные (служебные) преступления и проступки. — Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2011.-С. 101.

Социально-правовые аспекты общей теории правонарушений

Челомбицкая Екатерина Александровна, магистрант
 Эссентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

Прежде чем приступить к исследованию состава правонарушения, необходимо уяснить понятие «правонарушение», его признаки и характеристики. Это вызвано тем, что в понятии состава правонарушения находят свою конкретизацию признаки правонарушения.

При этом понятие «состав правонарушения» не подменяет понятием «правонарушение». Понятию правонарушения уделяется пристальное внимание как в общетео-

ретической [1, с. 15], так и в отраслевой литературе [2, с. 25]. Следует отметить, что наука теории государства и права не стоит на месте, а наряду с уточнением общего понятия правонарушения занимается разработкой относительно новых видов правонарушений: процессуальных, частноправовых и публично-правовых.

В науке теории государства и права дают самые разнообразные определения правонарушения, которые отлича-

ются наличием либо отсутствием того или иного признака. По мнению А.Л. Иванова и В.П. Иванова, правонарушение можно определить как общественно опасное противоправное виновное деяние человека, наносящее вред личности, собственности, государству или обществу в целом и влекущее применение мер юридической ответственности [3, с. 6].

Ю.А. Денисов считает, что «правонарушением является общественно опасное виновное деяние, противоречащее нормам нрава, за совершение которого предусматривается правовая ответственность» [4, с. 56]. Специалисты в области теории государства и нрава при определении понятия правонарушения расходятся в признаках наличия общественной опасности и наказуемости. Так, Д.А. Липинский [5, с. 37–43], Р.Л. Хачатуров [6, с. 56], Л.Ф. Галузин и другие ученые считают, что общественная опасность является обязательным признаком правонарушения [7, с. 40]. М.Н. Вопленко и другие ученые считают, «что общественная опасность является существенным качеством только преступных деяний и не может признаваться свойством иных правонарушений» [8, с. 52]. На наш взгляд, вес правонарушения обладают общественной опасностью, а вред есть не что иное, как одно из проявлений общественной опасности. Общественная опасность может находить свое выражение не только во вреде, но и в мотивах поведения, способе совершения правонарушения, форме вины, в тех орудиях и средствах, которые применял правонарушитель.

Степень общественной опасности подчеркивает и сама характеристика объекта правонарушения. Как отмечается в юридической литературе, признаки, характеризующие общественную опасность, целесообразно разделить на две группы. К первой группе следует отнести объект правонарушения, а ко второй общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного. Вторая группа — это не что иное, как элементы структуры общественной опасности правонарушения.

Следует отметить, что из законодательных определений правонарушений, (а они содержатся в УК РФ, КоАП РФ,) только в Уголовном кодексе есть указание на общественную опасность как признак преступления. В ст. 14 УК РФ определяется, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [9, с. 7]. В ст. 2.1 КоАП РФ указывается: «Административным правонарушением признается противоправное виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [10, с. 7]. Однако в науке не должен преобладать формальный подход, а сущность социально-правовых явлений ученые выявляют не только из законодательных формулировок тех или иных понятий.

Выше мы приводили так называемый описательный подход к определению понятия правонарушения. Суще-

ствует и другая позиция, когда правонарушение определяют как юридический факт, порождающий правоотношение юридической ответственности. Действительно, правонарушение является юридическим фактом, а в законодательных формулировках понятия правонарушения, которые закреплены в различных нормативно-правовых актах, только описываются его характеристики. В процессе осуществления квалификации происходит «наложение» того события, которое произошло в действительности, на те признаки и характеристики, которые закреплены в законе. Думается, что в научном определении понятия правонарушения можно синтезировать обе позиции, указать на правонарушение как на одну из разновидностей юридических фактов. С учетом изложенного правонарушение можно определить как юридический факт, представляющий собой общественно опасное виновное противоправное деяние, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность.

Из анализа действующего законодательства и различных научных позиций можно выделить следующие признаки правонарушения: во-первых, правонарушение — это деяние; во-вторых, деяние общественно опасное; в-третьих, деяние противоправное; в-четвертых, деяние виновное; в-пятых, деяние, за которое предусмотрена юридическая ответственность.

Остановимся на признаках правонарушения, которым мы не уделяли внимания: противоправность, предусмотренность юридической ответственности, виновность и деяние.

Противоправность означает, что правонарушением признается деяние, запрещенное нормой права. Норма права устанавливает правило поведения, т. е. то, как следует поступать в той или иной ситуации и как запрещено поступать субъектам правовых отношений.

Деяние — один из главных признаков правонарушения. Именно деяние является общественно опасным, оно неразрывно связано с самой личностью, которая его совершает, а с внутренней стороны деяние носит виновный характер. Таким образом, без деяния невозможна вина и общественная опасность. Деяние есть акт сознательного нулевого поведения, получивший свою объективацию). Совершение правонарушения возможно как в форме действия, так и в форме бездействия.

Деяние неразрывно связано с волей и сознанием субъекта. Более того, оно неотделимо от субъекта правонарушения, т. к. деяние совершает именно субъект (физическое или юридическое лицо). Правовое значение для квалификации деяние имеет только тогда, если субъект осознавал свои действия, и они находились под контролем его воли.

Вина — следующий признак правонарушения, который отрицается многими учеными-цивиристами.

Признак предусмотренности юридической ответственности за правонарушение неоднозначно понимается в юридической литературе.

За последнее десятилетие правовая наука помимо конституционных выявила и другие новые разновидности пра-

вонарушений: финансовые, которые включают налоговые, валютные и бюджетные правонарушения. При определении этих разновидностей правонарушений указывают на типичные их признаки: общественную опасность; деяние; виновность; предусмотренное в юридической ответственности.

Итак, правонарушение — это юридический факт, представляющий собой противоправное, виновное, общественно опасное деяние, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность.

Литература:

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях. — М.: Проспект, 2013. — с. 7.
2. Уголовный кодекс РФ. — М.: Проспект, 2014. — с. 7.
3. Краснов, А. В. Правовые санкции в экономической сфере: дис... канд. юрид. наук. — Казань, 1999. — с. 15.
4. Вопленко, Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность. — Волгоград: Изд-во Волгоградского Университета, 2005. — с. 52.
5. Галузин, А. Ф. Правонарушение как основная угроза правовой и социальной безопасности. — Самара: Изд-во Самарского Государственного Экономического Университета, 2007. С. 40.
6. Денисов, Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. — с. 56.
7. Иванов, Л. Л., Иванов В. П. Правонарушение и юридическая ответственность. — М.: Закон и право. 2006. — с. 6.
8. Липинский, Д. А. Проблемы совершенствования процессуальной ответственности // Право и политика. 2004. № 11. — с. 37–43.
9. Смирнов, В. И. К вопросу о сущности преступного деяния (критический очерк). — Харьков, 1998. — с. 25.
10. Хачатуров, Р. Л., Юридическая ответственность. — Тольятти: Изд-во МАБиБД, 1995. — с. 40.

Краудсорсинг и демократия в Российской Федерации

Шадрин Владимир Владиславович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Современный уровень развития информационных технологий актуализирует проблему осуществления демократии. Меняются представления о способах, методах и средствах осуществления гражданами своей власти, будь то непосредственно или через представителей. Особого внимания заслуживает осуществление демократии в контексте краудсорсинга.

Краудсорсинг — это мобилизация ресурсов людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед бизнесом, государством и обществом в целом [1].

Сфера применения краудсорсинга чрезвычайно широка: он применяется в бизнесе, общественной деятельности и политике. Краудсорсинг позволяет решить такие задачи, как создание продукта, голосование, поиск оптимального решения проблемы, поиск людей, сбор информации и мнений, тестирование продуктов, а также для сбора средств (краудфандинг).

Не является исключением и применение технологии краудсорсинга в юридической практике. Ярким тому примером служат действующие в Великобритании сайты Joilitics и Number 10²⁰. Jolitics позволяет пользователям опубликовать свои законотворческие предложения длиной

не более 140 символов, который обсуждается в течение четырех недель, а затем выставляется на голосование. Если предложение было одобрено более 50% голосующих, то оно может быть отослано члену парламента с указанием числа проголосовавших за него пользователей. Правительственный сайт Number 10²⁰ позволяет размещать онлайн-петиции, которые при сборе более 500 подписей получают официальный ответ от властей, а при сборе более 100 тысяч подписей становятся предметом парламентских слушаний [2, с. 35]. Необычный опыт применения краудсорсинга продемонстрировала конституционная реформа в Исландии. Финансовый кризис 2008–2009 г. спровоцировал масштабные акции протеста, в результате чего правительство было вынуждено уйти в отставку, были проведены досрочные парламентские выборы. Пришедшие к власти левые партии взяли курс на оздоровление экономики и принятие новой конституции. В 2010 г. был создан Конституционный Совет, который состоял из 25 простых граждан, которые не принадлежали ни к одной политической партии. Совет активно использовал известные социальные сети — Facebook, Twitter, YouTube, Flickr. От граждан поступило 3600 комментариев к работе Совета и 370 поправок к Конституции.

туции. Каждую неделю Совет публиковал в интернете новые статьи для свободного обсуждения. После изучения и экспертизы поступивших предложений Совет публиковал исправленную версию статей, которые затем обсуждались еще раз. Кроме того, члены Совета раз в неделю размещали отчет о своей работе на «YouTube», все заседания Совета постоянно транслировались в интернете. Итоговый проект был представлен в 2011 г. в парламент, а в октябре 2012 г. на референдуме текст Конституции был одобрен 67% голосовавших граждан [3].

В России действует ряд проектов, которые применяют технологию краудсорсинга:

— Федеральный портал проектов нормативных правовых актов;

— Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива»;

— Интернет-проект «Демократор»;

— Демократия2;

Федеральный портал проектов нормативных правовых актов был создан на основе Указа Президента Ф от 9 февраля 2011 г. «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и принятого во его исполнение Постановления Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Портал позволяет гражданам узнавать о законодательных инициативах и законопроектах федеральных органов исполнительной власти, обсуждать их и предлагать свои идеи для их улучшения. Существенными недостатками работы Портала являются, во-первых, ограничение круга обсуждаемых проектов — они касаются лишь социально-экономического развития страны, а не всех сфер общественной и государственной жизни; во-вторых, значительная доля проектов носят технический характер, проекты не классифицированы на общественно значимые и технические; в-третьих, узкий круг субъектов, чьи проекты выносятся на обсуждение — нет актов Президента РФ, которые по-прежнему будут готовиться в закрытом режиме [4, с. 68].

«Российская общественная инициатива» (РОИ) был создан во исполнение указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» и позволяет гражданам размещать свои общественные инициативы по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Субъектом инициативы может выступить любой гражданин, достигший возраста 18 лет и зарегистрированный на портале www.gosuslugi.ru. Инициатива в течение не более двух месяцев проходит предварительное рассмотрение в экспертной группе на предмет соответствия Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, в том числе

в области прав, свобод и законных интересов граждан; кроме того, оценивается актуальность проблемы, содержащейся в общественной инициативе, обоснованность предлагаемых вариантов ее решения. Далее в случае успешного прохождения предварительной экспертизы инициатива публикуется на официальном сайте и становится доступной для голосования. На этом этапе инициативе предоставляется один год для того, чтобы набрать необходимое количество голосов: на федеральном уровне и в субъектах РФ численностью населения более двух млн чел. — не менее 100 тыс. голосов в поддержку инициативы; на региональном и муниципальном — не менее 5% от численности зарегистрированного населения. После того как инициатива наберет голоса, она попадает в экспертную группу федерального, регионального или муниципального уровня, где будет приниматься решение о мерах по ее реализации [5].

Интернет-проект «Демократор» — это площадка публичного и открытого взаимодействия граждан, органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, партий и общественных движений, который позволяет пользователям открыто публиковать и обсуждать проблемы, инициативы, собирать голоса в поддержку их важности, формировать обращения в виде заявлений, предложений, жалоб, и т. п. и направлять эти обращения в организации по принадлежности; органам государственной власти, органам местного самоуправления, партиям, общественным организациям или движениям, коммерческим структурам или иным юридическим лицам, в чей адрес было направлено обращение, открыто размещать ответы и принятые решения по существу полученного обращения, а также получать результаты мониторинга экономической, социальной, культурной и духовной сфер жизни граждан на территории их проживания (проблемы, протестные настроения, общественное мнение и т. д.); пользователям давать публичную открытую оценку на размещенные организациями ответы и принятые решения по обращениям [6].

Сайт Демократия2 — это проект, который построен на концепции «облачной демократии», позволяющий пользователям через свой блог на сайте подавать петиции, проводить выборы, а также вести их обсуждение, выступать в роли экспертов и объединяться в группы по хозяйственному, политическому, географическому или любому другому признаку [7].

Обратим внимание на проблемы, которые связаны с осуществлением демократии

В первую очередь, необходимо определиться с тем, какое положение занимает краудсорсинг при осуществлении демократии. На наш взгляд, краудсорсинг следует рассматривать в качестве способа (метода) осуществления демократии, а в свою очередь информационные технологии — это средство (инструмент), благодаря которому осуществляется демократия. Поэтому выделять краудсорсинг в качестве отдельной, новой формы демократии или к демократическим институтам наподобие голосо-

вания, опроса граждан и т. п. не представляется целесообразным и правильным.

Во-вторых, при осуществлении демократии методом краудсорсинга возникают сложности в подготовке и реализации краудсорсинговых проектов. Неправительственные проекты не имеют гарантий по реализации своих предложений, петиций и инициатив, а государственные платформы сужают свои возможности строгими рамками и осторожными ограничениями. На наш взгляд, краудсорсинговые проекты, созданные гражданами самостоятельно на базе собственных сайтов и известных социальных сетей (таких как Facebook, Twitter, Instagram, ВКонтакте, YouTube и др.), не должны оставаться без внимания государства. Необходимо, чтобы государственные органы взаимодействовали с инициаторами таких проектов: предоставляли на них свой ответ и выносили по ним соответствующее решение, а также способствовали их реализации. Это возможно с систематизацией уже имеющихся нормативно-правовых актов и принятием фе-

дерального закона, регулирующего отношения в сфере взаимодействия государства и общества, а также участия граждан в управлении делами государства посредством краудсорсинга.

Применение краудсорсинга при осуществлении демократии благодаря развитию сети Интернет возможно и необходимо, поскольку он позволяет охватить больший круг граждан для участия в данных процессах, не требует больших финансовых затрат и привлекает граждан своей возможностью непосредственно, пользуясь компьютерами и гаджетами выразить свое мнение, высказать свою позицию по тем или иным вопросам.

Таким образом, осуществление смешанной демократии методом краудсорсинга находится в РФ на стадии зарождения и уже сейчас имеет как практические, так и теоретические проблемы. Решение этих проблем позволит пересмотреть отношение к традиционным демократическим институтам и расширить использование достижений современных информационных технологий.

Литература:

1. URL: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdsourcing
2. Курячая, М. М. Технологии краудсорсинга в юридической технике // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6.
3. URL: <http://tfolk.ru/?p=14243>
4. Дзидзоев, Р. М., Тамаев А. М. Общественное (публичное) обсуждение законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8.
5. URL: <https://www.roi.ru/page/about/>
6. URL: <https://democrator.ru/about/>
7. URL: <http://democratia2.ru/help/>

Правовая природа суррогатного материнства

Шадрин Владимир Владиславович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В современном мире остро стоит проблема бесплодия. Под бесплодием согласно определению Всемирной организации здравоохранения понимается неспособность сексуально активной, не использующей контрацепцию пары добиться беременности в течение одного года [1]. Существует также клиническое определение: бесплодие — это болезнь репродуктивной системы, которая выражается в отсутствии клинической беременности после 12 или более месяцев регулярной половой жизни без предохранения от беременности. По состоянию на 2010 г. в мире насчитывалось 48,5 млн бесплодных супружеских пар. В России около оценка распространенности бесплодия в России составляет около 5% [2].

В настоящее время решением проблемы бесплодия являются вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), которые представляют собой методы лечения бес-

плодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства) [3]. Среди этих возможностей современной медицины по лечению бесплодия выделяется суррогатное материнство, представляющее собой очень спорное и неоднозначное явление, вызывающее повышенный интерес правовой науки.

Первое, на что следует обратить внимание — это определение понятия суррогатного материнства. Законодательно оно определяется как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского

эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одной женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [4]. Именно договорной характер суррогатного материнства предопределяет его правовую природу. Действительно, правоотношения между генетическими родителями и суррогатной матерью невозможны без договоренности, соглашения между ними. Однако какова сущность и характеристика данного договора — неизвестно. В научной литературе дискуссии о правовой природе суррогатного материнства сводятся к возможности применения к данным отношениям норм гражданского и/или семейного права.

Ряд авторов не признают договор суррогатного материнства гражданско-правовым. Например, О.Ю. Лебедева считает, что суть соглашения о суррогатном материнстве заключается в переходе родительских личных неимущественных прав от женщины, родившей ребенка, к супругам, являющимся сторонами по данному соглашению, поэтому никак нельзя отнести данное соглашение к категории гражданских договоров об оказании услуг, принимая во внимание лишь возможное наличие возмездного характера данного соглашения. Договор о суррогатном материнстве представляет собой особый вид семейно-правовых договоров [5, с. 16]. Г.В. Богданова отмечает, что особый личный характер отношений между супругами-заказчиками и суррогатной матерью; особое по своему содержанию обязательство, которое принимает на себя суррогатная мать в плане вынашивания, рождения и передачи ребёнка супругам; специфика прав и обязанностей сторон в дальнейшем, когда суррогатная мать пожелает стать мамой и откажется передать ребёнка заказчиком, оставив его себе, а супруги-заказчики не вправе воздействовать на нее или тем более привлечь ее к ответственности за неисполнение обязательства и т.д. — все это говорит в пользу того, что к данным отношениям неприменимы нормы гражданского права» [6, с. 80].

Согласно другой позиции соглашения о суррогатном материнстве находятся за пределами семейного права, являясь одним из видов гражданско-правовой сделки. Однако в виду того, что на данный момент в законодательстве четко не определен предмет и объект данного договора, а человеческая жизнь, процесс вынашивания эмбриона, права на ребенка и т.п. не могут рассматриваться в качестве таковых, что обуславливает проблематичность соотношения этого договора с квалифицирующими признаками какой-либо поименованной договорной конструкции. Например, судебной практике известен случай, когда отсутствие существенных условий договора согласно ст. 432 ГК РФ в соглашении о суррогатном материнстве привело к признанию его незаконным [7]. Встречаются споры о законности такого непоименованного договора также и на основании ст. 169 ГК РФ, т.е. его можно отнести к разряду ничтожных как сделок, совершенной с целью, противной основам нравственности и правопорядка [8, с. 50].

И, наконец, третья точка зрения признает существование именно гражданско-правового договора суррогатного материнства и регулирования его нормами гражданского права. Например, Л.К. Айвар считает, что во избежание крайне важных для сторон проблем в отношениях по вынашиванию ребёнка (например, таких, как отказ в передаче ребёнка генетическим родителям, вымогательство, шантаж, отказ генетических родителей принять своего ребенка, отказ от оплаты услуг замещающей матери и т.д.) суррогатное материнство, как и иные гражданско-правовые отношения, должно четко регулироваться договором [9, с. 33].

Мы, в свою очередь, придерживаемся точки зрения тех авторов, которые считают, что договор суррогатного материнства регулируется нормами как семейного, так и гражданского права. Между генетическими родителями и суррогатной матерью возникают неимущественные отношения, которые связаны с имплантацией, вынашиванием и рождением ребенка, а также его передачей родителям. К этим отношениям примыкают также имущественные отношения, связанные с вопросами вознаграждения суррогатной матери, результате надлежащего исполнения договора (в случае заключения возмездного договора суррогатного материнства), а также иных условий, например, определяющих оплату медицинского обслуживания, компенсацию затрат суррогатной матери [10]. Эти отношения в совокупности и регулируются договором суррогатного материнства, который имеет особый характер, поскольку регулируется как семейным, так и гражданским правом.

Однако возникают проблемы нормативного характера. В настоящее время суррогатное материнство регламентируется ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 51 Семейного Кодекса РФ, ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния», а также Приказом Приказ Министерства здравоохранения РФ «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Очевидно, что нынешнее законодательство о суррогатном материнстве фрагментарно и недостаточно.

Решить проблему определения правовой природы суррогатного материнства как договора возможно, на наш взгляд, путем включения положений о суррогатном материнстве в Семейный кодекс РФ. Согласно ст. 2 данного Кодекса семейное законодательство регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, а также определяет формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей [11]. Таким образом, отношения, которые устанавливаются договором суррогатного материнства, могут регулироваться семейным правом. Более того, такое решение возможно, поскольку в се-

мейном законодательстве существуют такие особые договорные режимы, как брачный договор, соглашение об уплате алиментов, договор о приемной семье. Однако общие положения об обязательствах и договоре, закрепленные в гражданском праве, также должны действовать в отношении договора суррогатного материнства.

Следующее, что необходимо рассмотреть — это вопрос о видах суррогатного материнства. Нынешнее законодательство рассматривает лишь два случая применения суррогатного материнства:

1. Когда договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям;

2. Когда договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Тем не менее, науке известны и другие виды суррогатного материнства [12, с. 235]:

1) суррогатное материнство, при котором используется генетический материал суррогатной матери и супруга (традиционное или частичное);

2) суррогатное материнство, при котором используется генетический материал суррогатной матери и донора;

3) суррогатное материнство, при котором используется генетический материал супругов (гестационное или полное);

4) суррогатное материнство, при котором используется генетический материал супруги и донора;

5) суррогатное материнство, при котором используется генетический материал донора и супруга;

6) суррогатное материнство, при котором используется генетический материал доноров.

Более того, существует посмертное суррогатное материнство, когда мужские гаметы могут быть использованы иными лицами, например, родителями, другими близкими родственниками. Показателен пример семьи Захаровых. В 2005 г. в семье Захаровых появился на свет мальчик, отец которого скончался в одной из израильских клиник незадолго до его рождения. Во время лечения в одном из госпиталей Тель-Авива Андрей Захаров, отец маленького Гоши, сдал сперму. После его смерти мать Андрея, Екатерина Захарова, решила «родить» родного себе внука, воспользовавшись услугами суррогатной матери. Экстракорпоральное оплодотворение и имплантация эмбриона в организм суррогатной матери были осуществлены с использованием донорских ооцитов и криоконсервированного в Израиле, впоследствии вывезенного в Россию, биологического материала погибшего А. Захарова [13]. Подобные и иные случаи необходимо учитывать во избежание недостаточности правового регулирования.

Проблемно стоит вопрос о приоритете прав суррогатной матери над генетическими родителями, который закреплен в ст. 51 Семейного кодекса, согласной которой

лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Таким образом, именно суррогатная мать решает, будут ли родители обладать родительскими правами, а значит, решает, чьим будет ребенок, и именно это становится источником споров — как в научной среде, так и в судах.

Так, Конституционным судом Российской Федерации 15 мая 2012 г. было вынесено Определение «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», подкрепленное особыми мнениями судей С.Д. Князева и Г.А. Гаджиева, что в очередной раз подчеркивает остроту проблем правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации. В данном определении Конституционный суд отметил, что законодательно предусмотренное право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его родителями были записаны генетические родители, означает имеющуюся у нее возможность в записи акта о рождении ребенка записать себя матерью ребенка, что фиксируется и в свидетельстве о его рождении (ст. 14, 17 и 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), обуславливая тем самым для женщины, родившей ребенка, права и обязанности матери (статья 47 Семейного кодекса РФ). Указанная модель правового регулирования, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя [14].

А теперь рассмотрим особые мнения судей С.Д. Князева и Г.А. Гаджиева, которые были против отказа в принятии заявления.

Так, С.Д. Князев отмечает в своем мнении, что с медико-биологической точки зрения рождение ребенка с использованием указанной технологии предполагает «соучастие» генетических родителей и суррогатной матери. Вследствие этого сами по себе вынашивание и роды не могут служить достаточным основанием признания за последней неограниченной свободы усмотрения в определении обладателей родительских прав. Очевидно, что отказ суррогатной матери от исполнения своих обязательств перед лицами, являющимися биологическими родителями ребенка, не может перечеркнуть их «природных» прав. Не отрицая того, что вынашивание плода неизбежно порождает кровную связь между ребенком и суррогатной матерью, все же важно учитывать, что изначальной основой жизни рожденного таким образом человека является эмбрион, полученный путем экстракорпорального оплодотворения половых клеток генетических родителей. В силу этого безусловный приоритет родительских притязаний суррогатной матери далеко не бесспорен и, по крайней мере, нуждается в оценке на предмет соот-

ветствия статье 38 (части 1 и 2) Конституции РФ, в том числе во взаимосвязи с ее статьей 19 (части 1 и 2). В результате могут серьезно пострадать интересы «суррогатного» ребенка, который благодаря законодательной «заботе» о приоритетах выносившей и родившей его матери не только лишается возможности воспитываться в семье своих генетических родителей, но и объективно подвергается риску стать «безотцовщиной» и, как следствие, не получить родительской любви в той степени, в какой она могла бы достаться ему от биологических матери и отца. Все это заставляет серьезно задуматься об этических основаниях оспариваемых законоположений, а также о том, насколько они согласуются со статьей 55 (часть 3) Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина (включая права родителей и детей) могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Г.А. Гаджиев в своем мнении обращает внимания на то, что цель суррогатного материнства как метода лечения бесплодия — рождение ребенка у пары, на лечение которой был направлен данный метод. Следовательно, закрепление законодателем императивной нормы, касающейся предоставления суррогатной матери исключительной привилегии в решении вопроса о наделении родительскими правами, является не бесспорным. Такой подход ведет к нарушению прав генетических родителей и не обеспечивает соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и равенства. Спорным остается вопрос о толковании понятия «мать ребенка». Является ли суррогатная мать матерью в конституционном смысле, т.е. в рамках статьи 38 Конституции РФ, которая предполагает защиту материнства. Пункт 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункт 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» определяют ее статус как «женщины, родившей ребенка», но не матери. В связи с этим

возникает неясность в вопросах: когда суррогатная мать становится матерью и какими являются отношения, возникающие между матерью и ребенком в период беременности? Законодатель, отвечая на этот вопрос, признает «факт вынашивания или рождения более социально и эмоционально значимым, чем генетическое происхождение». Кроме того, нравственные страдания биологических родителей ребенка, лишенных возможности реализовать предусмотренный законом комплекс родительских прав в отношении своего ребенка, которого они не смогли зачать и родить естественным путем, считаются менее социально значимыми, однако существует и другое мнение, что биологическое родство родителей и детей определяется генетической связью и закрепление в законе приоритета суррогатной матери при установлении происхождения ребенка противоречит провозглашенному в статье 38 Конституции РФ принципу охраны семьи, материнства и детства.

Полностью соглашаясь с вышесказанным, отметим, что действительно приоритетными должны быть права генетических родителей и родившегося в результате суррогатного материнства ребенка, а не суррогатной матери, что и должно быть закреплено положениями ст. 51 Семейного кодекса РФ. При этом, существенными условиями договора суррогатного материнства должны быть не только вопросы имплантации, вынашивания, рождения ребенка, но и его передача генетическим родителям. Само собой, это не означает, что суррогатная мать не имеет каких-либо прав и гарантий их защиты. На наш взгляд, в случае отказа родителей от ребенка, родившегося при помощи суррогатного материнства, именно суррогатная мать должна иметь приоритет в приобретении родительских прав на этого ребенка.

Таким образом, правовая природа суррогатного материнства имеет особый, специфический характер, оно должно иметь четкое правовое регулирование и механизмы реализации, поскольку вопросы рождения нового человека — ребенка — должны решаться с повышенной ответственностью и вниманием.

Литература:

1. Определения бесплодия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.who.int/reproductivehealth/topics/infertility/definitions/ru/>
2. Бесплодие — тенденции мировые и российские // URL: <http://www.opec.ru/1554305.html>
3. ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ЛИБО Приказ Минздрава России от 30.08.2012 N 107н (ред. от 11.06.2015) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 N 27010)
4. Там же
5. Лебедева, О.Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2012. № 2.
6. Богданова, Г.В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми: Дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

7. Определение Свердловского областного суда от 28.08.2007 по делу № 33—5744/2007 // URL: <http://www.gesheniya-sudov.ru/2007/36453/>
8. Косова, О. Ю. Семейный кодекс Российской Федерации и некоторые вопросы регулирования брачно-семейных отношений // Правоведение. 2013. № 2.
9. Айвар, Л. К. Правовая защита суррогатного материнства // Адвокат. 2012. № 3.
10. Бабаева, А. А. Правовая природа суррогатного материнства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 2 (57).
11. Семейный кодекс Российской Федерации // «СЗ РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 16.
12. Самойлова, В. В. Суррогатное материнство как правовой институт // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4.
13. Пестрикова, А. А. Статья: Проблемы договора о суррогатном материнстве // Гражданское право. 2006. № 2
14. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // «КонсультантПлюс»

Взаимодействие категории «уголовно-правовое бездействие» с отдельными институтами и категориями общей части уголовного права: продолжение анализа

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Способ совершения преступления является важнейшим параметром объективной характеристики любого преступления, независимо от того, предусмотрен ли он законодателем в качестве конститутивного признака состава соответствующего преступления или нет. Способ фактически отражает специфику воздействия на объект уголовно-правовой охраны, несет в себе содержательную характеристику конкретного преступного деяния. В ряду всех объективных признаков преступления, за исключением самого преступного деяния, способ совершения преступления гораздо чаще находит свое отражение в диспозициях уголовно-правовых норм. Также довольно часто способ совершения преступления указывается в качестве квалифицирующего признака конкретного состава. Вопрос о признании способа в преступлениях, совершаемых в форме бездействия, в науке уголовного права решается неоднозначно. Теоретические позиции, отрицающие наличие способа в составах бездействия, находятся в явном меньшинстве. Анализ данного вопроса также будет включать в себя два самостоятельных аспекта: 1) бездействие как способ совершения преступления; 2) способ совершения преступления в составах бездействия.

Действующее уголовное законодательство России содержит незначительное число составов, в которых непосредственно в самой формулировке диспозиции имеется указание на бездействие как на способ совершения преступления (как правило, альтернативный). Причем, бездействие в качестве способа предусматривается законодателем как в преступлениях, совершаемых в форме действия, так и в преступлениях, совершаемых в форме бездействия: неде-

кларирование или недостоверное декларирование товаров или иных предметов (в составе контрабанды), непредставление налоговой декларации (в составах уклонений от уплаты налогов). Указанные примеры способа-бездействия являются следствием определенной законодательной техники и не имеют безусловного характера. Впрочем, в некоторых случаях законодательная техника оказывается не при чем, а возможность бездействия как способа совершения преступления вытекает из правовой природы соответствующего преступления (например, умолчание об истине как пассивный обман при мошенничестве).

Таким образом, бездействие может выступать в качестве способа совершения преступления, причем данный способ либо определяется правовой особенностью соответствующего деяния, либо является следствием приемов законодательной техники.

Теперь приступим к рассмотрению более противоречивого аспекта исследуемого вопроса — возможности признания способа в преступлениях, совершаемых в форме бездействия. С учетом приведенных выше соображений, казалось бы, можно сразу положительно ответить на данный вопрос, указав на случаи законодательного закрепления способа в составах бездействия (как и поступают некоторые исследователи). Однако полагаем, что эти доводы могут выступать только в качестве дополнительного аргумента, поскольку законодательная техника подвержена изменениям. Поэтому вопрос о признании или отрицании способа при бездействии должен быть решен по существу, а не поставлен в зависимость от текста уголовного закона.

Теоретические позиции, отрицающие возможность способа при бездействии, как правило, выглядят весьма неубедительно. Так, В.В. Хилюта, критикуя сторонников признания способа в преступном бездействии, выражает недоумение по поводу того, «как можно дать характеристику какому-либо явлению через отрицательные понятия, через то, чего нет». И далее аргументирует свою позицию следующим примером: «Не может иметь место способ совершения преступления там, где речь ведется об «отношении к службе», пусть и о недобросовестном и небрежном. Способ — признак объективной стороны, а отношение к службе — субъективной. Поэтому нет и не может быть никакого способа совершения преступления при бездействии» [1].

По мнению Н.И. Панова, способ при бездействии может лишь свидетельствовать об источниках опасности, угрожающей правоохраняемому объекту, которую виновный должен был и мог предотвратить, либо о тех явлениях и процессах, развитие которых он использовал для причинения вреда объекту и не препятствовал их развитию, хотя обязан был и мог это сделать [2]. Вряд ли имеются основания для противопоставления способа совершения преступления и механизма причинения, поскольку причинение вредного результата и происходит посредством того или иного способа.

Однако приведенные выше соображения не исчерпывают всех возможных проявлений способа при бездействии. Так, некоторые исследователи соглашались признать наличие способа не во всех преступлениях, совершаемых путем бездействия, а только в случаях, когда оно совершается посредством активных действий (например, уклонение от военной службы посредством симуляции болезни, членовредительства или подлога документов). Существует также точка зрения, согласно которой способ совершения преступления при бездействии может заключаться в выполнении виновным действий ненадлежащего качества или в недостаточном объеме, направленных на придание видимости правомерности своему поведению. Одни авторы считают, что эти действия производятся взамен обязательных действий, другие — что ради самого бездействия. Полагаем, что правы и те, и другие. Действительно, могут иметь случаи, когда лицо, не исполняя возложенную на него обязанность, выполняет какое-либо действие в ненадлежащем объеме или в ненадлежащем качестве, преследуя при этом цель придания видимости правомерного поведения. Так, должностное лицо, не исполняющее конкретную обязанность, может совершить целый ряд активных действий (осуществлять не имеющие значения для дела запросы, проводить «дежурные» беседы с заинтересованными гражданами, представлять документы, мотивирующие обстоятельства промедления в решении вопроса и т. п.). Однако совершение данных действий создает лишь видимость выполнения обязанности, а фактически деяние должно быть квалифицировано как бездействие. Данное обстоятельство имеет значение только в умышленных деяниях, т. к. при неосто-

рожности особенности протекания психических процессов не допускают возможность такого завуалированного бездействия.

Подводя итог анализу способа совершения преступления в составах бездействия, следует констатировать, что исчерпывающая характеристика способа при бездействии не представлена ни в одной из исследованных теоретических трактовок и может быть представлена только при их консолидированном рассмотрении. Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, бездействие может выступать в качестве способа совершения преступления. Во-вторых, следует однозначно и положительно решить вопрос о возможности способа в преступлениях, совершаемых в форме бездействия. В-третьих, следует перечислить все возможные характеристики способа преступного бездействия: 1) использование природных и общественные закономерностей; 2) несовершение тех действий, которые лицо должно было совершить для исполнения обязанности, но не совершило (например, непредставление декларации при уклонении от уплаты налогов); 3) совершение активного действия (нескольких действий), которое лицо не должно было совершать, однако совершает для осуществления соответствующего бездействия (например, симуляция болезни, членовредительство, представление подложных документов при уклонении от военной службы); 4) совершение ненадлежащего или не в полном объеме выполненного действия в целях придания правомерности допущенному бездействию.

Одним из спорных моментов в науке уголовного права является решение вопроса о возможности возникновения состояния необходимой обороны при совершении преступного посягательства в форме бездействия. Несмотря на единичность возможных случаев реального возникновения подобной ситуации, данный вопрос не лишен теоретического и практического интереса. Сама необходимая оборона посредством бездействия, конечно же невозможна.

Что касается признания бездействия в качестве обстоятельства, создающего состояние необходимой обороны, то здесь имеют место прямо противоположные теоретические позиции. Аргументация противников положительного решения данного вопроса строится на самых различных доводах. Одни полагают, что бездействие не может выступать как источник опасности, другие отрицают такую возможность по причине отсутствия примеров в судебной практике, третьи полагают, что подобные ситуации должны квалифицироваться не как необходимая оборона, а как крайняя необходимость, четвертые усматривают здесь другое обстоятельство, исключающее преступность деяния — принуждение к действию для выполнения правовой обязанности и называют «атипичной» необходимой обороной.

Таким образом, вопрос о возможности необходимой обороны от общественно опасного посягательства в форме бездействия не лишен практического осно-

вания и должен быть решен положительно. Основным моментом, препятствующим единообразному решению данного вопроса в науке уголовного права, по мнению автора, является трактовка бездействия как исключительно пассивного поведения, не способного создать какую-либо опасную ситуацию. Данный аспект настоящего исследования в очередной раз подтверждает тот факт, что для благополучного решения частных вопросов уголовно-правового бездействия требуется предварительное изучение его сущностных характеристик.

Необходимая оборона — не единственная правовая ситуация в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, представляющая интерес в рамках взаимодействия с категорией «бездействие». Внимания теоретиков заслуживает также неисполнение незаконного приказа и бездействие как возможное поведение в ситуации обоснованного риска.

В первом случае предполагается ситуация, когда лицо не исполняет незаконный приказ, незаконность которого не является заведомой, очевидной. С учетом новеллы уголовного закона УК РФ — ст. 286.1 «Неисполнение приказа сотрудником органа внутренних дел» — данное обстоятельство приобретает особую актуальность. Неисполнение незаконного приказа, по сути, есть позитивное явление, но требует от лица, воздерживающегося от его исполнения определенных правовых знаний, поскольку данный приказ в итоге может быть признан законным, и это обстоятельство существенным образом отразится на судьбе лица, действующего из самых положительных побуждений.

Литература:

1. Хилюта, В.В. Умолчание об истине как пассивная форма мошеннического обмана // Уголовное право. 2012. № 3. — с. 68.
2. Панов, Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. — Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1982. — с. 61.

Виды прикосновенности к преступлению, связанные с его сокрытием от правосудия

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Под заранее не обещанным укрывательством преступлений понимается общественно опасная деятельность лица, которое не участвовало в совершении основного преступления в качестве исполнителя или другого соучастника (т. е. не оказывало и заранее не обещало оказать какую-либо помощь исполнителю или другим соучастникам), но после совершения указанного преступления приняло меры по его сокрытию.

Не меньшую неоднозначность во взаимодействии с категорией «бездействие» обнаруживает ситуация обоснованного риска. Встречаются мнения, согласно которым трудно представить бездействие для достижения общественной полезности цели, которое сопровождается принятием достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Наиболее же распространенной позицией в теоретических исследованиях является признание возможности бездействия в ситуации обоснованного риска. Однако исследователи обычно только называют его, наряду с действием, не подвергая самостоятельной оценке.

Вполне очевидно, что случаи, когда позитивная цель в ситуации обоснованного риска может быть достигнута посредством бездействия, являются весьма малочисленными. Однако это не дает оснований для отказа от признания таких случаев правомерным поведением рискующего лица.

Указанные вопросы заслуживают серьезного изучения. Поскольку бездействию вообще и, по всей видимости, в ситуации обоснованного риска в том числе, традиционно придается негативный «оттенок», то лицо, оказавшееся, в подобной ситуации может предпочесть действовать активными «шаблонными» методами, дабы исключить возможность претензий с позиции уголовного законодательства. В результате полезная цель, которая могла быть достигнута посредством разумного воздержания от активного вмешательства, не будет реализована.

Укрыватель препятствует раскрытию основного преступления и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Он активно способствует преступнику избежать наказания за совершенное уголовно наказуемое посягательство и тем самым создает условия для совершения новых преступлений другими лицами. В этой связи уголовно-правовые нормы об ответственности за укрывательство носят специально-превентивный характер. Они

направлены на недопущение создания условий для совершения преступлений лицами, ранее нарушившими уголовно-правовой запрет, и имеют своей основной целью предупреждение совершения новых преступных посягательств лицом, не подвергнутым уголовной репрессии в результате действий укрывателя.

Родовым объектом заранее не обещанного укрывательства следует признавать общественные отношения по осуществлению государственной власти. Видовым объектом укрывательства и других преступлений, предусмотренных в главе 31 УК, выступает система общественных отношений, обеспечивающих нормальную деятельность государственных органов, физических и юридических лиц в процессе отправления правосудия. Непосредственным объектом анализируемого преступления в соответствии с логикой конструирования Особенной части уголовного закона и смыслом установления данного уголовно-правового запрета следует признавать интересы правосудия в части обеспечения нормальной деятельности органов правосудия и предварительного расследования по установлению виновных в совершении преступления лиц и достижения целей уголовно-правового воздействия. Поскольку укрывательство, способствуя безнаказанности виновных в совершении основного преступления лиц, создает потенциальную или реальную угрозу совершения ими новых посягательств, дополнительным объектом этого посягательства выступают интересы общественной безопасности.

От объекта преступления необходимо отличать предмет преступления. В качестве последнего выступают предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник в процессе посягательства на соответствующий объект. Предмет преступления вообще — факультативный признак состава преступления. Равным образом и применительно к рассматриваемому вопросу он не является обязательным признаком укрывательства. Вместе с тем, в ряде случаев укрывательство может характеризоваться наличием предмета посягательства. В качестве такового выступают укрываемые орудия и средства совершения основного преступления, а также предметы, добытые преступным путем.

С объективной стороны укрывательство совершается путем активных форм поведения. Однако отдельные ученые-юристы не согласны с таким подходом. Н. Ф. Кузнецова указывала, что в ряде случаев бездействие лица при укрывательстве равносильно его действию, его согласию на совершение преступления (по известной поговорке «молчание — знак согласия») [1, с. 153]. Таким образом, вывод о том, что укрывательство может быть совершено путем бездействия, не находит своего подтверждения. Ответственность за бездействие по общему правилу возможна лишь тогда, когда на данном лице лежала обязанность воспрепятствовать наступлению преступного последствия. Такая обязанность может вытекать из закона или иного нормативного акта, либо из принятых на себя обязательств по договору или по службе, а также

из предшествующих действий данного лица. Применительно же к укрывательству подобная обязанность в отношении неопределенного круга лиц не установлена, и, следовательно, в данном случае отсутствует одно из обязательных условий наступления уголовной ответственности за бездействие.

Укрывательство может быть совершено путем самооговора, когда лицо скрывает подлинного преступника посредством признания себя виновным в этом преступлении. Такие действия содержат как объективные (создание препятствий для установления подлинного виновника), так и субъективные (деяние совершается именно с этой целью) признаки укрывательства, и тем самым причиняют интересам правосудия вред, типичный для данного преступления. Поэтому такого рода самооговоры должны влечь ответственность по ст. 316 УК [2, с. 31].

С объективной стороны укрывательство может быть выполнено путем совершения физического воздействия, а также в форме интеллектуального содействия, направленного на сокрытие преступления. При этом в соответствии с логикой определения понятия пособничества в ч. 5 ст. 33 УК, с объективной стороны заранее не обещанное укрывательство может состоять в сокрытии преступника, средств или орудий совершения преступления, следов преступления, либо предметов, добытых преступным путем. Рассмотрим подробнее каждую из названных разновидностей заранее не обещанного укрывательства.

Соккрытие преступника состоит в предоставлении ему убежища, маскировочных средств, затрудняющих его опознание (например, передача парика, наложение грима, удаление усов, бороды, волос на голове и т. п.), переезд, изменении его внешнего вида, в снабжении его поддельными документами, предоставлении транспортных средств. Как укрывательство преступника следует рассматривать случаи сокрытия исполнителя преступления, а также других соучастников преступления (организатора, подстрекателя, пособника). Таким образом, укрывательство преступника представлено различными способами содействия ему, в силу которых виновный на долгое или на короткое время (например, на время обыска) был укрыт от обнаружения. Соккрытие преступника может иметь место как непосредственно после совершения преступления, так и через определенное время, когда над ним нависла угроза разоблачения.

Под укрывательством средств или орудий совершения преступления следует понимать их сокрытие, уничтожение или изменение их внешнего вида, помещение в специальные тайники и т. д. К орудиям преступления относятся такие предметы, которые используются в преступном посягательстве для непосредственного воздействия на предмет преступления или потерпевшего. Это может быть автогенный аппарат, с помощью которого был взломан сейф, нож, которым потерпевшему было причинено телесное повреждение, пистолет, использованный при разбойном нападении, и т. д. Интерес представляют случаи, когда виновный укрывает такие орудия

преступления, хранение которых по действующему законодательству образует самостоятельный состав преступления. Например, если укрыватель хранит у себя огнестрельное оружие как орудие основного преступления, то его действия образуют идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 316 и ч. 1 ст. 222 УК. Однако практика в этих случаях нередко идет по пути поглощения составов: указанные действия квалифицируются только по статье 222 УК. Такая юридическая оценка представляется неверной, поскольку правило поглощения составов может применяться только в отношении преступлений, посягающих на один и тот же объект. Учитывая, что объектом незаконного оборота огнестрельного оружия выступает общественная безопасность, а объектом укрывательства — общественные отношения по осуществлению государственной власти, более правильной является квалификация двух названных преступлений по правилам совокупности.

Понятие средств совершения преступления имеет более широкое содержание. Оно включает в себя такие предметы, которые облегчают совершение преступления или используются в процессе преступного посягательства: лестница, приспособленная для совершения кражи, снотворное, которым преступник усыпил жертву, подложные документы, с помощью которых совершено мошенничество, и т. п.

Под укрытием следов преступления понимается уничтожение или видоизменение предметов, на которых в ре-

зультате действий преступника, которые могут служить доказательствами по уголовному делу: уничтожение порванной или испачканной одежды, замывание следов крови, замена поврежденного при наезде бампера автомобиля на новый, стирание отпечатков пальцев на взломанной двери, внесение вируса в компьютерную систему с целью сокрытия факта неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации и т. п. Если укрывательство следов преступления совершается способом, который содержит в себе признаки другого состава преступления, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (например, сокрытие совершенной растраты путем внесения в официальные документы заведомо ложных сведений или исправлений, искажающих их содержание, квалифицируется по ч. 3 ст. 160 и ч. 1 ст. 292 УК РФ).

Укрывательство предметов, добытых в результате совершения преступления, представляет собой сокрытие их в тайниках, специальных хранилищах, передачу их третьим лицам или одному из соучастников, транспортировку в другие места и т. д., что создает значительные трудности при установлении действительного преступника и возмещении ущерба потерпевшим. Такими предметами могут быть деньги, ценные бумаги, бытовая техника, автомобили, предметы антиквариата и ювелирные изделия, животные, а также предметы которые созданы противоправным способом (фальшивые денежные знаки, подделанные документы и т. п.).

Литература:

1. Кузнецова, Н. Ф. Об одной дискуссионной работе // Вестник МГУ. 1958. № 1. — с. 153.
2. Пономаренко, Е. В. К вопросу о семантическом содержании категории «прикосновенность к преступлению». — Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2011. — с. 31.

ИСТОРИЯ

Бухара и русское востоковедение

Аминов Фармон Мавлянович, кандидат исторических наук
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

В данной статье дано описание «Истории Бухары», в которой описаны древние, средневековые и ученые советские времена. В том числе ученые изучали этнографию города Бухары. В нее внесла свой весомый вклад русский ученый О.А. Сухарева. Её книги дают исчерпывающий анализ всех сторон жизни поздней Бухары.

Ключевые слова: Бухара, 2500 лет, империя Хань, Шелковой путь, Мендиар Бекчурун, топография Бухары, Наршахи.

Бухара — город древний. Город существовал на том же месте, что и современная Бухара по меньшей мере 2500 лет, во времена Римской империи и империи Хань.

Тысячи, десятки тысяч людей со всего мира устремляются в этот древний город и сейчас для того, чтобы ощутить дыхание истории, почувствовать прошлое как частицу бытия человеческого рода и своего собственного существования. Бухара — город разительных контрастов, где живут бок о бок памятники истории и плоды современной архитектуры.

О Бухаре раннего средневековья писали многие древние авторы. О расцвете этого города в X–XII веках особенно подробно говорят арабские источники. Бухарой не переставали интересоваться все народы, обитавшие вдоль древнего «Шелкового пути» из Рима в Китай и из средневекового Ирана в древнетюркские земли. Интерес этот отражен огромной литературой, созданной учеными многих стран.

Одним из направлений историографии Бухары являются записи путешественников, побывавших ранее в Бухаре и оставивших свои свидетельства.

Наиболее ранним источником изучения для изучения Бухары можно считать записки Ф.С. Ефремова (1750–1811 гг.), захваченного в плен и проданного в Бухару. Вторым таким источником является записки посольства Мендиара Бекчурина, посланного из Оренбурга в Бухару. Он дает описание города, его ворот, стен, улиц, площади Регистан, рынков и большого минарета.

Дипломатическая миссия А.Ф. Негри 1820 года, в составе которой был офицер генерального штаба полковник Мейендорф, топограф, переводчик и священник, дала наиболее ценные сведения о Бухаре.

В 1841–1842 годах состоялась экспедиция в Бухару, возглавляемая горным инженером К.Ф. Бутеневым.

Участниками этой экспедиции были Н.Ф. Ханыков, А.А. Леман. По итогам данной экспедиции Н.В. Ханыков, написал превосходную книгу «Описание Бухарского ханства», которая была напечатана в 1843 году.

После установления протектората России над эмиратом поездки в Бухару участились. В результате были изданы книги Н. Маева «Очерки Бухарского ханства» изданного в 1879 г., И.Л. Яворского «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству» 1882 года, и др.

Весомый вклад в изучении истории Бухары внесли русские ученые-исследователи, работы которых и по сей день имеет важное значение в научно-исследовательской деятельности молодых ученых.

Для изучения города позднего средневековья и нового времени большой интерес представляют старые планы, которые являясь ценным историческим источником, дополняют археологические исследования и письменные источники. По мнению исследователей проблемы в настоящее время существует по крайней мере шесть планов Бухары, составленных на протяжении 300 лет. План Д.Г. Мессершмидта (Первая треть XVIII в), План Бухары Э.А. Эверсмана (1832 г.), План Яковлева-Ханыкова (1843 г.), План из архива П.И. Лерха (Середина XIX в.), План подполковника Родионова (1893 г.) и план Парфёнова-Фенина (1910 г.). Все вышеназванные планы города являются не только источником для изучения исторической топографии Бухары, но и свидетельствует о развитии картографии. В первых числах октября 1920 года в Бухару приезжает ученая комиссия (академик В.В. Бартольд, члены — директор Ташкентской публичной библиотеки Е.К. Бетгер и старейший смотритель памятников Самарканда археолог В.Л. Вяткин). Комиссия организовала охрану памятников старины и искусства в Бухаре

и создала бухарскую библиотеку, в которой вели сбор и описание восточных рукописей.

Академик В. В. Бартольд, известный историк-востоковед выезжал из Петербурга в Туркестан и ранее (поездка в 1893–1894, 1902, 1904 годы), но здесь он изучал только рукописи (с ним связана была и его поездка в Бухару в 1916 году). Восточные рукописи были, по выражению одного из биографов этого выдающегося ученого, его «стихией», любимым делом, которому он отдавался сполна. Такими же энтузиастами были в свое время П. И. Лерх (1828–1884 гг.), К. Г. Залеман, (1849–1916 гг.) и А. Н. Самойлович (1880–1939 гг.), не говоря уже о десятках других собирателей и ученых, выезжавших с той целью в Бухару.

В 1922–1923 годах осуществлен ряд научных экспедиций. В 1923–1924 годах состоялась поездка профессора Д. А. Морозова в Бухару, в результате чего был составлен план города Бухары.

Первую искусствоведческую экспедицию в Бухару осуществил профессор Московского госуниверситета Борис Петрович Денике. Это был первый советский исследователь архитектуры, живописи и прикладных искусств Татари, Крыма, Азербайджана и Средней Азии, труды которого не утратили своего значения и в настоящее время.

Кроме В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина и Б. П. Денике у истоков изучения Бухары в советское время стоял И. И. Умняков, один из первых авторов критического рассмотрения арабоязычных сведений по исторической топографии Бухары. Впервые он был командирован Петербургским университетом для сопоставления известий Наршахи и арабских географов по топографии Бухары с данными о современном городе ещё в 1912 году. С его именем связаны были первые шаги Туркомстариса (Комитет охраны памятников старины и искусства — Ф. А.), в изучении памятников старины и искусства.

Литература:

1. Айни, С. Бухара. Сочинения, т. IV, М., 1957
2. Андреев, М. С., Чехович О. Д. Арк-кремль Бухары. Душанбе, 1972.
3. Бартольд, В. В. Бухара. Ее памятники и их судьба. Соч. т. IV. М., 1965.
4. Беленицкий, А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
5. История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.
6. Лунин, Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958.
7. Пугаченкова, Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.
8. Ремпель, Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1982.
9. Сухарева, О. А. К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент, 1958; Её же. Позднефеодальный город Бухара XIX — начала XX веков. Ташкент, 1962; Её же. Бухара XIX — начала XX веков. М., 1966; Её же. Квартальная община позднефеодального города Бухары. Ташкент, 1978.
10. Некрасова, Е. Г. О нескольких старых планах Бухары. В сб. Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 10. Бухара. 2006.

В числе основоположников Средазкомстариса (Туркомстарис в 1924 году преобразован в Средазкомстарис — Ф. А.) был профессор А. А. Семенов (1879–1958). Он был крупнейшим в Средней Азии востоковедом, переведший множество среднеазиатских исторических сочинений, писавший по широкому кругу вопросов изучения восточных рукописей, миниатюр, прикладного искусства и, особенно по административному устройству бухарского ханства в разные периоды его существования.

А. А. Семенов внес много ценного в изучении истории Бухарского края и особенно вопросов социального устройства ханства. Его участие в охране памятников истории и культуры давало направление всему историческому изучению феодального строя в средневековой Средней Азии.

М. С. Андреев (1873–1948) известный языковед, прекрасно владевший восточными языками, исследователь Припамирья и горных областей Притяньшанья. Первый директор Туркестанского Восточного института, созданного в Ташкенте в 1918 году (позже Восточный факультет Среднеазиатского университета), был главой многих организованных им в советское время этнографических экспедиций.

В изучении этнографии города Бухары внесла весомый вклад О. А. Сухарева. Её книги даёт исчерпывающий анализ всех сторон жизни поздней Бухары.

Краткий историографический анализ проблемы свидетельствует о большом вкладе русских ученых-исследователей Средней Азии, в том числе Бухары, которые стояли у истоков изучения проблем истории, искусства, этнографии и археологии, создали свои школы, воспитали целую плеяду ученых, труды которых являются основой для глубокого изучения истории Узбекистана в частности, и Средней Азии в целом.

Социальная база формирования сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX — начала XX в.

Дружинина Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент
Новосибирский государственный педагогический университет

В статье представлены результаты диссертационного исследования по выявлению социальной базы формирования сельской интеллигенции Западной Сибири. Автор приходит к выводу, что социальная база формирования сельской интеллигенции была очень неоднородной, ряды интеллигенции пополняли представители разных социальных групп.

Ключевые слова: агрономический персонал, ветеринария, духовенство, Западная Сибирь, писари, сельская интеллигенция, учительство.

Социальная база формирования является важным штрихом к портрету исследуемой общности. В современных исторических исследованиях вопрос о *социальной базе формирования интеллигенции* Западной Сибири уже затрагивался (например, в работах В.В. Мезенцевой [1, 56]). Однако обобщенных работ о социальной базе формирования сельской интеллигенции Западной Сибири конца XIX — начала XX в. на сегодняшний день еще нет, что делает нашу работу актуальной. Таким образом, одной из задач нашего диссертационного исследования являлось выявление и характеристика социальной базы формирования сельской интеллигенции Западной Сибири исследуемого периода. Результаты нашей работы представляем в данной публикации.

В процессе исследования мы проанализировали статистические материалы, исследовательские работы и установили, что ряды *сельского духовенства* формировались преимущественно из детей священнослужителей и крестьян, мещан, разночинцев, купцов. Отдельные представители духовенства происходили из дворян, семей чиновников [2; 3; 4; 5. Наши выводы совпадают с данными, которые приводит исследовательница А.М. Адаменко при характеристике приходского духовенства южных районов Западной Сибири [6, с. 25].

По мнению исследователей Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, дети духовенства стремились занять должности священнослужителей, чтобы продолжить начатое родителями дело, а также сохранить за семьей земельный надел, который выделялся членам сельских причтов на время службы. Дети духовенства имели возможность получить образование за казенный счет и быть трудоустроенными [7, с. 51]. Крестьян привлекала возможность получения духовного сана, позволявший повысить их материальное положение и социальный статус.

Следует особо обратить внимание на тот факт, что дети духовенства являлись основной базой формирования сельской интеллигенции. Это было обусловлено рядом причин. Служители культа, как правило, были грамотными и умели читать, что необходимо для прочтения Священного Писания, опубликованных в церковных изданиях материалов, необходимых для работы с паствой (пропо-

веди, наставления, поучения и т.д.), а также законодательных актов и епархиальных распоряжений. Важным для духовенства являлось умение писать. Епархиальное начальство требовало от духовенства четко, аккуратно, грамотно вести метрические книги и прочую церковную документацию, а также писать отчеты о нравственном состоянии паствы, о ходе холерных эпидемий в приходе и пр. Таким образом, дети священнослужителей с малых лет приобщались к грамоте и умственному труду, попадали на скамью церковноприходских школ, духовных и учительских училищ, гимназий и т.д. Часть из них оставалась в городах, а часть по собственному желанию или, не получив места в городе, пополняла ряды сельской интеллигенции [7, с. 51].

Учительство было не менее пестрым по своему составу. Распределение сельского учительства по происхождению, по наблюдениям Н. Адуреева, представляло «одно и то же строение на всем пространстве Сибири» [8, с. 57]. Многие учителя-интеллигенты происходили из крестьянской и мещанской среды. Как и в центральной части России, обнаруживается значительная разница в социальном происхождении учителей и учительниц. Среди учительниц процент детей дворян, чиновников, духовенства и мещан был значительно выше, а процент детей крестьян — ниже, чем среди мужчин-учителей, что отображено в таблице 1.

Социальная база формирования *сельской медицинской интеллигенции* не была столь разнородной. Западносибирское сообщество сельских врачей в начале XX в. было представлено преимущественно выходцами из разночинной среды. Кроме того, большая часть врачей являлась отпрысками лиц духовного звания — 62,2% студентов, обучавшихся в Томском университете, были детьми церковнослужителей [9, с. 27]. Значительная их часть оставалась работать на территории Сибири.

Сельский медицинский фельдшерский персонал представлял собой довольно пеструю социальную общность. Так, в 1910–1912 гг. распределение его по сословным группам было следующим. Дети крестьян в медицинских учебных заведениях региона составляли 29% от общего количества учащихся, 18% обучавшихся составляли

Таблица 1. Распределение сельского учительства Западной Сибири по сословному происхождению (1911 г.), %*

Пол	Дворяне, чиновники	Духовенство	Крестьяне	Мещане	Прочие	Нет сведений
Мужчины	7,6	7,1	46,9	21,7	16,3	0,4
Женщины	20,6	20,8	22,8	27,7	8,1	—

* Составлено по данным: Андреев Н. Начальные школы в Сибири (по данным переписи 18 янв. 1911 г.) // Русская школа. 1915. № 2. с. 57.

дети мещан, 14% — казаков. Общее количество детей из привилегированных сословий (дворян, чиновников, священнослужителей, купцов) в этих учреждениях было около 24%. Представителей прочих социальных групп — 14% [10, с. 154]. Преобладание выходцев из крестьянской и мещанской среды в акушерско-фельдшерских школах можно объяснить тем, что эти учреждения имели значительное число учебных мест, содержащихся за счет государства и стипендий областных правлений. Присутствие представителей привилегированных сословных групп среди данной категории учащихся свидетельствовало о том, что эта профессия была престижной в изучаемое время.

Выясняя социальную базу, из которой формировались сельские ветеринарно-фельдшерские кадры, следует охарактеризовать сословную принадлежность учащихся образовательных учреждений, готовящих представителей названных профессий. Так, в Тобольской ветеринарно-фельдшерской школе на бесплатное обучение брали только детей местных крестьян, которые за каждый год казенного содержания обязаны были прослужить 1,5 года ветеринарным фельдшером на территории Тобольской губ. Молодые люди из других регионов могли быть приняты в школу «приходящими» или «сверхштными пансионерами». После создания в 1911 г. в губернии агрономической организации ветеринарно-фельдшерская школа готовила специалистов для этой организации [11, с. 93–94].

Омская ветеринарно-фельдшерская школа была учреждена при Сибирском казачьем войске в 1879 г. и закрыта в 1894 г., так как пожар уничтожил ее помещение. До этого времени школа готовила специалистов, которые должны были обслуживать потребности войска, а также оказывать помощь близлежащему населению. После закрытия Омской школы в Томской ветфельдшерской школе были учреждены 20 стипендий для Сибирского и две — для Семиреченского казачьих войск. В 1905 г. Томская ветфельдшерская школа была переведена в Омск. В Омской ветеринарно-фельдшерской школе учились преимущественно представители войскового сословия Сибирского, Семиреченского и Амурского казачьих войск, а также сельских жителей Акмолинской и Семипалатинской областей, включая «инородцев» [11, с. 101, 104].

В Томскую ветеринарно-фельдшерскую школу принимали «по преимуществу лиц из сельских обывателей Томской губ», но, по недостатку желающих, могли поступить

молодые люди из других сословий. Затем Томская ветеринарно-фельдшерская школа была переведена в состав Омской школы (1905 г.), так как не имела квалифицированных преподавателей и обладала бедной материальной базой.

Для выяснения социальной основы формирования общества *сотрудников агрономической службы* следует обратить внимание на то, представители каких общественных групп обучались в образовательных учреждениях, готовящих специалистов для данной отрасли. Приведем данные на 1910 г., содержащиеся в монографическом исследовании А.П. Толочко, О.В. Ищенко, И.С. Сквородиной. Основная масса обучавшихся в сельскохозяйственных учебных учреждениях формировалась за счет крестьянских детей (60% от общего числа учащихся). Это было обусловлено тем, что выпускники таких образовательных учреждений были востребованы именно в сельской местности, в крестьянской среде. В эти школы поступали также дети мещан и представителей прочих малообеспеченных сословий (25%). По мнению выше-названных исследователей, дети священнослужителей, дворян, купцов не были заинтересованы в получении столь малопrestiжных профессий и почти не проявляли стремления получить образование в подобных образовательных учреждениях [10, с. 153].

Проблематично определить, в связи с состоянием источников, преимущественно из каких слоев населения формировалось *сообщество писарей*. В периодике отмечалось, что эту должность занимали выходцы из крестьянских дворов, из семей, в которых родители занимались умственным трудом (учительство, духовенство, медицинские работники). В архивных материалах отмечено, что писари относились по своей социальной принадлежности к крестьянской и мещанской среде [12, л. 4–9]. Некоторые из сельских и волостных писарей служили ранее полковыми писарями [13], были ссыльными [14, с. 96]. Писарем могли нанять отставного городского чиновника. Вероятно, это объясняется тем, что должность писаря предполагала большой объем работы и невысокую заработную плату.

Подводя итоги нашего исследования отметим, социальная база, из которой формировалась сельская интеллигенция Западной Сибири конца XIX — начала XX в., не была однородной. Ее представители являлись потомками дворянских семей, духовенства, чиновников, разночинцев, а также крестьян.

Литература:

1. Мезенцева, В.В. Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Текст]/В.В. Мезенцева. — Омск: [б. и.], 2000. — 251 с.
2. Скальский, К.Ф. Омская епархия [Текст]/Скальский К.Ф. — Омск: Типография А.К. Демидова, 1900. — 453 с.
3. Справочная книга Омской епархии [Текст]/сост. И. Голошубин. — Омск: Тип. «Иртыш», 1914. — \1250 с.
4. Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. [Текст]/Томск: Тип. Епархиал. братства, 1900. — 458 с.
5. Справочная книга по Томской епархии 1914 г. [Текст]/сост. В.А. Карташев. — Томск: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. — 594 с.
6. Адаменко, А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII — начале XX в. [Текст]/А.М. Адаменко. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. — 192 с.
7. Иванова, Н.А. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX в. [Текст]/Н.А. Иванова, В.П. Желтова. — М.: Наука, 2004. — 572.
8. Андреев, Н. Начальные школы в Сибири (по данным переписи 18 янв. 1911 г.) [Текст]/Н. Андреев // Русская школа. — 1915. — № 2. — с. 45–60.
9. Томские вузы к 10-летию Октябрьской революции [Текст]/Томск: [б. и.], 1928. — 32 с.
10. Толочко, А.П. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: (опыт истории в контексте современности) [Текст]/А.П. Толочко, О.В. Ищенко, И.С. Сковородина. — Омск: Издательство Омского гос. университета, 2005. — 222 с.
11. Донченко, А.С. Очерки истории ветеринарии в Западной Сибири, XVII — начало XX в. [Текст]/А.С. Донченко, Т.Н. Осташко, Т.Н. Самоловова. — Новосибирск: Изд-во ГУП РПО СО, 2004. — 255 с.
12. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 178. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 4–9.
13. ГААК., — Ф. 181. — Оп. 1. — Д. 70. — Л. 36 об.
14. Зинин, Н.К. Воспоминания из сибирской жизни, 1887–1895 гг. [Текст]/Н.К. Зинин. — СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1895. — 185 с.

Доктор с большой буквы на страницах летописи Пензенской истории

Литвинова Мария Александровна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

В рамках Приоритетного национального проекта «Здоровье» в г. Пензе по инициативе Президента РФ введен Федеральный кардиологический центр, деятельность которого направлена на своевременное оказание оперативной хирургической помощи людям, чьи сердца и сосуды не в состоянии обеспечивать полноценные потребности в труде, здоровье и жизни. Необходимость в подобном лечебном учреждении возникла не сегодня, она существовала давно. Однако необходимую квалифицированную медицинскую помощь оказывали специалисты крупных специализированных центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска.

История хранит память о том, что Пенза славилась кардиохирургией задолго до этого. У истоков её стоял Михаил Эммануилович Елаев — прославленный врач Областной больницы имени Н.Н. Бурденко. Михаил Эммануилович — человек, знавших цену людской жизни, не только как врач, но и как участник Великой Отечественной войны, через чьи руки прошло множество раненых бойцов.

Из четырнадцати тысяч операций около двух тысяч были сделаны на сердце. Ему доверяли жизни молодые женщины, которые потом становились матерями, подростки после операции на сердце служили в рядах Вооруженных Сил, детям он возвращал матерей и отцов. Рядом с ним было много врачей и медсестер, без помощи и поддержки которых он не смог бы справиться в операционной, затем при выхаживании больных. Существовала такая духовная атмосфера рядом с ним, что пациенты верили медикам и те их не подводили. Эти Вера, Надежда, Любовь поселились с тех пор в г. Пензе, и не случайно наш город был выбран из множества городов в качестве места для строительства Федерального кардиоцентра.

Михаил Эммануилович Елаев родился 30 мая, 1916 года, в старом Демкине Шемышейского района, в большой, бедной крестьянской семье, насчитывающей 19 человек. Судьба щедро наделила его лишениями: в возрасте 1,5 месяцев он остался сиротой, его отец погиб в первом же бою во время первой мировой войны. Вскоре произошла Октябрьская революция, началась граждан-

ская война, голодные 20-ые годы, затем коллективизация, раскулачивание с конфискацией имущества, состоящего из одного овчинного тулупа. Учился в школе-четырехлетке, а когда закончил ее вместе с братом Родионом, упрямый директор открыть пятый класс. После тяжелой работы закончил шестой класс и поступил в Пензенский лесной техникум.

Однажды, когда практикантом рубил в лесу дерево, обернувшись, увидел деда. Тот стоял в лаптях и плакал, глядя на взмокшего, измученного тяжелой работой внука. «На кого же вас тут учат, — горько спросил он. И, помолчав, добавил — брось эту учебу. Иди лучше фельдшером. Вон, Захара Ивановича нашего, к больным на хорошей лошади возят».

До лета Михаил все-таки доучился. Потом вернулся в Демкино. А осенью пешком снова отправился в Пензу. Директор фельдшерской школы А.М. Меднов, внимательно оглядев паренька в стоптанных сандалиях, недоверчиво спросил: «У нас уже вступительные экзамены. Сдашь?» «Хоть сейчас», — смело ответил Михаил. Тут же, с разницей в какие-то полчаса, он успешно ответил на все вопросы: по литературе, обществоведению, химии, и стал учиться на фельдшера.

Ученье захватило его. Окончил учебу отличником в 1937 году, и его направили в Сталинградский медицинский институт. К тому времени он уже твердо знал: медицина — дело его жизни. Учился он прекрасно, а жил впроголодь. Костюм, в котором он приехал, совсем износился: на коленях образовались дыры величиной с ладонь. Однажды его остановил ректор: «Минуточку, молодой человек. Что-то вы совсем обносились. У нас так не ходят. Нехорошо-с». Что было делать? Михаил написал в Пензу Меднову, попросил, если можно, выслать пару белых халатов. В них он и ходил, пряча вконец обносившиеся брюки.

К началу Великой Отечественной войны, Елаев закончил 4-й курс института. Враг рвался к Волге, институт был переведен в Пятигорск, 5 курс студенты прошли ускоренным темпом за 6 месяцев и выпускники были отправлены на фронт. В частности Михаил Эммануилович был направлен на Сталинградский фронт. По пути он впервые увидел страшное лицо войны. На железнодорожной станции Куберле скопилось большое количество составов с гражданским населением, военными и техникой, внезапно налетели немецкие бомбардировщики, и станции и составы превратились в руины.

Бои здесь были страшные. Хирургов не хватало. Поэтому работать приходилось день и ночь. Чего только не оперировал: конечности и живот, грудь и голову. Меняли на столах раненых, он поворачивался от одного стола к другому: резал и зашивал. Стоял, засыпал на 2–3 минуты.

Он был фронтовым хирургом до Победы: в Ростове, Перекопе, на Украине, в Кенигсберге. Война для него и в мае не закончилась, потом был Дальний Восток. В Пензу М.Э. Елаев вернулся с орденами Красной

Звезды, Отечественной войны второй степени и медалями. За плечами — большой опыт фронтового хирурга. Еще на фронте М.Э. Елаев узнал, что старший брат Родион Эммануилович, лейтенант, военфельдшер, 10 августа 1942 года погиб в бою и похоронен в д. Полунино Ржевского района Калининской области. У него осталось трое детей. Михаил Эммануилович всех их помог воспитать и поставить на ноги.

После капитуляции Японии Михаил Эммануилович вернулся в Пензу в феврале 1946 года и был принят на должность заведующего торакального отделения госпиталя 1648, находящегося в здании 1-й школы им. В. Г. Белинского. После того, как госпиталь расформировали, он был принят на должность заведующего отделением станции санитарной авиации и бортхирурга при областной больнице им. Н.Н. Бурденко, где он проработал в течение десяти лет. Михаил Эммануилович много выезжает для оказания экстренной помощи тяжелым больным в районы области. И не только с хирургической патологией. Часто выезжает для оказания акушерско-гинекологической помощи. Неоднократно спасенных детей, в честь спасителя младенцев, называли Михаилом. Одновременно он работает ординатором планового хирургического (так называемого отделения 16). Убедившись окончательно, что при торакальных операциях, местная инфильтрационная анестезия не обеспечивает защиту больного от операционной агрессии, он имел случаи смертельных исходов на операционном столе (при операциях на легких). После вскрытия плевральных полостей, даже с одной стороны, погибали больные на операционном столе, вследствие нарушения вентиляции и кровотока в операционном легком. Следовательно, нужно хорошее обезболивание и хорошее управление дыханием и кровообращением, что может дать эндотрахеальный наркоз. Михаил Эммануилович едет учиться в ЦИУВ г. Москва, где изучает технику операции не только на легких, но и на сердце, знакомиться с профессором Е.Н. Мешалкиным, который проводил обезболивание при операциях на сердце, проводимых А.Н. Бакулевым. В то время профессор Мешалкин написал книгу «Современный ингаляционный наркоз», которая является настольной книгой для начинающих анестезиологов. Вернувшись с учебы, Михаил Эммануилович впервые в Пензенской области, в 1957 году провел эндотрахеальный наркоз при операции субтотальной резекции желудка по поводу рака. Оперировал больную хирург В.П. Леплейский. Одновременно начата подготовка к освоению операций на сердце. Впервые плановые операции на сердце, по поводу ревматического митрального порока, были проведены 18 марта 1958 года. В январе 1958 года подготовлены штатные анестезиологи, операции на сердце стали проводиться систематически. Вскоре были освоены операции: ушивание открытого артериального — Боталова протока, удаление вилочковой железы при миастении, широко проводятся операции на легких, при нагноительных заболеваниях (абсцессах и бронхоэктазах). Следующим этапом осво-

ения операции на сердце явились операции при тяжелых врожденных пороках: дефекты межпредсердной, а затем и межжелудочной перегородкой. Совместно со своим учителем, Е.Н. Мешалкиным, Михаил Эммануилович разработал технику операции на сердце с наименьшими финансовыми затратами: приняли общую первоначальную умеренную гипотермию со снижением температуры тела до 33–30 градусов, т.к. снижение температуры тела на 3 градуса способствует выживаемости клеток коры головного мозга от 15–20 минут. Неоднократно Михаил Эммануилович и анестезиологи, для изучения методик, выезжали в Новосибирск в НИИ патологии кровообращения. Постепенно метод гипотермии был освоен в совершенстве настолько, что снижалась температура пациентов до 25–26 градусов, что позволило остановить кровообращение до 30–40 минут. Больших успехов добился анестезиолог, рано ушедший от нас С.Ю. Шишов. Свой труд по освоению операции на сердце, Михаил Эммануилович систематизировал в диссертации, на соискание кандидата медицинских наук, которую он защищал в 1968 году.

Слава о докторе, оперирующем на сердце, распространилась далеко за пределы нашей области. К нам приезжали на операции больные из других областей: Саратовской, Ульяновской и особенно много из Оренбургской области: Орска и Новотроицка. За период активной хирургической деятельности, Михаилом Эммануиловичем произведено более 14 тысяч операций, из них 2 тысячи на сердце, написано 26 научных работ. Тогда нужно было иметь мужество, чтобы делать такие операции на сердце и спасать человеческие жизни. Очень слабая была материальная база. Операции делали в отделении общей полостной хирургии, т.е. специализированного отделения кардиохирургии не было, и как следствие, не было обследования больных. Кроме того, не было отделений реанимации и интенсивной терапии. Прооперированные на сердце, лежали в обычных послеоперационных палатах. У первых пациентов Михаил Эммануилович дежурил сам и отдыхал на диванчике в коридоре у открытых дверей палаты. В дальнейшем было организовано отделение реанимации с совершенной следящей и дыхательной аппаратурой. К сожалению, недостаточно было оснащение диагностической аппаратурой. Многие пациенты вернулись к трудовой деятельности, а некоторые познали радость материнства, даже дважды рожали детей.

Михаил Эммануилович за долгие годы самоотверженного труда совершил гражданский подвиг, в 1978 году ему

было присвоено звание Героя Социалистического труда. Следует отметить, что в нашей области это единственный доктор, удостоенный такой высокой чести. Напряженный труд не прошел бесследно. Михаил Эммануилович постепенно стал болеть, внутрисердечные операции стали ему тяжелы. В областной больнице, в Пензе, появились последователи Михаила Эммануиловича и ученики. Одним из учеников является Темников Виктор Александрович. В 1976 году он закончил Астраханский медицинский институт.

Михаил Эммануилович Елаев был человеком широкой души и большой доброты. Только такой человек мог в годы ВОВ, после гибели брата, воспитывать и ставить на ноги его троих детей. О Елаевой Анне Родионовне (Волченковой) сказано многое. «Мой отец погиб в 42-м под Москвой, — рассказывает Анна Волченкова. — Нас, троих детей, воспитывал папин брат, Михаил Эммануилович Елаев, высококлассный хирург. В 1959 году он сказал: «Мне нужен помощник». И я, к тому времени уже 10 лет работавшая в хирургии, отправилась в Москву осваивать новую специальность. В 1968 году Анна Волченкова стала заведующей отделением реанимации областной больницы имени Бурденко и главным специалистом области. На этой должности она проработала до 1992 года, подготовив множество продолжателей своего дела. Ее называют основоположницей пензенской анестезиологии и реаниматологии. Многие врачи этой специальности отзываются о ней как о необыкновенной женщине, великолепном враче и с гордостью говорят: «Мне выпала честь быть ее учеником».

Двое других детей тоже работали в области медицины: Елаева Полина Родионовна всю жизнь проработала фармацевтом, Елаев Николай Родионович был специалистом в области микробиологии — доктор биологических наук, профессор Петрозаводского Государственного университета им. Куусинена.

По воспоминаниям его родных, коллег, Михаил Эммануилович был человек необыкновенных душевных качеств: широкий, щедрый, мудрый. Любил жизнь, природу, любил оперу, русские романсы — считал, что музыка лечит души.

Больше всего людей восхищала его целеустремленность. Ведь, как сейчас принято говорить, он сделал себя сам. Это был незаурядный человек — большой, мужественный, красивый и внешне, и духовно, профессионал. Доктор с большой буквы, очень много сделавший для людей.

Приоритеты государственной молодежной политики

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент;

Литвинова Мария Александровна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Термин «государственная молодежная политика» рассматривается как деятельность, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив, реализуемая в вузе на основе деятельности государства, общественных организаций и органов по работе с молодежью.

Государственная молодёжная политика — направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного расширения возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышения уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочнения ее лидерских позиций на мировой арене.

Молодежная политика является системным явлением, нормативно обоснованным на федеральном, региональном и местном уровнях.

2 декабря 2014 года Председатель Правительства России Дмитрий Медведев утвердил «Основы государственной молодежной политики до 2025 года» (Распоряжение от 29 ноября 2014 года № 2403-р).

Подписанным распоряжением утверждены Основы государственной молодёжной политики на период до 2025 года (далее — Основы). Они разработаны с учётом положений Стратегии государственной национальной политики в части реализации задач в сфере гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи.

Основы направлены на создание благоприятных условий для самореализации молодёжи и эффективных механизмов её поддержки, воспитание гражданственности и патриотизма, развитие молодёжных инициатив и поддержку талантливой молодёжи, формирование ценностей здорового образа жизни и института семьи, воспитание культуры межнационального общения и уважения к представителям других народов.

Федеральный уровень представлен организационными и управленческими документами, выступающими основой реализации государственной молодежной политики, определяющими ключевые понятия и приоритетные направления данного процесса и являющимися правовой основой реализации государственной молодежной политики

на региональном уровне и уровне образовательного учреждения.

Так, ключевыми целями государственной молодежной политики определены: совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития РФ, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны. Для их достижения планируется реализовать шесть групп задач: формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы государства; развитие просветительской работы с молодежью, инновационных образовательных и воспитательных технологий, а также создание условий для самообразования молодежи; формирование ценностей здорового образа жизни, создание условий для физического развития молодежи, формирование экологической культуры, повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности молодежи; создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта» (как способа изменения социального статуса); создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей; формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, интенсификация механизмов обратной связи между госструктурами, общественными объединениями и молодежью, повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи.

В частности, в ходе реализации концепции государственной молодежной политики намечено совершенствование законодательства, разработка комплексных программ по реализации молодежной политики, развитие механизмов межведомственного взаимодействия и системы государственно-частного партнерства, создание условий для самореализации молодежи, стимулирование трудовой и образовательной мобильности молодежи. Кроме того, планируется создать консультативные, совещательные и координационные органы по вопросам государственной молодежной политики.

Также в приоритетах государственной молодежной политики — развитие комплексной системы социальной защиты и социальной поддержки молодежи, включая поддержку детей и молодежи, оставшихся без попечения родителей, а также молодежи, находящейся на профилактическом лечении и в исправительных учреждениях.

Реализовывать государственную молодежную политику предполагается за счет средств федерального, региональных и муниципальных бюджетов, а также за счет привлечения средств внебюджетных источников.

Региональный уровень реализации государственной молодежной политики, обеспечивает решение задач, связанных со спецификой социально-экономической деятельности региона, реализации целевых программ по поддержке молодых специалистов и развитию молодежных движений.

На основании Постановления Администрации г. Пензы от 29.09.2014 N 1131/1 утверждена муниципальная программа «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики в городе Пензе на 2015–2020 годы», которая направлена на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития потенциала молодежи и его использования в интересах развития города Пензы; совершенствование системы гражданского и патриотического воспитания в молодежной среде на основе отечественных нравственных и культурных традиций и ценностей, развитие допризывной подготовки молодежи к военной службе, военно-прикладных и военно-технических видов спорта, популяризация и пропаганда духовно-нравственных ценностей в молодежной среде, укрепление института молодой семьи, пропаганда ответственного родительства; повышение эффективности пропаганды физической культуры и спорта, включая меры по популяризации нравственных ценностей спорта в средствах массовой информации; развитие и поддержка молодежных общественных организаций и объединений, молодежных бирж труда и других форм занятости молодежи, вовлечение молодых людей в добровольческую деятельность, в деятельность трудовых объединений, студенческих отрядов, формирование механизмов, распространение эффективных моделей и форм неформального образования и участия молодежи в реализации молодежной политики.

В систему по работе с молодежью в городе Пензе входят: Комитет по физической культуре, спорту и молодежной политике города Пензы, Управление образования города Пензы, Управление культуры города Пензы, Социальное управление города Пензы, Управление ФСНК по Пензенской области, учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования, дополнительного образования детей, муниципальное бюджетное учреждение «Молодежный центр «Юность» города Пензы, муниципальное бюджетное учреждение «Молодежный центр «Орион» города Пензы, детские и молодежные общественные организации и объединения города Пензы, Городской штаб ОМОД, городской Штаб студенческих отрядов, Пензенская городская молодежная общественная организация «Мобильные отряды студентов», Пензенская региональная общественная организация «Молодежный патриотический союз», средства массовой информации.

С 2005 года координация работы в области молодежной политики осуществляется Комитетом по физической культуре, спорту и молодежной политике города Пензы. Основные направления деятельности Комитета:

- реализация молодежной политики в городе Пензе;
- разработка и реализация целевых программ по развитию физической культуры и спорта с учетом социально-экономических, демографических и других условий и особенностей;
- создание условий для гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения;
- поддержка молодежного предпринимательства;
- решение вопросов занятости и содействия по трудоустройству молодежи и подростков;
- поддержка талантливой молодежи;
- взаимодействие с молодежными и детскими общественными объединениями, поддержка их деятельности;
- развитие системы клубов и социальных служб для молодежи, системы детского, молодежного и семейного отдыха;
- организация отдыха, досуга и занятости несовершеннолетних и молодежи;
- создание системы информационного обеспечения молодежи и молодежной политики.

Непосредственное исполнение функций осуществляет структурное подразделение Комитета — отдел по молодежной политике и проводит работу в следующих направлениях:

- организация и проведение общегородских массовых мероприятий по молодежной политике;
- организация комплексного решения актуальных социальных проблем молодежи в учреждениях.

В ведомственном подчинении Комитета находятся 2 молодежных центра: муниципальное бюджетное учреждение Молодежный центр «Юность» города Пензы и муниципальное бюджетное учреждение Молодежный центр «Орион» города Пензы, 18 подростковых клубов спортивной направленности, закрепленных за Комитетом постановлением главы администрации города Пензы от 24.11.2006 № 1368, с общим числом занимающихся более 430 человек.

В целях повышения социальной активности населения, пропаганды здорового образа жизни, профилактики подростковой преступности, Комитет по физической культуре, спорту и молодежной политике города Пензы проводит мероприятия, направленные на первичную профилактику негативных зависимостей и асоциального поведения. Комитет включён в реализацию долгосрочных целевых программ по работе с молодежью профилактической направленности: «Профилактика негативных явлений и правонарушений среди подростков и молодежи города Пензы на 2011–2015 годы», «Профилактика правонарушений и взаимодействие с правоохранительными органами по охране общественного порядка в городе Пензе на 2010–2015 годы», «Профилактика и предупреждение

употребления наркотических средств, алкоголизма, пьянства, табакокурения в городе Пензе на 2010—2015 годы».

В 2009 году, в Год молодёжи России, на федеральном уровне принято решение о необходимости создания в каждом регионе Российской Федерации молодёжных центров. В настоящее время в городе Пензе действуют два молодёжных центра: Муниципальное бюджетное учреждение «Молодёжный центр «Юность» города Пензы (МБУ «МЦ «Юность» г. Пензы) и Муниципальное бюджетное учреждение «Молодёжный центр «Орион» города Пензы (МБУ «МЦ «Орион» г. Пензы).

Основные направления работы МБУ «МЦ «Юность» г. Пензы:

— координация молодёжных инициатив, развитие муниципальной системы мер поощрения способной и талантливой молодёжи, поддержка их деятельности в муниципальном образовании, по месту жительства, учёбы и т. д.;

— содействие в трудоустройстве подростков и молодёжи, профориентационная работа, консультативная помощь несовершеннолетним по вопросам трудового законодательства, взаимодействие с центром занятости населения, общественными организациями, создающими рабочие места, в т. ч. временные для трудоустройства подростков и молодёжи;

— организация пропаганды здорового образа жизни среди детей и молодёжи;

Литература:

1. Е. А. Макеева — Инновационные методы обучения как необходимый элемент модернизации образования в современной России // Вестник Казанского технологического университета. — 2010. — № 8. — с. 149—152.
2. Е. А. Макеева — Исторический и личностный смысл познания // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. — Т. 7. — № 1. — с. 351—353.

Автограф Всеволода Эмильевича Мейерхольда

Макеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент;

Литвинова Мария Александровна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Все мы по праву гордимся нашими великими земляками: писателями, поэтами, художниками, выдающимися политическими деятелями. О них мы узнаем и изучаем их произведения на уроках литературы, истории, краеведения. Мы любим произведения Куприна, Лажечникова, Малышкина, Задорнова. Картинами К.А. Савицкого, Лентулова, Горюшкина мы любуемся в картинной галерее. Мы уважаем людей, которые жили и работали в нашем городе. Например, это такие выдающиеся деятели, как Салтыков-Щедрин, Сперанский. Но были такие яркие знаменитые личности, имена которых были попросту вычеркнуты на многие десятилетия

— сотрудничество с общественными организациями, пропагандирующими успешный семейный опыт; поддержка творчества молодых, в т. ч. студенческих семей;

— проведение работы с общественными гражданско-патриотическими объединениями и иными организациями, работающими с детьми и молодёжью по обмену опытом.

В рамках правового воспитания и информационно-консультативной помощи подросткам и молодёжи на базе МБУ «МЦ «Юность» г. Пензы работает молодёжная юридическая консультация.

Основные направления работы МБУ «МЦ «Орион» г. Пензы:

— организация и проведение общегородских массовых мероприятий по молодёжной политике: молодёжных акций, слетов, лагерей, фестивалей, смотров-конкурсов, семинаров, праздников; организация временных работ для подростков и молодёжи; поддержка молодёжных видов досуга;

— организация комплексного решения актуальных социальных проблем молодёжи.

На базе МБУ «МЦ «Орион» г. Пензы создана служба правовой помощи подросткам, работает кабинет психологической помощи подросткам и молодёжи, организована работа службы социально-психологического сопровождения подростков и молодёжи СТАРТ, Городской штаб волонтёрских отрядов МОСТ.

не только из истории нашего города, но и культуры государства. Среди них мастер, режиссер, актер: В. Э. Мейерхольд. И сегодня мы познакомим Вас не только с его трагической биографией. Главной целью исследования было увидеть и рассказать Вам историю реабилитации честного имени и великого наследия этого непревзойденного мастера театра искусства.

Мария Алексеевна Валентей не родилась в нашем городе, не жила. Но, благодаря усилиям всей её жизни, было возвращено доброе имя и увековечена память о нашем, выдающемся земляке — Всеволоде Эмильевиче Мейерхольде.

«11 июня 1895 г. Уважаемый Александр Михайлович! Присылаю обещанное.

Сообщите пожалуйста, в каком костюме Вы пойдете к директору. Я ещё не знаю, попаду ли к нему. Маленькая просьба к Вам, если к 6-сти часам в гимназии не буду, значит к директору не пойду. Так Вы скажите, пожалуйста, ему, в случае спросит, что у меня болят зубы (при сём фыркаю). Готовый к услугам Вашим К. Мейерхольд. P. S. Как только прочтете, пожалуйста, тотчас отвечайте. Жду».

Легкий юмор, ребячество, свойственное скорее подростку, нежели юноше (ему уже исполнилось 21 год), всё это сквозит в этой коротенькой записке. Он тяготился затянувшимся пребыванием в гимназии. Но учеба уже позади — 9 июня 1895 г. он был в гимназии последний раз на выпускном акте. А это, скорее всего, визит вежливости к бывшему наставнику, который и воспринимается им, по меньшей мере, несерьёзно. Всё уже не играло для него никакой роли: впереди Москва и новая жизнь. Какая она? Лучше или хуже? Ведь как бы он не относился к своим родным, Пензу он любил, и всегда его тянуло домой.

Родился Мейерхольд в нашем городе 28 января 1874 года, последний ребенок в многодетной лютеранской семье, где постоянно звучала немецкая речь, получил три имени, непривычные для православной веры — Карл Теодор Казимир. Когда ему исполнилось 21 год, он добровольно сменил имя на «Всеволод» и осознанно принял православие.

Известные театралы Мейерхольды держали ложу в театре и постоянно приглашали к себе заезжих знаменитостей. Мейерхольд с детства мечтал о театре и воплотил свою мечту в жизнь: сначала экспериментирует в императорских театрах, затем все силы отдает становлению нового, советского театра.

Революцию 1917 года известный режиссер, уже создавший к тому времени собственный «театральный язык», принял безоговорочно, вступил в партию большевиков и становится одним из активнейших строителей нового советского театра.

В программе «Театральный Октябрь» Всеволод Мейерхольд объявил войну старым академическим канонам. В своем театре он обучает актеров специальной дисциплине «биомеханике», требуя от артистов на сцене акробатической легкости и спортивной выправки.

Сблизившись с Владимиром Маяковским, режиссер ставит пьесы «Клоп» и «Баня».

Несмотря на мировую славу Мейерхольда и его театра, творческие приемы режиссера не принимали те, кто сверху надзирал за творческими процессами.

Шло время... Его искусство перестало вписываться в рамки социалистического реализма. Сначала придумывают ругательное слово «мейерхольдовщина» и заставляют публично каяться, потом признают его спектакли идеологически несостоятельными и даже клеветническими. Театр закрывают.

В ночь с 19 на 20 июня 1939 года Мейерхольд арестован. Появляется последняя фотография Мастера, она

была сделана в тюрьме. Затем следуют обвинения в антисоветской деятельности, шпионаже, жуткие пытки и расстрел 2 февраля 1940 года.

Но рассказ не столько о жизни и творчестве Всеволода Эмильевича, сколько о восстановлении его доброго имени. О судьбе Мейерхольда, объявленного «врагом народа», семье и близким ничего не было известно. Даже о том, что он был расстрелян в феврале 1940 года, узнали только в годы хрущевской «оттепели» благодаря самоотверженной деятельности его внучки — Марии Алексеевны Воробьевой-Мейерхольд (в замужестве Валентей), всю свою жизнь отдавшей борьбе за восстановление справедливости по отношению к Мейерхольду.

В начале 1946 года Мария Алексеевна направляет первое письмо Сталину о судьбе Мейерхольда. И только 24 ноября 1987 года — (через 32 года!) — ей удается получить справку о подлинной дате и причине смерти Мейерхольда.

Благодаря настойчивости Марии, политическая реабилитация В.Э. Мейерхольда состоялась: 26 ноября 1955 года. Теперь необходимо было восстановить справедливость в отношении его художественной деятельности.

Мария Алексеевна организовала несколько писем от Комиссии по творческому наследию В.Э. Мейерхольда с предложением издать сборник воспоминаний. Затем последовал сборник «Творческое наследие В.Э. Мейерхольда», вышел двухтомный «Мейерхольдовский сборник».

Мария Алексеевна обладала даром привлекать, притягивать к себе людей. Исполняла бескорыстное служение. Щедро дарила семейные мейерхольдовские раритеты (мебель, книги, фарфор) в Пензу и в музей-квартиру. Подвигала делать то же самое учеников и сотрудников деда.

9 февраля 1974 года в Пензе, по инициативе Марии Алексеевны, открыта мемориальная доска Мейерхольду на здании школы, где находилась вторая мужская гимназия, в которой он учился.

В 1980 году, благодаря ей же, в Пензе, рассмотрели вопрос о создании местного музея истории театра в доме, где родился и вырос Всеволод.

24 февраля 1948 года к 110-летию со дня рождения В.Э. Мейерхольда, состоялось торжественное открытие первого в мире мемориала Мейерхольда. Было приложено много усилий и труда к возвращению к жизни дома Мастера. Это была очередная победа над забвением.

В 1986 году Мария Алексеевна получает возможность знакомства с документами следственного дела Мейерхольда. Ей становится известно подлинное место захоронения Мейерхольда — «Общая могила № 1. Захоронение невоинственных прахов с 1930 г. — 1942 г. включительно» на кладбище московского крематория у Донского монастыря. Это было новой победой в деле восстановления доброго имени ее деда. Но нужно было идти дальше...

В 1994 году к 120-летию Мастера в Пензе театрального искусства Дом В.Э. Мейерхольда, создается новая экспозиция, полностью посвященная его жизни и творчеству.

В 1999 году на территории музейного комплекса в Пензе появился удивительный памятник. Первый в мире. Мастер, воплощенный в бронзе, будто входит в двери родного дома. Он «вернулся в свой город, знакомый до слез».

20 ноября 1999 года состоялось открытие.

Памятник Мейерхольду необычен. Автор должен был решить сложную задачу: воссоздать память о человеке, который был вычеркнут из жизни очень трагично. Отсюда такое решение. Поэтому его появление здесь, это, с одной стороны, возвращение к истокам, а с другой, это театральная Муза, тот мир, который был ему близок, и, в принципе, сделал его бессмертным. Глядя на поворот головы, его «медальный» профиль, мы чувствуем, что это не просто памятник — это «Образ». Мимо него нельзя пройти мимо, чтобы не поинтересоваться: «А вы не знаете, кто это?». Ведь на нём элегантная одежда актёра, а в руках не плащ, а скорее, театральные занавесы, внутри которого кукла. Рука не мужская, а женская и, они друг к другу направлены. Дверь, в которую он как бы собирается войти приоткрыта, но её невозможно открыть из этого мира, она открывается с другой стороны и пускают туда тоже только по решению «той» стороны. Дверь в этой композиции необычная: это дверь и бутфорская и театральная, и дверь в иной мир...мир смерти и бессмертия... Это идея входа куда-то, куда пустят нас или нет...

Автор этой композиции Юрий Евгеньевич Ткаченко сказал: «Мне хотелось сделать памятник, какого ещё не было в России. Я хотел, чтобы этот человек был с нами...»

Так оно и получилось.

На открытии памятника присутствовала последняя семья Мейерхольда вместе с Марией Алексеевной Валентей.

Чуть раньше Марии Алексеевне было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Казалось, что Мария Алексеевна будет жить вечно, но 15 января 2003 Мария Алексеевна Валентей скончалась в Москве и была похоронена на Ваганьковском кладбище.

Она отдавала своё сердце семье — матери, мужу, сыновьям, внукам. Работая учительницей русского языка и литературы в обычной московской школе, давала своим ученикам куда больше, чем требовала школа. Она вообще отдавала больше, чем могла.

И всё же главной линией её жизни была борьба за восстановление справедливости по отношению к Мейер-

хольду, за возвращение его наследия в отечественную и мировую культуру.

Его творческое наследие артиста, режиссёра, педагога, теоретика театра безусловное достояние мировой театральной школы, а значит и театрального будущего, которое стало возможным благодаря Марии Алексеевне Валентей.

В день памяти Всеволода Эмильевича Мейерхольда в 2011 году в Центре, носящем его имя, состоялась презентация документального фильма «Маша Мейерхольд», посвященного внучке режиссера Марии Алексеевне Воробьевой-Мейерхольд (Валентей).

В картине представлена история подвижнического пути Марии Валентей, ее борьбы за возвращение имени и творческого наследия режиссера в отечественную и мировую культуру.

«В фильме мы рассказываем о человеке, благодаря которому созданы и активно действуют Музей Мейерхольда на его родине в Пензе и музей-квартира мастера в Москве в Брюсовом переулке, первым заведующим которого и была Мария Алексеевна вплоть до своей кончины в 2003 году. В создании картины принимали участие те, кто вместе с Марией Валентей боролся за этот музей, а также ее друзья, ученики, потомки Всеволода Эмильевича. В их числе создатель Центра имени Мейерхольда режиссер Валерий Фокин, театровед Алла Михайлова, режиссер Андрей Хржановский и другие», — рассказал РИА Новости режиссер фильма Сергей Куцеватов, для которого эта лента стала кинодебютом.

«С точки зрения «физического» состояния музея, то пока все обстоит хорошо. За это время было проведено три ремонта. Помимо вечеров и встреч, которые традиционно проходят в музее, были созданы две большие экспозиции: первая посвящена 130-летию Мейерхольда и 80-летию Марии Алексеевны, а вторая, которая действует и сейчас, Мейерхольду-актеру и актерам театра Мейерхольда. Второй сезон совместно с Музеем кино мы проводим цикл вечеров, где показываем и рассказываем о фильмах, созданных при участии Мейерхольда», — сказала РИА Новости Наталья Макерова, которая возглавила Музей-квартиру после смерти Марии Валентей.

По словам Макеровой, музей пополняется экспонатами, документами и фотографиями. Среди новых поступлений особенно ценными стали восемь писем Зинаиды Райх, жены Мейерхольда, писательнице Мариэтте Шагинян, подаренные ее дочерью Мирей, и подлинный гардероб из квартиры мастера, переданный музеем внучкой Марии Валентей.

Проблематика публикаций по военно-морской политике кайзеровской Германии начала XX в. на страницах журнала «*Millitärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*»

Матова Мария Андреевна, студент;
Синегубов Станислав Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Тюменский государственный университет, филиал в г. Ишиме

В статье анализируются публикации последних лет зарубежного специализированного журнала «Millitärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung», посвященные исследованиям в области военно-морской политики кайзеровской Германии в предвоенное время. Автор дает оценку работам А. Мукуша и Р. Шилля, обратившихся к освещению малоизученных аспектов — военно-морскому образованию во II-м рейхе и морским соглашениям между кайзеровской Германией Австро-Венгрией и Италией, отмечает их достоинства и указывает на некоторые недоработки немецких исследователей.

Ключевые слова: специализированный журнал «*Millitärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*», военно-морская политика Германии, Тройственный союз, современная немецкая историография, морские соглашения.

Конец XIX — начало XX вв. историки называли эпохой нового маринизма. И действительно, власти ведущих тогда держав считали, что ни благополучию, ни процветанию, ни успешной внешней политике не быть без военно-морского флота. Наибольшие страсти флотского соперничества разгорелись между Британской и Германской империями [2, с. 108–114; 3, с. 69–74]. Логика их развития неизбежно должна была привести к военной развязке, масштабы и последствия которой никто из действовавших тогда политиков предвидеть не мог. Однако многим здравомыслящим людям не только в Великобритании или во II-м рейхе была понятна опасность для мира — это навязчивое стремление быть первым в морских вооружениях, напугать своего потенциального противника мощью пушек, толщиной брони, быстротой хода кораблей, их маневренностью и заставить его отступить еще до начала каких-либо сражений. Так известный российский политик начала XX в. А.Ф. Керенский говорил: «В ходе всякой гонки вооружений в конце концов наступает психологический момент, когда война кажется единственным средством освобождения от невыносимого ожидания катастрофы» [1, с. 81]. Безусловно, нет никаких сомнений (и это подтверждают многочисленные отечественные и зарубежные исследования, созданные за почти сто лет) в том, что германо-британское морское соперничество стало одной из главных причин развязывания глобального конфликта — Первой мировой войны [6, с. 37–45; 4, с. 202–210].

Проблема гонки морского вооружения, в которой соотязались главным образом две крупные европейские державы того периода является актуальной у исследователей зарубежной и отечественной историографии [3, с. 124–131.]. Это тема позволяет выяснить причины сложившегося узла противоречий, который совместно с франко-германскими и русско-германскими привели в конечном итоге к развязыванию мировой войны

О значительном интересе ученых к данной проблеме ярко свидетельствуют публикации в научных журналах за последний пятилетний период. Наибольшую информацию, конечно же, представляют специализированные зарубежные журналы, в частности западногерманские. Одним из ведущих изданий, публикующих статьи по военной тематике, является «*Millitärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*».

Этот журнал относится к относительно молодым научным периодическим изданиям. Первый его номер увидел свет в 1986 г. В 2002 г. он получил концептуально новое лицо. За весь период своего существования на его страницах было опубликовано 17 тыс. статей.

Интеpec к «*Millitärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*» определяется тем, что он является хорошим подспорьем при подготовке и проведении занятий, в которых затрагиваются или рассматриваются в качестве главных тем сюжеты военной истории самых разных исторических периодов. В нем также можно найти ссылки с указанием рекомендуемой литературы, интернет-сервисы, специализирующиеся на обзоре военных событий, а также объявления о проводимых за рубежом выставках.

Традиционно в центре внимания редакции журнала находятся проблемы истории Первой и Второй мировых войн по причине их политической и исключительно научной актуальности. Поэтому неудивительно, что тем, кто увлекается и занимается изучением военно-морской политики кайзеровской Германии в начале XX в. вплоть до 1918 г. будет безынтересно

В одном из исследований, опубликованном в данном журнале на тему подготовки высококвалифицированных кадров для военно-морского флота Германии историк Андреас Мукуш рассказывает об открытии военно-морской школы Мюрвик во Фленбурге. Автор указывает на то, как важно было это заведение не только для Германии, но и для кайзера Вильгельма II, имевшего, как известно,

особое пристрастие к флоту. «Мне не нужно подчеркивать того, как мне дорог военно-морской корпус, чью униформу я ношу, я полюбил его всем сердцем» говорил Вильгельм II на торжественном открытии учебного заведения [8, с. 31].

А. Мукуш отмечает определенную элитность новой морской школы. Так желающий поступить туда должен был обладать целым рядом качеств, таких, например, как терпение, усидчивость, тяга к знаниям, хорошая физическая подготовка. Большое значение имело также и социальное происхождение. Желательно было, чтобы «заявитель» относился к знатым слоям немецкого общества.

Учащиеся морской школы проходили хорошую теоретическую профессиональную подготовку. Среди изучаемых дисциплин были предметы естественно-математического цикла и такие специальные предметы, как «Морское командование», «Тактика».

В числе первых и лучших выпускников военно-морской школы Мюрвик во Фленбурге, отличившихся позднее в военной и социальной областях, А. Мукуш называет гросс-адмирала, командующего военно-морским флотом, Карла Деница, а также Мартина Нимеллера — теолога, ведущую фигуру протестантского сопротивления против национал-социализма.

Характеризуя новую морскую школу Мюрвик во Фленбурге автор не указывает на ее связь с другими специализированными образовательными учреждениями Германии и прежде всего Морской академией в Киле, занимавшейся подготовкой офицерского состава для немецкого флота [7, с. 83–88].

Одним из ярчайших исследований, представленных в журнале «*Millitargeschichte. Zeitschrift fur historische Bildung*» за период с 2010 по 2013 гг. по проблеме военно-морской политики Германии является труд капитана второго ранга, научного сотрудника центра военной истории Германии, доктора Рюдигера Шилия. Свое исследование он делит на 3 тематических блока: роль немецкого боевого флота; военно-морская конвенция перед 1900 г. и морское соглашение перед 1913 г.

В начале своего исследования автор анализирует переписку начальника немецкого Генерального штаба Хельмута фон Мольтке с австро-венгерским коллегой Францем Конрадом. [9, с. 10–11]. Р. Шиль акцентирует внимание читателей на том, что планы, как Ф. Конрада, так и Х. Мольтке в целом совпадали. Х. Мольтке в обращении к австро-венгерскому коллеге обозначил и стратегическое взаимодействие будущих театров военных действий на западе (Германия — Франция), в Северном море (Германия — Великобритания), в Средиземном море (Франция — Италия/Австро-Венгрия) и на востоке (Германия, Австро-Венгрия — Россия).

При этом Р. Шиль подчеркивает, что Х. Мольтке был уверен в том, что овладеть Средиземным морем в сложившейся ситуации будет достаточно легко. Это и станет, по его мнению, весомым преимуществом в борьбе против Франции. Важнейшим итогом такого сотрудничества,

как показывает ученый, стало подписание членами Тройственного союза второго морского соглашения 23 июня 1913 г., которое вступило в силу с 1 ноября 1913 г. Автор не скрывает своего удивления, когда отмечает, что инициатором этого шага стала Италия, которая до этого не проявляла какой-то особой заинтересованности в подобном соглашении.

В первом блоке автор рассуждает о роли военно-морского статс-секретаря Альфреда фон Тирпица в создании финансовых и законодательных возможностей для развития флота Германии [9, с. 11]. Р. Шиль также подчеркивает, то, что А. Тирпиц определял главный театр боевых действий между немцами и британцами в район между Гельголандом и Темзой.

Главный вопрос, которым задается Р. Шиль: чего же хотел достигнуть А. Тирпиц этим сражением? Ответ историк представляет своими рассуждениями о значимости военно-морского флота в целом для Германской империи. Он, по глубокому убеждению, исследователя, являлся рычагом для проведения немецких интересов в жизнь против потенциальных соперников в Европе и, конечно же, в первую очередь против Великобритании. Поэтому ее разгром должен был открыть прямой путь к доминирующей роли кайзеровской Германии в послевоенном мире.

Во втором блоке автор поднимает тему сотрудничества внутри Тройственного союза, характеризует морское соглашение 1900 г. между партнерами [9, с. 11–12]. Инициатором его подписания, как показывает Р. Шиль, становится Италия. Причиной тому послужило слабость морского флота данной страны и боязнь осуществления десантных операций на западном побережье. В этом соглашении, выдвигается некий тезис или положение о свободе действий его участников, определяется прежде всего будущий театр военных действий, места проведения операций (Германия: Восточные и Северные моря, Атлантика; Италия: западная часть Средиземного моря; Австро-Венгрия: Адриатика, восточная часть Средиземного моря).

Автор выявляет слабые стороны Тройственного союза, а именно прежде всего взаимное соперничество и латентную конкуренцию Австро-Венгрии и Италии в балканском регионе. По мнению Р. Шилия, первое морское соглашение 1900 г. не могло полностью устранить уже намечившиеся противоречия внутри блока. Оно было призвано обеспечить минимальный уровень сотрудничества в случае европейского конфликта.

В последней части своего исследования Р. Шиль, анализируя переписку Ф. Конрада и Х. Мольтке, акцентирует внимание на изменившейся обстановке перед 1913 г. [9, с. 12–13]. Оформление британо-французской Антанты в 1904 г., а затем по сути дела присоединение к ней в 1907 г. России заставляли руководителей государств Тройственного союза концентрироваться на создании сильного военно-морского флота. Они должны были так распределить свои силы, чтобы эффективно противостоять Антанте как в Северном, так и Средиземном морях. Это в свою

очередь требовало тщательно продуманного и точно выверенного стратегического подхода к решению военно-морской составляющей в предстоящих военных действиях между блоками.

Значимым (в политическом и военном отношениях) шагом в этом направлении стало морское соглашение 1913 г. Оно открывало для Тройственного союза перспективы накануне Первой мировой войны создать современное многонациональное военное объединение. Одной из главных его функций было совместное оперативное планирование под единым командованием в Средиземном море. Тем самым подтверждалась стратегическая значимость данного региона для Тройственного союза.

Также данное соглашение предусматривало объединение почти всех союзнических военно-морских сил в южно-итальянских гаванях с целью атаковать французский флот в случае начала войны с последующим его полным разгромом. Вместе с тем договор предполагал и решение другой задачи — установление полного морского господства в Средиземном море (§5 дополнительного соглашения), чтобы предотвратить возможные десантные операции на итальянском побережье.

Наряду с очевидными достоинствами Р. Шиль отмечает и недостатки морского соглашения 1913 г. К их числу он относит отсутствие планирования общих маневров флотов в мирное время, что по определению не могло не повлиять отрицательно на слаженность, скоординированность действий флотов Тройственного союза при военных действиях по причине отсутствия заранее наработанных «домашних заготовок».

Подводя итог вышесказанному, Р. Шиль высказывает мысль о том, что проблема взаимоотношений внутри Тройственного союза является на сей день до сих пор актуальной [9, с. 13]. А морское соглашение от 1913 г., несмотря ни на что, остается достаточно важным и ценным документом. Именно в этот период времени отмечены первые шаги на долгом пути к сотрудничеству современных многонациональных альянсов, ярким примером того являются постоянные морские силы НАТО.

В заключение можно сказать о том, что проблема военно-морской политики кайзеровской Германии накануне Первой Мировой войны была и остается на сегодняшний день актуальной. О повышенном интересе к данной теме свидетельствует большое количество публикаций, сочинений в зарубежных специализированных журналах по военной истории за период с 2010 по 2013 гг.

Особенно ярко представлена данная проблематика на страницах такого журнала как «*Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*». Основной вопрос, поднимаемый в публикациях — это значимость военно-морского флота для Германии в целом, подписание морских соглашений с союзниками по Тройственному союзу и их ценность. Историки также обратились к исследованию вопросов, касающихся сотрудничества непосредственно внутри Тройственного союза. Таким образом, журнал «*Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*» является ценнейшим источником по изучению и интерпретации проблем военно-морской политики Германии, позволяющим рассмотреть данную тематику под различными углами и в свете различных мнений по этому вопросу.

Литература:

1. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары/А.Ф. Керенский. — Москва: Республика, 1993. — 384 с.
2. Синегубов, С.Н. Германское руководство и проблема флотского соглашения с Великобританией в период ноября 1909 г. — конец июля 1910 г.: переговорная пауза // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 12 (2). с. 108—114.
3. Синегубов, С.Н. Особенности западногерманской историографии военно-морской политики кайзеровской Германии в конце XIX-начале XX вв. // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. История. 2013. № 2. с. 124—131.
4. Синегубов, С.Н. Проблема договора об обмене информации о строящихся военно-морских судах в германо-английских отношениях 1909—1912 гг. // Научное обозрение. 2007. № 6. с. 69—74.
5. Синегубов, С.Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904—1911 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). с. 202—210.
6. Синегубов, С.Н. Угроза германо-английской войны в июле-ноябре 1911 г.: Миф или реальность? // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общ. и гум. науки. 2009. № 12 (90). с. 37—45.
7. Синегубов, С.Н. Шилов С.П. Система военно-морского образования в кайзеровской Германии в конце XIX — начале XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5/2. с. 83—88.
8. Andreas Mückusch. 100 Jahre Marineschule Mürwik // *Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*. 2010. Н. 1. S. 31.
9. Rüdiger Schiel. Die Dreibund-Marinekonvention von 1913 und die deutsche Marinestrategie // *Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*. 2013. Н. 3. S. 10—13.

Население Якутии в начале первой четверти XIX века: социально-демографический аспект

Сосин Михаил Александрович, аспирант

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)

Цель исследования состоит в анализе реконструкции историко-демографической ситуации в Якутской области 1800–1820-е гг. на основе архивных данных, и VI и VII ревизий.

Ключевые слова: численность; динамика расселение; миграции; изменение состава населения; плотность; семейно-брачные отношения; половозрастной баланс.

The subject of the research: the population of Yakutia at the beginning of the first quarter of the XIX century: socio-demographic aspect

The purpose of the study is the analysis of the historical and demographical situation reconstruction in the Yakutsk oblast in 1800–1820ss based on the archive data and VI and VII revisions.

Key words: population, dynamics, resettlement, migration, changes in the composition of the population, density, family and marital relations, age and gender balance.

В истории Якутии были моменты, когда происходили не менее сложные историко-демографические процессы. Длительное время якуты и малочисленные народы Севера были единственными обитателями края. Только начиная с XIX века, за счёт миграции извне межэтнических контактов меняется этно-демографическая ситуация. Корни многих современных традиций начинаются именно в этот период. Истоки современной этно-демографической ситуации уходят в глубь веков именно с времени вхождения современной территории Якутии в состав Российского государства. Начиная с XVII до конца XVIII века идёт процесс мощного внешнего фактора. Где местное и пришлое население начинают жить в системе законов и пространства Российского государства. А именно с нашего периода изучения с начала XIX века Якутской области сформируется национальный состав Якутской области, когда происходят реформы в политическом и социально-экономическом плане, всей Сибири частности затрагивая непосредственно Якутию. В этнографическом отношении регион был разнообразен и на территории проживали следующие народности: якуты, русские, тунгусы, ламуты, юкагиры, чукчи, чуванцы. Эти все изменения дали толчок для интенсивного развития всех народов проживающих на территории Якутской области. *И за эти два века сегодняшняя Якутия намного преобразилась в этом социально-демографическом контексте.* В данной статье представлена информация историко-демографическая ситуация в Якутии в начале XIX века. Итак, 1800–1820-е гг., на этот период пришлись важные исторические события в истории региона: ошутимое влияние рыночных отношений под воздействием сибирских реформ, изменение статуса и административно-территориального положения региона, внедрение земледелия, завершение хри-

стианизации Якутии, «Устав об управлении инородцев» 1822 года, появление Якутской Степной Думы 1827 г. и др. В этом контексте следует, что современный многонациональный народ Республики Саха (Якутия) с принятием декларации государственности и Конституции РС (Я) в конце XX века осознают, что население, которое проживает в Якутии устоялось с понятием якутянин, основанная на традициях. Вот, уже 383 лет как Якутия живет с Россией. У современного общества можно сказать есть интерес как проходили исторические формирования и демографические тенденции населения в Якутской области в процессе слияния. Цель работы является реконструкция историко-демографической ситуации в Якутской области 1800–1820-е гг.

Именно статистическими данными Восточной Сибири занимался С.К. Патканов племенной состав населения Сибири таких губерний как Тобольской, Томской и Енисейской. Где отметил что в Енисейской губернии, а именно в Туруханском крае проживали якуты (долганы) численностью 1030 человек [1]. По данным демографии якутов в первой половине XIX века есть материалы С.К. Патканова где наблюдается тенденция высоких темпов прироста якутов где в 1812 году составляло 121.780 человек, а в 1817 году уже 129.868 человек [1]. Исходя из этого можно говорить о приросте якутского населения в этот рассматриваемый период в тенденции постепенного расширения. В материале В.М. Кабузана затрагивалась «Народонаселение России в XVIII — в первой половине XIX в». где есть данные по ревизиям VI и VII соответственно 1811г — 249.648 тыс. человек, и 1815г-291.772 тыс. человек. Следует отметить что эти ревизии учитывались в составе Иркутской губернии и считали только мужской пол, и по сословию не учитывали дворянство и чиновничество

и другие [2]. Единственное крупное исследование о народонаселении России XIX в. принадлежащее А. Г. Рашину «Население России за 100 лет (1811—1913 гг.)», целиком основывается на печатных источниках, главным образом административно-полицейских исчислениях, и не привлекает архивных ревизских материалов. Работы А. Г. Рашина является также и то, что он практически не учитывает административно-территориальных изменений границ России за рассматриваемый им период и лишь пытается ослабить трудности сопоставления отдельных территорий путем объединения ряда губерний в районы [3].

В материалах статистического труда Ю. А. Гагемейстера по населению Сибири есть статистические данные по Якутской области в 1838 г. считалось 87.000 душ мужского пола, в 1795 г. 50.066 человек, а в 1852 г. обоего пола в Якутской области население составляло 180.558 человек. Так же в Якутской области считается 13.550 тунгусов и ламутов обоего пола 1840 г. По данным 1823 г. состояние общего населения в Якутской области 163.978 человек, а в 1851 г. население 214.456 приращение ежегодно за этот период 0,85% в общем за этот период 2 Во втором исчислении инородцев Сибири 1827 г. Якутской области насчитывалось 84.091 мужского пола. В 1824 г. инородцев составляло мужского пола 80.861 человек, и женского пола 75.590 человек в общем, все население Якутской области 195.381 человек прирост 24% [4].

По материалам М. М. Геденштрама зафиксировал на арктическом побережье в начале XIX веке ряд постоянных поселений. В устье Лены находились селения Мураш (в 6 верстах от моря), состоявшее из 7 юрт, и Мохнатка, на Индигирке — Русское Устье (до 13 юрт и домов), Едомка (4 юрты), Ожогинское (до 12 юрт) и Усть-Еланское (до 13 юрт и домов), в устье Колымы — самый крупный арктический населенный пункт Нижнеколымск, где располагались острог, казенный магазин и до 40 домов и юрт жителей. В них проживали в основном русские мещане [5]. По данным Ф. П. Врангеля, который посетил Колыму, в 1820 году там было 325 русских мещан, крестьян и казаков. В областном центре городе Якутске считалось 4.000 жителей, около 500 домов, 5 церквей (из которых три каменные, и две деревянные) [6]. По статистическим данным Ю. И. Джулиани общее количество якутского населения составляло 147.000 тысяч человек по данным в 1820-е годы [7].

По данным и материалам И. С. Гурвича карта региона была достаточно пестрой, и выглядела следующим образом. Юкагиры в количестве 700 чел. были представлены Юкагирским, Омолонским, Нартинским, Ушканским, Рыбниковским родами, кочевавшим в Колымском округе. Эвены жили в Якутском, Верхоянском и Колымском округах. В составе Дельянского, Кункугурского, Тюгясиурского и Буйаксиурского родов числилось, по данным 1811 года 910 человек. Якуты уже составляли большинство населения севера области. По материалам VII ревизии 1816 года, здесь проживало более 7000 якутов. К началу XIX в. на Севере жила пятая часть русского насе-

ления Якутии. Оно было представлено казаками, чиновниками, священнослужителями, торговцами, промышленниками, крестьянами — всего около 850 чел., в том числе русских старожилов — 394 человек [8].

По статистическим данным С. В. Бахрушина в 1818 году в Якутской области общее число жителей составляло 147.015 человек и доля русских составляло 4.610 человек, то есть немного более 3% [9]. Так же по материалам С. В. Бахрушина первые более или менее полные статистические сведения численности нерусских жителей Якутской области, известные в печати, относятся уже к началу XIX века. К 1818 года их считалось 142.405 человек обоего пола. Так же в Якутске в 1824 году в нем насчитывалось 2458 человек [10].

В монографии В. В. Покшишевского затрагивается о том, находясь на стадии хозяйственного развития, выделявшей их среди окружающих народов, якуты усвоили себе многие черты русского хозяйства, переняли у русских ряд орудий, развили своё животноводство, начали даже кое-где заниматься земледелием. Сращивание якутов с русскими происходило по многим линиям (зачисление новокрещенов в якутские казаки, смешанные браки, усиление тойоната, возникновение туземного купечества и т. п.), и якуты действительно становились спутниками русских в их движении на северо-восток. С другой стороны, якуты стремились уйти от ясачных притеснений, иногда разбегались после неудачных восстаний, продолжавшихся весь XVII век, шли не с русскими, а от них. Именно таким образом попала часть якутов на крайний север — на Оленек, Яну, Индигирку и Колыму — отчасти на Вилюй и даже на Олёкму. По данным 1816 года численность якутов вместе с другими туземцами составлял 142.400 человек. Расселение якутов вширь, охватившее пространство в тысячи километров, как бы вдвигало их на территории, занятые соседними тунгусскими, ламутскими и юкагирскими племенами и родами, значительно сокращая область обитания и охотничьих угодий аборигенов. Скотоводческая культура якутов и сравнительная плотность якутского населения оказалась настолько благоприятной для успеха в борьбе племён за обладание территорией, что и до прихода русских тунгусы были вынуждены шаг за шагом отступать перед якутами [11].

В монографии В. В. Воробьева население Центральной Якутии было довольно многочисленным и характеризовалось огромным преобладанием якутов и очень малой долей русских. По данным первой половины XIX в., русские составляли здесь всего 2,6—4,6% населения. При этом, в отличие от южных округов Восточной Сибири, с течением времени доля русского населения в Якутии почти не повышалась. Добровольного переселения почти не отмечалось, сюда попадали только ссыльные и то в небольшом количестве. В течение всего XVIII и первой половине XIX в. продолжалось переселение якутов в значительных масштабах в новые районы. Хозяйство якутов за этот период изменилось в сторону некоторой интенсификации. Скот стал заменяться более продуктивным. Тра-

диционно у якутов преобладали лошади, а крупный рогатый скот занимал второстепенное место. После прихода русских положение стало меняться, а в XVIII и первой половине XIX века изменения происходили ускоренно. Отсутствие надежных данных о числе родившихся и умерших по всей Якутии и большие колебания численности населения затрудняют определение размеров естественного прироста. Все же сопоставление численности якутов за разные временные периоды (конец XVIII в. — 28,5 тыс., в 1897 г — 225 тыс. чел.) приводит к выводу, что среднегодовой прирост за этот большой промежуток времени (около 200 лет) составлял около 7 человек на 1000 жителей, причем если в начале XVIII в. он был значительно ниже, то к концу характеризуемого периода существенно повысился. Якуты были второй по численности национальной группой в Восточной Сибири (после бурят), но в отличие от последних размещались они более компактно. В центральной части Якутской области (Якутский, Вилюйский, Олекминский уезды) находилось 90% всех якутов и только 10% приходилось на север Якутской области и на те группы якутов, которые жили за пределами области. В целом число якутов с 28,5 тыс. в конце XVII в. выросло до 201 тыс. чел. в 1862 году. В целом Север и Северо-Восток Якутии в течение XVIII и первой половины XIX века был районом значительного притока населения и ассимиляции малых северных народностей якутами. Трудная природная обстановка и неустойчивый характер хозяйства приводили к тому, что население здесь находилось на грани выживания. В этих условиях естественный прирост был очень небольшим. Увеличение численности населения в значительной степени обуславливалось притоком переселенцев [12]. Исходя из особенностей монографии В.В. Воробьева можно отразить много данных и обобщить что у автора систематический характер статистики.

Обобщая материалы И.И. Майнова по ревизии 1816 года инородцев в Якутской области оказывалось 71.301 мужчин и 71.104 женщины, а всего — 142.405 человек. Если бы цифра 1763 года была близка к действительной, то мы имели бы для 53-хлетнего последующего периода средний годовой прирост почти в 1,50%, но так как исходная цифра сомнительна, то мы должны отказаться от надежды найти процент прироста и можем ограничиться утверждением, что и в этот период наблюдался некоторый прирост, а никак не убыль якутского населения [13]. Так же сюда можно причислить Р.К. Маака [14], участника Вилюйской экспедиции, которая имела серьезные задачи — провести в Вилюйском округе естественно-исторические, картографические, этнографические, статистические и метеорологические исследования.

В монографии исследования Р.К. Маака между племенами населяющих Вилюйский округ, наибольшая численность принадлежат якутам, которые живут по Вилюю скученными массами. После якутов самое многочисленное племя в Вилюйском округе-тунгусы. По сведе-

ниям старост с 1860—64 гг. простиралось за исключением тунгусов до 27.200 душ м. п. и 25.200 ж. п. Цифры эти близки к цифрам 10-й переписи, по которой население Вилюйского округа составляло 26.533 души м. п. По данным собранными старостами народонаселение Вилюйского округа с 1851—1860 гг. возросло на 9650 душ обоего пола, общее число народонаселения в Вилюйском округе в 1841г составляло приблизительно 38.000 душ обоего пола, а в 1851г-42.000 душ обоего пола [14]. Подводя итог по экспедициям Р.К. Маака, и А.Ф. Миддендорфа можно высказать что, они не затрагивали период, который будет исследоваться мной, но они те люди, которые были современниками того периода, который исследовали Якутию.

Большой интерес представляют материалы издания автора Г.П. Башарина «История аграрных отношений в Якутии XVII — сер XIX» где рассмотрено приобщение якутов к земледельческой культуре. По данным ясачное население в 1820-х гг. в Якутском округе 47210 м. п. и 48173 ж. п. [15]

По материалам Г.А. Попова в 1816 г. якутского население было 110.631 обоего пола, он писал, что несмотря на неблагоприятный климат, якуты освоились со своей новой родиной и не только не вымирают, но, наоборот, возрастают в числе [16]. В материалах А.С. Парникова расселение якутов в XVII — начало XX вв. в конце XVIII века по пятой ревизии 1795 году численность якутов в Иркутской губернии, в которую административно входила Якутия, была примерно следующей: 50.064 мужских душ [17]. По данным А.И. Гоголева есть данные по демографическому состоянию Якутской области в 1812 г. — 54.264 м. п. составляло численность якутского населения, а общее количество якутского населения 109.500 по данным ревизии. В 1816—1817 гг. — 64.934 м. п. и 71.104 ж. п. численность якутского населения. Общее количество якутского населения 129.860 по III ревизии. 1823—1824 гг. численность якутского населения м. п. 80.801 и ж. п. 75.590, а общее количество население Якутской области 162.238 человек. Средний ежегодный прирост якутского населения начало XIX — сер. XIX 1742 человек. Ежегодный прирост населения увеличивается на рубеже XVIII—XIX вв. и особенно в первой половине XIX века. Со второй половины XVIII в. идет тенденция к увеличению рогатого скота. К 1-й трети XIX века крупный рогатый скот составил 64,22% общего количества скота и лошадей. В связи с этим падением коневодства якутское сельское хозяйство окончательно теряет пережитки номадизма (традиционализма), на рубеже XVIII и XIX вв., и в 1-й половине XIX в. наблюдается более ускоренный прирост якутского населения [18].

В последнее время появились исследования, в которых в той или иной степени затрагиваются различные проблемы развития Восточной Сибири. По материалам и таблицам А.А. Борисова динамика численности якутского населения по регионам в XVII—XIX вв., человек. В периоде 1795 г. в Центральной Якутии проживала около 60.000, в Вилюй, Олёкма около 30.000, в Нижняя Лена,

Яна, Индигирка, Колыма, Алдан, Мая более 9000, всего более 100.000. В 1812 г. в Центральной Якутии 75.084, в Вилюй, Олёкма 36.608, Нижняя Лена, Яна, Индигирка, Колыма, Алдан, Мая 10.088, всего 121.780. В целом численность якутов с середины XVII в. до конца XIX в. увеличилась примерно в 8 раз. В XIX в Центральной Якутии якутов стало больше почти 1,7 раза, на Вилюе и Олёкме — более чем в 2 раза, на севере — почти в 1,4 раза [19]. По материалам Е. С. Шишигина в конце XVIII в. усиливается присоединение якутов к православию. По данным 1823 г. 99% населения всей Якутии уже было крещено [20]. По данным И. И. Юргановой в 1886 году жителей православного исповедания в Якутской епархии составляло м. п. 124.844 человек, и ж. п. 122.973 человек всего было 247.817 человек [21]. Можно, высказать что одна из первых провела работу характеристику особенностей метрического учёта.

Как показал обзор этот период является белым пятном в исторической демографии в Якутской области. В первую очередь новизна заключена в подходе к изучаемому объекту. Здесь определяется обоснованием детерминирующей роли исторических факторов для развития социально-демографической истории Якутии в начале XIX в., и экономического развития Восточной Сибири и состоит в следующем, необходимо разобраться в причинах, в сложившейся демографической ситуации в Якутской области. Очевидно, что появления таких научных исследований способствовала бы развитию исторической науке в области исторической демографии, которых до сих пор нет в специальных работах посвященной этой теме.

Таким образом, данный материал дает представление о социальных группах пришлого и коренного населения, формировавших край и в том числе его центральный город.

Несмотря на достаточно глубокую изученность темы существуют проблемы, над которыми необходимо работать, а именно никто не занимался исторической демографией народонаселение Якутской области в 1800—1820-е годы. Можно найти лишь отдельные, отрывочные сведения в трудах дореволюционных и советских историков. Например, проблемы численности всех народов, брачности, состав семьи как социальный институт Якутской области, по рождаемости и смертности население, распределение по половому, национальному и возрастному различию Якутской области в начале XIX века. В работах этих ученых рассматриваются различные развития народов Якутии, обусловленные социально-экономическими факторами, уровнем жизни населения, изменением ценностных предпочтений и установок новых традиционных отношений в начале XIX в. Требуется исследования о роли государства в решении проблемы социально-демографического развития народов в Восточной Сибири, а именно в Якутской области.

Таким образом исторический обзор показывает на современном этапе эти работы уделяют внимание лишь части определенного народа на территории Якутии, но не полностью, нет специальных исследований в области, посвященных роли именно постепенного развития Якутской области в социально-демографическом аспекте всех народов в частности русских, якутов- (саха), северных народов, проживающих на территории Якутской области в начале XIX века. Анализируя труды ученых и приходя к окончательному выводу с твердостью можно сказать, что проблемой исторической демографии Якутской области в начале XIX века никто не занимался, а рассматривали обзорно, делая вывод что даны косвенные данные.

Литература:

1. Патканов, С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. — СПб. 1911.
2. Кабузан, В. М. Народонаселение России в XVII — первой половине XIX в. — М., 1963.
3. Рашин, А. Г. Население России за 100 лет. — М., 1956.
4. Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири: в 3 частях. — СПб. 1854.
5. Геденштром, М. М. Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова камня. Сиб. вестн. — 1823.
6. Врангель, Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. — СПб. 1841.
7. Джулиани, Ю. И. О Якутах. Сын Отечества. — 1836.
8. Гурвич, И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. — М. 1966.
9. Бахрушин, С. В. Научные труды. IV том. Истории Якутии в XIX и начале XX вв. — М. 1959.
10. Бахрушин, С. В. Научные труды. III том. Избранные работы по истории Сибири. — М. 1955.
11. Покшишевский, В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки) — Иркутск, 1951.
12. Воробьев, В. В. Формирования населения Восточной Сибири. — Новосибирск. 1975.
13. Майнов, И. И. Население Якутии. — Л., 1927.
14. Маак, Р. К. Вилюйский округ. — 2-е изд. М., 1994.
15. Башарин, Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XVII — середина XIX) в двух томах — М., 2003.
16. Попов, Г. А. Очерки по истории Якутии. — Якутск, 1924.
17. Парникова, А. С. Расселение якутов в XVII — начале XX вв. — Якутск, 1971.
18. Гоголев, А. И. Лекции по исторической этнографии якутов — Якутск, 1978.

19. Борисов, А. А. Социальная история якутов в позднее средневековье и новое время — Новосибирск, 2010.
20. Шишигин, Е. С. Распространение христианства в Якутии. — Якутск, 1991.
21. Юрганова, И. И. История якутской епархии 1870—1919 гг. — Якутск, 2007.

Российская провинция в годы Первой мировой войны: обзор современной отечественной историографии

Шувалов Никита Сергеевич, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

Первая мировая война — одно из самых грандиозных событий в истории человечества. Над её историей работают историки многих стран. Расширяется, в том числе отечественная историография истории войны. После событий 1991 г. встал вопрос о переосмыслении, дополнении и исправлении этих концепций и всей литературы по истории войны. Идёт поиск новых методологических подходов, выводов и оценок с привлечением свежего фактического материала.

Ключевые слова: Первая мировая война, международные отношения, историография, источниковый анализ.

В современных исследованиях тема истории повседневной жизни российской провинции и изучение разноплановых проблем, возникших в результате влияния войны в регионах, рассматривается многоаспектно и многогранно. Прорабатывается проблема «общество и война», деятельность общественных и государственных организаций, взаимоотношения социума и власти, роль либеральной оппозиции в назревании революционного кризиса. Детально изучаются изменения общественного сознания и трансформация ментальности различных социальных слоев населения, созревание их протестных настроений, рассматривается влияние национальных меньшинств на политические процессы во время войны и в послевоенное время. Исследуются процессы изменения общества под влиянием войны, в том числе поведенческих стереотипов различных слоёв населения, характер государственных структур и социальных институтов.

Интерес к гигантским людским потерям нашей страны в XX веке, в том числе во время Первой мировой войны (а потери мирного населения намного превышают потери вооружённых сил), интерес, усугубленный нынешней неблагоприятной демографической ситуацией и новыми боевыми потерями, велик и понятен. Результат многолетнего исследования Г. Ф. Кривошеева, В. М. Андроникова, П. Д. Бурикова и др. — основательная и масштабная работа, являющаяся результатом тщательного, объективного, подлинно научного подхода к данной теме. Авторы определили жанр своего труда как статистическое исследование, хотя вернее было назвать его «историко-статистическое». Данная книга открывает новые, наиболее правдивые, страницы военной истории, а также показывает противоречивость сведений об утратах, трудности их изучения и тем самым не ставит последней точки, а зовёт к продолжению исследовательской работы [1].

Первая после долгого перерыва попытка нового прочтения многих, в том числе и забытых, страниц истории Великой войны, вызвавшей раскол общества, дополненный духовным кризисом — коллективный труд В. С. Васюкова, В. Н. Виноградова, О. А. Ржешевского, А. О. Чубарьяна. Во вступительном слове В. Л. Мальков отмечает, что речь идёт о выявлении сильнейшей потребности провести ревизию «наследия» по причине вовлечения в научный оборот ставшими доступными важных архивных материалов, буквально понуждающих пересматривать старые представления и заново оценить драматический опыт 1914—1918 гг. уже на базе объективных познавательных критериев и с учётом достижений мировой науки. Определённый уровень изучения узловых проблематики в истории XX века, войны 1914—1918 гг., её генезис и разностороннее влияние на ход цивилизационного развития и мировую политику, непосредственные итоги и отдалённые последствия отражает результат коллективных усилий отечественных и зарубежных исследователей. Авторы опираются на уникальные, впервые вводимые в научный оборот архивные источники (американские, английские, немецкие, французские, датские и другие архивы, ГАРФ, ЦХИДК, РГВИА), позволившие критически переосмыслить устоявшиеся представления, а также выступить с рядом оригинальных трактовок и гипотез, имеющих принципиальное теоретическое значение.

Историки многих стран подводят итоги XX столетия. Они стремятся поставить его в контекст истории человечества в целом, раскрыть неповторимые черты и колорит закончившегося века. На Международном Конгрессе историков, проходившем в Осло летом 2000 г., тема подведения исторических и историографических итогов XX столетия заняла фактически преобладающее место. В коллективном труде под редакцией академика А. О. Чуба-

рьяна подводятся некоторые итоги завершившегося столетия, которое войдёт в историю как своими огромными достижениями и успехами, так и трагедиями и противоречиями [2].

Первая мировая война оказала огромное влияние на события XX века: дала импульс технической революции и сделала насилие орудием разрешения международных споров. Профессор Уткин А.И. делает вывод, что уроки первой мировой актуальны и для сегодняшнего времени, когда некоторые державы, как некогда Германия, претендуют на мировое господство. Первая мировая война является одним из ключевых событий мировой истории. Она определила мировую эволюцию всего последующего времени. За четыре года произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая война придала современную форму национальному вопросу. Она вывела на арену общественной жизни массы народа, фактически не участвовавшие прежде в мировой революции. Она дала невиданный импульс технической революции. Она при этом открыла невиданные глубины гуманитарного падения, на которые оказался способным человек вопреки всем достижениям цивилизации. Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, смяла все достижения столетия посленаполеоновского мира, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и инструментом социальных перемен. Она оставила после себя невиданное озлобление народов, выплеснувшееся в отчуждение 20–30-х годов, и кровавую драму Второй мировой войны. Особое, решающее значение Первая мировая война, делает заключение автор, имеет для нашей страны. Базовым для понимания русской истории является признание того факта, что внутри русского народа существуют два народа — традиционное деление идейных лагерей русской жизни на западников и славянофилов. Никогда в России не было создано «среднего класса» — гаранта стабильности, противника революций. Хранить и защищать святую Русь предоставили не авангарду её народа, а государству, западное происхождение которого вызывало едва ли не естественное отчуждение. И Россия к периоду решающего вхождения в период испытаний сохранила в себе как подлинную часть национального существования не только собственные национальные традиции, но традиции Византии и Золотой Орды — «две нации в одной». Высший патриотизм сдерживал тысячелетнюю Россию, от правящих кабинетов до избы мужика, он и спасал её многие столетия от капитуляции перед материалистическим и бездуховным Западом. Но горечь поражений, усталость обезлюдевшей деревни, смятение, столкнувшихся с реальностью умов потрясли Россию и подточили её цемент, глубокий национальный патриотизм. Старым дорогам не стало веры, и Россия пошла особенным путём [3].

В монографии Бахтуриной А.Ю. рассматривается история национальной политики и государственного управления национальными окраинами Российской

империи и временно оккупированными территориями в годы Первой мировой войны. Изучается система государственных учреждений империи, занимающихся управлением окраинами, методы и формы управления, система гражданских и военных властей, задействованных в управлении временно оккупированными территориями. Особенности национальной политики самодержавия исследуются на широком общеисторическом фоне с учетом факторов идеологии войны, внешнеполитической конъюнктуры, предстоящего передела мира и стремления «малых народов» к формированию национальной государственности. На основе широкого круга источников изучаются тенденции, характеризующие движение от имперского унитаризма к федерализму как внутри российской бюрократии, так и в среде национальных общественно-политических кругов. Именно в годы войны проявились недостатки административного управления на окраинах Российской империи: слабая связь центра и мест, недостаточные полномочия гражданской администрации, слишком медленная разработка преобразований для отдельных окраин, способствовавшие в итоге распаду государства в 1917 г [4].

В издании, содержащем переработанную и дополненную редакцию книги Н.А. Нарочницкой «Великие войны XX столетия», стенограмму круглого стола «Ревизия итогов Второй мировой войны и современная геополитика», участниками которого стали ведущие специалисты по истории XX века — А.Н. Артизов, В.С. Мясников, О.А. Ржевский, И.И. Сирош, С.Л. Тихвинский, А.В. Торкунов, В.М. Фалин, обращается внимание на глубину анализа министра П.Н. Дурново, предупреждавшего обо всех геополитических факторах, обрекавших Россию на серьёзную историческую неудачу при любом ходе надвигающейся войны. Этот мудрец, объявленный советской историографией реакционером, в своей записке Государю перед самой войной предсказал всё, что переживут Россия и Германия, что окажутся напрасными любые жертвы. Впечатляет прозорливость его предупреждения: кто присоединит Галицию, потеряет империю! Первая мировая война стала той вехой, когда на авансцену мировой политики вышли США с Программой «14 пунктов» В. Вильсона. Но разбор всех перипетий вступления США в Первую мировую войну показывает конкретную цель — при минимальных издержках вывести Соединённые Штаты на первые роли в мире. Хауз и Вильсон полагали, что интересам США не соответствует усиление какой-либо европейской группировки и не выгодны ни победа Германии, ни общее усиление держав Антанты, тем более укрепление влияния России в Евразии и зоне Проливов, демонстрируя типично англосаксонское геополитическое мышление. Похожую стратегию и тактику США применили перед самой Второй мировой войной [5].

Книга военного историка и писателя А.В. Шишова посвящена Первой мировой войне, ставшей прологом XX столетия. Славу русского оружия в той войне составили Галицийская битва и Брусиловский прорыв, бои под Лодзью и в Карпатах, у Сарыкамышы и озера Нарочь, взятие кре-

постей Перемышль и Эрзерум, бои за Луцк и Варшаву, Ивангород и Ардаган. В тех событиях прославили себя такие полководцы и военачальники, как А.А. Брусилов и Н.Н. Юденич, А.И. Деникин и Л.Г. Корнилов, А.М. Каледин и Ф.А. Келлер, Д.Г. Шербачев и А.М. Зайончковский...Первая мировая война стала голгофой старой России, романовской Российской империи [6].

Следует отметить, что, несмотря на значительное количество работ, в которых исследованы составляющие повседневной жизни России и города Казани, потребность в последующем изучении проблемы в региональном аспекте существует. История повседневности в условиях Первой мировой войны является одним из главных направлений научного поиска.

Литература:

1. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь/Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. — М.: Вече, 2010. — 624 с.
2. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. — М.: Наука, 1994. — 304 с. Редакционная коллегия: Ю.В. Кудрина (зам. отв. редактора), В.С. Васюков, В.Н. Виноградов, О.А. Ржешевский, А.О. Чубарьян.
3. Уткин, А.И. Первая мировая война. (серия: История России. Современный взгляд.) — М.; Алгоритм, 2001. — 592 с.
4. Бахтурина, А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 392 с.
5. Нарочницкая, Н.А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории/Наталья Нарочницкая. М.:Вече, 2010. — 352.:ил. — (Актуальная история).
6. Шишов, А.В. Загадки Первой мировой войны./А.В. Шишов — М.: Вече, 2005. — 320 с., ил. (Военные загадки России).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Энергетическая стратегия КНР в начале XXI века

Куликова Дарья Николаевна, кандидат исторических наук;
Шишкин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук;
Гончарова Кристина Игоревна, магистрант
Новосибирский государственный технический университет

В статье приводятся основные принципы энергетической стратегии КНР, которые нашли отражение в двух Белых книгах энергетики КНР, опубликованных властями страны.

Ключевые слова: энергетика КНР, Белая книга энергетики, энергетическая стратегия, энергетическая политика, принципы энергетической политики КНР, энергетическая безопасность.

Изучение энергетической стратегии КНР на данном историческом этапе необходимо для понимания энергетической ситуации в мире, поскольку доля КНР в производстве энергии весьма высока. Более того, это может быть полезным для дальнейшего прогнозирования глобальных изменений в сфере энергетики. Четкие очертания стратегия энергетического развития КНР принимает в 2007 г., когда правительство КНР издает первую «Белую книгу энергетики Китая». В ней китайское руководство отчетливо сформулировало основные принципы, которыми в дальнейшем КНР будет руководствоваться в вопросах энергетической политики:

— Отдавать приоритет сбережению. КНР рассматривает сохранение ресурсов в качестве основы государственной политики, и подчеркивает важность как развития, так и сбережения, при этом приоритет отдается сбережению. Для этого, КНР активно меняет структуру экономического роста, регулирование структуры промышленности, поощряет научные исследования и развитие энергосберегающих технологий, популяризирует энергосберегающие продукты, перенимает опыт управления энергией, улучшает энергосберегающее законодательство и стандарты, и повышает энерго-эффективность.

— Опора на внутренние ресурсы. КНР в основном полагается на себя, чтобы увеличить запас энергии, и старается удовлетворить растущий спрос на рынке путем неуклонного расширения внутреннего предложения надежных энергетических ресурсов.

— Поощрение различных моделей развития. КНР будет продолжать развивать свои угольные ресурсы последовательно, стимулировать энергетику, ускорять разведывание нефти и природного газа, поощрять добычу сланцевого газа, поддерживать гидроэлектроэнергию

и другие возобновляемые источники энергии, активно способствовать развитию ядерной энергетики, развивать научную разработку заменителей энергоносителей, оптимизировать свою энергетическую структуру, реализовывать принцип дополнения между различными видами энергоносителей, а также гарантировать стабильное снабжение энергией.

— Защита окружающей среды. КНР поставил перед собой цель построения ресурсосберегающего, экологически чистого общества и стремится координировать развитие энергетики с охраной окружающей среды. Он пытается сделать так, чтобы обе содействовали друг другу в интересах устойчивого развития.

— Сотрудничество на основе взаимной выгоды. КНР работает искренне и прагматично с международными энергетическими организациями и другими странами по принципу равенства, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, чтобы усовершенствовать механизм, расширить сферы сотрудничества и сохранить международную энергетическую безопасность и стабильность [1].

Можно сказать, что декларируемые в Белой книге энергетики Китая принципы — это, во многом, отражение, общемировых тенденций в вопросах энергетики. Ориентация на энергосбережение и на сокращение негативного воздействия энергетики на окружающую среду в это время стала основным трендом ведения энергетической политики в Европе и США.

Отдельная глава в Белой книге посвящена вопросам внешней энергетической политики КНР. Руководство КНР отмечает, что «с ускорением экономической глобализации, КНР стала лидировать в становящихся все более тесными связях с окружающим миром в области энергетики. Развитие китайской энергетики не только удовлетворило по-

требностям собственной экономики и социальному прогрессу, но также и привнесло возможности и огромное пространство для развития остального мира» [1]. Здесь перечисляются международные организации и союзы, в рамках которых КНР проводит свою энергетическую политику, среди них — такие как ОПЕК, АСЕАН, АТЭС, Международный энергетический форум, Мировая энергетическая конференция. Также там есть указания на двусторонние контакты КНР.

Долгое время КНР получала более половины энергоносителей с Ближнего Востока, где сосредоточено 65 % мировых запасов нефти и 35 % мировых запасов природного газа. При этом данный регион имеет важное стратегическое значение для будущей энергетической безопасности КНР. В отношении стран региона Ближнего Востока Китай придерживается стратегии «двух импортов и одного экспорта» (Лян цзнь и чу), подразумевающей импорт сырой нефти и нефтепродуктов, привлечение нефтяного капитала стран в разведку труднодоступных месторождений и реконструкцию нефтеперерабатывающих предприятий КНР, а также экспорт китайского капитала для инвестирования в нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие отрасли стран Персидского залива в рамках стратегии «выхода за рубеж» (Цзоу чу цюй). Тем не менее, в связи с ростом потребностей, для КНР одной из наиболее важных задач, в рамках формирования новой энергетической политики, стал поиск новых надежных поставщиков энергоносителей, в объемах, достаточных для поддержания дальнейшего стабильного интенсивного экономического роста [2].

Также, в Белой книге содержатся принципы ведения внешней экономической политики:

— Улучшение внешнего сотрудничества в разведке и разработке нефтяных и газовых ресурсов. КНР осуществил совместный режим на основе договоров о разделе продукции с другими странами в области нефти и газа. В 2001 г. КНР обнародовал пересмотренные «Правила по внешнему сотрудничеству для эксплуатации нефти океанического происхождения», а также «Правилами внешнего сотрудничества в эксплуатации наземных нефтеносных источников». Китай защищает законные права и интересы иностранных предпринимателей, участвующих в эксплуатации совместных источников нефти. Он призывает иностранных предпринимателей к участию в сотрудничестве в области разведки и развития нефтяных источников, таких как исследование рисков для нефти и природного газа, создании резервуаров нефти и газа с низкой проницаемостью, и улучшения темпов восстановления старых месторождений. КНР поощряет иностранные инвестиции в строительство и эксплуатацию нефте- и газопроводов, а также специальных нефтяных и газовых хранилищ и портовых причалов.

— Поощрение иностранных инвестиций в разведку и разработку нетрадиционных энергоресурсов. Иностранные инвесторы, которые инвестируют в исследование и восстановления парагенетических и сопутству-

ющих минералов и утилизацию отходов, или разработку минеральных ресурсов в западных районах Китая, имеют право пользоваться льготной политикой снижения или освобождения от компенсационных сборов на минеральные ресурсы.

— Поощрение иностранных инвесторов вкладывать средства и работать энергетических объектов, таких как электростанции. КНР поощряет иностранные инвестиции в производство и поставки электроэнергии и газа, а также в строительстве и эксплуатации тепловых электростанций с мощностью одного генератора 600000 кВт и выше, электростанции сжигания чистого угля, электростанции, показывающие тепло и мощность когенерационных ГЭС в основном для производства электроэнергии, атомных электростанций, в которых китайская сторона занимает доминирующую долю, а также электростанций с возобновляемых источников энергии или новых источников энергии. Он призывает иностранных инвесторов вкладывать средства в технологии и оборудования для тепловых, гидро- и атомных электростанций со значительно большим генерирующими мощностей, а также для тепловой десульфурации питания. Он также призывает их инвестировать в строительство и эксплуатацию угольных объектов трубопроводного транспорта.

— Дальнейшее улучшение условий для иностранных инвестиций. Китайское правительство сохранило свои обязательства перед ВТО, которые оно сделало, когда КНР вступила в организацию — был проведен мониторинг и устранены административные регламенты и ведомственные правила, касающиеся рационального использования энергии, которые не соответствуют правилам ВТО. В свете спроса прозрачности ВТО, Китай произвел улучшение системы сбора статистики и ослабил государственный контроль, что позволило оперативно выпустить статистические данные по энергетике, необходимые для обеспечения открытости и прозрачности энергетической политики, статистики и информации.

— Дальнейшее расширение сферы иностранных инвестиций. Китай уделяет первостепенное внимание введению иностранных передовых технологий, управленческого опыта и высококвалифицированных кадров для дальнейшего смещения фокуса от инвестирования в ископаемые энергоресурсы к возобновляемым ресурсам, подчеркивая разведку и развитие с развитием торговли услугами и полагается в основном на иностранные займы и прямые иностранные инвестиции.

— Активизация взаимовыгодного сотрудничества в исследовании и использовании энергии. Для обеспечения мировой энергетической безопасности, крайне важно, укреплять диалог и сотрудничество между энергетическими экспортёрами и странами-потребителями энергоресурсов. Международное сообщество должно активизировать консультации и координацию в отношении энергетической политики для улучшения международного мониторинга энергетического рынка и механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации, для более эф-

фективного содействия развитию технологий нефте- и газодобычи, чтобы расширить энергоснабжение, способствовать глобализации и диверсификации энергопотоков, обеспечению стабильного и устойчивого энергодобавления на международном уровне, поддерживать разумные цены на энергоносители на международном рынке, а также максимально обеспечить энергетические потребности всех стран [1].

Таким образом, мы видим, что политика КНР в работе с иностранными партнерами включает в себя привлечение внешних инвестиций для развития энергетической отрасли внутри страны и поддержку китайских энергетических компаний для выхода на иностранные рынки.

С одной стороны, правительство КНР поощряет иностранные компании, инвестирующие в разведку нефтегазовых ресурсов в сложных районах с большим потенциалом залежей нефти, берущие на себя риски по освоению еще нетронутых залежей, вкладывающие капитал в повышение эффективности добычи на старых нефтепромыслах, принимающие участие в строительстве нефтегазовой инфраструктуры [3]. С другой стороны, правительство КНР поддерживает китайские предприятия, непосредственно инвестирующие капитал в иностранные компании или занимающиеся транснациональным хозяйством, поощряет китайские предприятия в соответствии с международной практикой и экономическими принципами рынков к принятию участия в международном энергетическом сотрудничестве и в строительстве энергетических инфраструктурных объектов в зарубежных странах к развитию сотрудничества по предоставлению технических услуг энергетическим объектам [1].

География инвестиционных проектов китайских корпораций страны обширна и охватывает страны Африки, ряд стран Латинской Америки, такие как Венесуэла, Бразилия, Аргентина, Эквадор, которые имеют богатые запасы углеводородного сырья. КНР тесно сотрудничает с такими странами как Новая Зеландия (нефть и газ), Иран (нефть), Ирак (нефть), Сирия (нефть), Узбекистан (нефть и газ), Филиппины (строительство трубопровода), Афганистан (нефть), Южный Судан (нефть).

— Создание системы для разработки и популяризации передовых технологий. Энергосбережение и диверсификация составляют долгосрочный план для глобальной энергетической безопасности. Международное сообщество должно стремиться к развитию и популяризации технологий энергосбережения, содействовать всестороннему использованию энергии, а также поощрять каждую страну в целях повышения энергоэффективности. Необходимо активно пропагандировать сотрудничество в вопросах высокоэффективной утилизации ископаемых видов топлива, таких как, например, использование технологии «чистого угля», поощрять сотрудничество международного сообщества в использовании крупных энергетических технологий, таких как возобновляемые источники энергии, водородная энергетика и атомная энергетика, и проводить исследования в области энергетики, используя чистые,

экономичные, безопасные и надежные ресурсы, чтобы в будущем на их основе построить новую мировую энергосистему. В целях устойчивого развития человечества, международное сообщество должно также справиться с проблемами, касающимися ввода капитала, защиты прав интеллектуальной собственности и популяризации передовых технологий, с тем, чтобы привлечь все страны и дать им возможность поделиться своими достижениями на благо человечества.

— Поддержание безопасной, стабильной и здоровой политической среды. Сохранение мира и стабильности в регионе является необходимым условием для обеспечения глобальной энергетической безопасности. Международное сообщество должно совместно работать, чтобы поддерживать стабильность в производстве и экспорте нефти, обеспечивать безопасность международных энергетических транспортных маршрутов и избегать геополитических конфликтов, которые влияют на энергоснабжение в мире. Различные страны должны урегулировать споры и разрешать противоречия путем диалога и консультаций. Энергетические вопросы не должны быть политизированы, а также в них следует избегать применения фактора силы [1].

В 2007 г. Китай продолжил ежегодную кампанию по упорядочению добычи и транспортировки нефти и газа, главным организатором которой выступало Министерство общественной безопасности. В ходе этой кампании, китайским стражам правопорядка удалось расследовать многочисленные факты незаконного бурения нефтяных скважин, хищения газа и нефти из трубопроводов, проходящих по 8 провинциям и автономным районам КНР. На тот момент, это была шестая по счету кампания подобного рода, проводимая в Поднебесной. Только в 2006 г. была пресечена деятельность 650 преступных групп, занимавшихся незаконным нефтегазовым промыслом. Обвинения были предъявлены свыше 7,5 тыс. человек, было закрыто около 2 тыс. подпольных заводов по переработке похищенного топлива, где полиция конфисковала более 30 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов. «Всего за 2002–2006 гг. было ликвидировано более 9 тыс. подпольных перерабатывающих предприятий и изъято свыше 76 тыс. тонн произведенных ими нефтепродуктов, что позволило вернуть в государственный бюджет свыше 3 млрд. юаней», — прокомментировал Лю Цзиньго [4].

Пресс-канцелярия Госсовета КНР 24 октября 2012 г. обнародовала Белую книгу «Китайская энергетическая политика», в которой всесторонне описаны нынешнее развитие энергетики и стоящие перед страной вызовы в этой области. В ней также изложены мероприятия страны по формированию системы развития современной энергетики и усилению сотрудничества с международным сообществом в энергетической сфере. В Белой книге отмечается, что за период реализации политики реформ и открытости китайская энергетика сохраняла ускоренный рост, обеспечив всестороннее развитие угольной, электроэнергетической, нефтегазовой отрасли, а также

возобновляемых источников энергии и новых энергоресурсов, и внесла весомый вклад в поддержание долгосрочного, стабильного и быстрого роста народного хозяйства и повышение уровня жизни населения [5].

В 2011 г. в КНР объем производства первичных энергоресурсов достиг 3,18 млрд. т. условного топлива. По этому показателю страна занимает первое место в мире. В Белой книге подчеркивается, что китайское правительство видит одной из своих стратегических задач сохранение долгосрочного, стабильного и поступательного использования энергоресурсов. При этом, КНР придерживается таких принципов, как приоритет экономии, развитие за счет внутренних возможностей, диверсификационное развитие, охрана окружающей среды, научно-технологические инновации, углубление реформы, международное сотрудничество и улучшение народного благосостояния.

В 12-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР на 2011–2015 гг. поставлена задача: к 2015 г. в Китае доля не ископаемого топлива в потреблении первичной энергии должна увеличиться до 11,4%, энергопотребление на единицу ВВП — сократиться на 16 процентов по сравнению с 2010 г., объем выбросов углекислого газа на единицу ВВП — сократится на 17% по сравнению с 2010 г., отмечает Белая книга. Китайское правительство дало обещания, что к 2020 г. доля не ископаемого топлива в потреблении первичной энергии увеличится до приблизительно 15%, объем выбросов углекислого газа на единицу ВВП сократится на 40–45% по сравнению с 2005 г. «Китай как ответственная держава готов прилагать неустанные усилия к достижению поставленных целей», отмечается в Белой книге. Китай не представлял, не представляет и не будет представлять угрозы для энергетической безопасности мира, подчеркивается в Белой книге. Страна готова на основе равенства, взаимной выгоды и общего выигрыша активизировать сотрудничество со странами-производителями и странами-потребителями энергии, а также международными энергетическими организациями в целях совместного продвижения поступательного развития мировой энергетики, сохранения стабильности на мировом энергетическом рынке и стабилизации цен на нем, обеспечения безопасности и бесперебойности энергопоставок [5].

Дефицит электроэнергии, по информации китайского комитета по электричеству, в 2006 г. испытывали лишь три китайских региона по сравнению с 25 в 2005 г. «Рост мощностей энергетики КНР позволит сбалансировать в целом спрос и предложение электроэнергии страны и создать ее излишек для поставок в регионы, что позволит избежать сезонного дефицита электроэнергии», — говорит Ван Епин, заместитель главы госкомитета по контролю и управлению электроэнергетикой. Энергетическая стратегия определяет темпы роста потребления энергии, а также структуру энергетического баланса — доли производства и потребления различных видов энергии, а также доли энергии, произведенной в Китае и импортированной [6].

Энергетическая стратегия включает в себя разработку соответствующих целевых показателей для трех временных горизонтов: рамочная стратегия развития энергетики на период до 2050 г.; долгосрочная программа развития основных отраслей энергетики на период до 2030 г.; детальная программа на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.). Разработка стратегии развития энергетики на период до 2050 г. координируется Государственным комитетом по развитию и реформе (ГКРР) КНР. Институт энергетики (China Energy Research Institution) разработал количественную модель — Integrated Policy Assessment Model of China (IPAC), непосредственно используемую при сценарных расчетах развития энергетики КНР и состоящую из трех блоков: экономический блок: содержит модель экономики КНР, в которой более детально описаны энергоемкие секторы; технологический блок: включает более 40 секторов и свыше 600 технологий, существующих и перспективных, а также «дорожную карту» реализации этих технологий; эмиссионный блок: позволяет моделировать влияние эмиссии парниковых газов [7].

Прогнозирование развития энергетики Китая на период до 2050 г. носит сценарный характер и осуществляется в соответствии со сценариями, учитывающими основные возможные пути развития экономики Китая. Главным энергетическим управлением (ГЭУ) КНР поставлена задача сохранять добычу нефти в 2011–2015 гг. на уровне 200 млн. т., с этой целью принято решение интенсифицировать поисково-разведочные работы. Добыча угля будет ограничена уровнем 3600 млн. т. В электроэнергетике суммарные генерирующие мощности достигнут в 2015 г. — 1440 ГВт, в 2020 г. — 1760 ГВт (по состоянию на конец 2011 г. они составляли 950 ГВт). Производство энергии без использования горючих ископаемых составит 11,4% от общего объема потребления первичной энергии в 2015 г. и 15% в 2020 г. В 2010 г. добыча природного газа (ПГ) в Китае составила 94,464 млрд. м³, импорт — 16,716 млрд. м³, в том числе импорт сжиженного природного газа (СПГ) — 13,093 млрд. м³, импорт трубопроводного природного газа (ТПГ) из Туркмении — 3,618 млрд. м³, экспорт ТПГ (в Гонконг и Макао) — 4,074 млрд. м³, чистый импорт — 12,642 млрд. м³, чистое потребление — 107,106 млрд. м³. Мощность ветровых электростанций к 2015 г. планируется увеличить до 55 млн. кВт. Крупные ветровые электроэнергетические комплексы в 12-й пятилетке планируется построить в провинциях Ганьсу, Внутренняя Монголия, Цзилинь, Цзянсу, Хэбэй, Шаньдун, Чжэцзян, Фуцзянь, СУАР и Шанхае [7].

Таким образом, можно сказать следующее: энергетическая стратегия Китая сводится к обеспечению безопасного и стабильного доступа к энергоресурсам, обеспечению формирования справедливого и свободного от политики мирового энергетического рынка, а также к сокращению собственных затрат энергии за счет внедрения новых технологий. При этом, можно сказать, что на протяжении всего периода с начала экономических реформ, основная

цель энергетической политики КНР, обеспечить китайскую экономику необходимым количеством энергии при приемлемых затратах, оставалась неизменной. В соответствии с этой целью формировались задачи на том или ином этапе

стоящие перед китайской энергетикой. Однако, ввиду постоянного усложнения экономической структуры КНР и непрерывного изменения внешних условий, достижение этой цели все еще находится в перспективе.

Литература:

1. White Paper on Energy. China's energy conditions and policies. [Электронный ресурс — Китайский информационный Интернет-центр]. Режим доступа: <http://www.china.org.cn/english/environment/236955.htm#7> — Загл. с экрана.
2. Фан Тинтин. Энергетическая политика КНР на современном этапе. [Электронный ресурс — сайт «Человек и наука»]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/energeticheskaya-politika-knr-na-sovremennom-etape> — Загл. с экрана.
3. National Development and Reform Commission, «11th Five Year Plan on Energy Development». [Электронный ресурс — официальный сайт Калифорнийского университета]. Режим доступа: <http://china.usc.edu-/ShowArticle.aspx?articleID=1010&AspxAutoDetectCookieSupport=1> — Загл. с экрана.
4. Китай: бурное развитие. [Электронный ресурс — газета «Энергетика и промышленность России»]. Режим доступа: <http://www.eprussia.ru/epr/81/5699.htm> — Загл. с экрана.
5. China's Energy Policy 2012. [Электронный ресурс — Китайский информационный Интернет-центр]. Режим доступа: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7170375.htm — Загл. с экрана.
6. Китай: бурное развитие энергетики. [Электронный ресурс — официальный ресурс «Ростепло.ру»]. Режим доступа: <http://www.rosteplo.ru/news.php?zag=1181066136> — Загл. с экрана.
7. Энергетика Китая. [Электронный ресурс — сайт «Вэбэкономи.ру»]. Режим доступа: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=975&type=news> — Загл. с экрана.

О понятии этнополитического менеджмента

Оморова Наргиза Ильичбековна, кандидат политических наук, научный сотрудник
Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

Настоящая статья посвящена вопросам политического управления этническими процессами на региональном уровне, а именно анализу понятия этнополитического менеджмента, подходов к его определению и связанных с ними методологических сложностей. Рассмотрены основные методы менеджмента в сфере этнополитических процессов, проанализирован опыт изучения понятия в регионах России и ряде государств СНГ. Автор рассуждает о перспективности этнополитического менеджмента как системы оперативного реагирования на ситуации межэтнической напряженности, политизации этничности, конфликты, управления через декриминализацию, преодоления проблем расслоения по социальному и экономическому признакам и т. д.

Ключевые слова: государственное управление, этнополитический менеджмент, этническое предпринимательство, межэтническое взаимодействие, регион.

В фокусе исследовательского интереса ученых-этнополитологов часто встречаются вопросы, связанные с государственным управлением этническими процессами и этнополитическими конфликтами, выстраиванием политики с учетом присущих данной территории этнических и культурных характеристик и т. д. Ряд отечественных авторов акцентируют свое внимание на проблеме адресного воздействия на этнические процессы и построения оптимальной модели управления. Так, например, Р. Р. Барсуков пишет: «Социальное управление в полиэтничном регионе есть целеориентированное воздействие со стороны органов управления (федерального, регионального, мест-

ного уровней) на этнические процессы с целью снижения межэтнической напряженности и повышения уровня межэтнической интеграции, что предполагает определение стратегии направлений управленческой деятельности, системы мер и механизмов воздействия на этнические процессы, контроль и корректирование результатов управления» [5, с. 7–8]. О важности этносоциологического мониторинга и применения его результатов органами власти сообщает Л. Л. Хоперская, согласно которой возможно «с помощью этнологической экспертизы просчитывать перспективы и варианты дальнейшего развития, на федеральном и местном уровне принимать

продуманные законы и решения, которые будут способствовать деэтнизации политики и деполитизации этничности и религии как главного фактора предупреждения этнополитических конфликтов и стабилизации общественной жизни» [22 с. 21–36].

Такое направленное воздействие на этнокультурные процессы, выражаемое в проведении соответствующей государственной политики, может быть рассмотрено в качестве этнополитического менеджмента. В настоящее время к определению этнополитического менеджмента не существует единого методологического подхода и само понятие может быть охарактеризовано как малоупотребительное в основной массе научных исследований. Профессор О. Майборода, рассуждая о сложности трактовки данного понятия, выражает мнение о том, что этнополитический менеджмент по своей сути равнозначен этнонациональной политике государствах [11, с. 3]. Следует заметить, что «менеджеральная» модель управления предполагает использование методов и ресурсов с учетом рыночной системы отношений, так как во многом основывается на теории рационального выбора. В этой связи Д. Г. Красильников и Е. А. Троицкая исследуют идею нового государственного менеджмента или реформирования по менеджеральной модели и определяют ее как «делегирование ряда функций, выполняемых государством, рыночным структурам и привлечение в сферу государственного управления свойственных рынку методов, принципов и категорий (конкуренция, расчет затрат, издержки)» [10, с. 74]. Председатель Комитета Государственной Думы по делам национальностей, член-корреспондент РАН, Г. К. Сафаралиев, обращаясь к теме этнополитического менеджмента, отмечает, что, национальный вопрос не может быть окончательно «решен» в виду постоянно меняющихся социально-политических реалий, именно поэтому необходим этнополитический менеджмент, фактически ежедневное управление межнациональными отношениями и осознание первостепенно важности такой работы [16]. Иными словами, в академическом и общественно-политическом кругах все же наблюдается интерес к изучению понятия, форм, методов и принципов этнополитического менеджмента, не всегда воспринимаемого равнозначным этнонациональной политике государства.

Так, в ряде научных трудов этнополитический менеджмент описывается как часть макрорегиональной этнополитологии и как практическое воплощение этнополитологии как таковой, имеющее своей целью исследование явлений этнополитического конфликта и этнополитического кризиса [29]. К. В. Акопян рассматривает этнополитический менеджмент в контексте развития политических технологий, позволяющих регулировать межкультурное взаимодействие [2, с. 29]. М. А. Аствацатурова анализирует формы и методы этнополитического менеджмента как системы управления сферой межэтнических отношений в этнополитическом пространстве на примере Северного Кавказа [4, с. 120–121] и выражает мнение, что этнополитический менеджмент есть система опера-

тивного реагирования на ситуации межэтнической напряженности и межэтнические конфликты, подчеркивая тем самым ситуативность такого управления [3]. Этнополитический менеджмент определяется М. А. Фадеичевой как «общеразделяемая прогрессивная стратегия этнонационального развития, выработанная на государственном уровне, мониторинг этнополитической ситуации, анализ преобладающих трендов в этнополитических процессах, выработка текущей этнической политики как системы мер гибкого превентивного реагирования на перманентно меняющуюся конфигурацию этнонациональных отношений» [21, с. 60–69].

Поиском новых подходов к определению этнополитического менеджмента как системы управления этническими процессами заняты и ученые СНГ, в частности, Казахстана и Украины. В кругу исследуемых значатся вопросы не только эффективного решения этнических конфликтов, но и политического управления идентификационными и диаспоральными процессами. Это также имеет свои основания, например, Э. Ю. Соловьев отмечает: «В многокомпонентных обществах, где утверждаются множественные идентичности, каждая из социальных идентичностей (этническая, конфессиональная, территориальная и т. д.) пытается найти выход в политическую сферу. Так что дискурс национальной идентичности, в котором сходятся и переплетаются разные политические интересы и их символические репрезентации, неизбежно оказываются в высокой степени политизированности» [17; 20, с. 105]. В работах казахстанских ученых этнополитический менеджмент определяется как государственное управление этническими процессами, система эффективного решения этнических конфликтов, политика в отношении этносов, сохранения их языка, верований, этнической идентичности, а также формирования консолидирующих компонентов нации и гражданской идентичности, предупреждения любых факторов национального разобщения [25, с. 257]. В сумме под этнополитическим менеджментом понимается совокупность политических технологий и управленческих решений, направляемых на регулирование сферы межнационального взаимодействия и культурного разнообразия.

По мнению украинского исследователя Е. А. Черновой, актуальность этнополитического менеджмента возникает в условиях расхождения между объемом представительства этнических групп и национальных меньшинств на общегосударственном, региональном и локальном уровнях как дополнение централизованно системы принятия решений в сфере этнонациональной политики [27]. Еще один украинский исследователь, обратившийся к данной тематике, В. Евтух, пишет, что этнополитический менеджмент в полиэтничных обществах, наряду с рядом других вопросов, например, этносоциальным пространством, глобальными диаспорами или проблемами миграции, определяет структуру проблемного поля современной этносоциологии, так как включает в себя построение моделей этносоциального развития [8, с. 9–10].

Другие украинские ученые, А. Червенияк и Ю. Остапец, рассуждают о политико-правовой регуляции этнополитического менеджмента в этнонациональной политике на примере Украины путем усовершенствования системы государственного управления. По их мнению, этнополитический менеджмент должен строиться на трех уровнях: стратегическом (президент, парламент), тактическом (соответствующие органы в структуре кабинета министров) и оперативном (региональные подразделения органов государственного управления), что в совокупности способствует отслеживанию результатов внедрения предыдущих управленческих решений. В связи с этим, пишут А. Червенияк и Ю. Остапец, необходимо «внедрение этнополитического менеджмента с целью сочетания двух уровней принятия решений — операционного (управленческого), который охватывает центральные и местные органы исполнительной власти, и имплементационного, включающего разнообразные программы и мероприятия в сфере государственной этнополитики» [26, с. 221].

На современном этапе развития системы государственного управления в сфере этнополитических процессов очевидна перспективность этнополитического менеджмента, в том числе на уровне региона [21]. И учитывая ситуативность и оперативность этнополитического менеджмента, подразумевается, что возможны различные региональные его модели. Действительно, в федеральном законодательстве нет четкого определения полномочий региональных органов в системе государственного управления сферой этнонационального взаимодействия. Но важность регионального уровня очевидна: «способность местных органов власти разрешать конфликты различных типов, использовать технологии предупреждения и разрешения конфликтов на ранних стадиях их возникновения является одним из критериев эффективности государственного и муниципального управления и может рассматриваться как способ обеспечения социально-политической стабильности и безопасности в регионе» [23, с. 181]. М.И. Цапко отмечает, что «региональное управление этническими процессами должно основываться на достоверной оценке этих процессов и построения сценарной модели управления регионом с учетом региональных этнических характеристик» [24]. Д.Г. Красильников и Е.А. Троицкая также подчеркивают важность усилий региональных властей и его «социально-экономических, политических, культурных особенностей, степени восприимчивости регионального руководства к идеям нового государственного менеджмента <...> поэтому для региональной управляющей команды важно сохранить баланс между стремлением к экономической эффективности и соблюдением принципа социальной справедливости, и тогда новый государственный менеджмент может оказаться вполне выигрышной стратегией развития региона» [10, с. 74].

Поиск адекватной и наиболее эффективной модели этнополитического менеджмента на методологическом уровне ведется в различных полиэтничных регионах

России [см. напр.: 7, 12, 14, 28 и др.]. Согласно О.Н. Максимовой, региональная модель этнополитического менеджмента предполагает комплексный подход, включающий работу различных акторов и направлений деятельности. В их числе «действия по стабилизации социально-экономического положения населения; реформирование и обновление системы представительства гражданских интересов и расширение для всех этнических сообществ возможностей самоорганизации и включения в процесс разработки территориальной политики; усиление правового контроля над деятельностью судебных и правоохранительных органов; активизация регионального публичного дискурса на основе использования современных маркетинговых и не маркетинговых технологий, конструирующих притягательные символы регионального и общеполитического единства; расширение возможностей для политического образования и самообразования жителей территории» [12, с. 27]. Ю.В. Кудашова предлагает использовать модель гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений для позиционирования региона в политическом пространстве, которая «... может служить основой позиционирования региона как толерантного этнополитического пространства, создающего условия для взаимодействия и саморазвития этнокультурных сообществ в структуре гражданского общества» [9].

Говоря об этнополитическом менеджменте, невозможно отделиться от того смыслового пласта данного понятия, что связывает его с рыночной экономической системой, а следом и этническим предпринимательством, этническим бизнесом как путями социально-экономической адаптации иноэтничных групп. Действительно, менеджериальная модель неотделима от тезиса о «предпринимательском управлении». Этническое предпринимательство стало реальным путем успешной социально-экономической адаптации мигрантов. Согласно О.Н. Максимовой, «ключевую роль в процессах этнической мобилизации играет политика этнического предпринимательства, предполагающая мобилизацию коллективных действий этническими лидерами и антрепренерами, которые преследуют политические цели» [12, с. 24]. Предприниматель воспринимается не просто как бизнесмен, а как субъект деятельности, который использует ресурсы новыми способами, чтобы максимизировать производительность и эффективность [15, с. 50]. Р. Уолдинггер в качестве «этнического предпринимательства» понимает основу успеха иммигрантов является занятие ими пустующих рыночных ниш, а не постепенное вытеснение местных предпринимателей из-за недоступной для них групповой мобилизации или действия жесткой конкуренции [30]. Взаимодействие местных властей и этнических бизнесменов, в представлении А.А. Борисова и Ю.В. Василенко, есть наиболее перспективное политическое направление, поскольку «этнические бизнесмены не требуют дополнительных капиталовложений в свой бизнес у местных властей и одновременно выступают на их стороне, всячески

поддерживая идеи предельной интеграции представителей своего иммигрантского сообщества в местное <...> работа местных властей с иммигрантскими сообществами должна носить более упорядоченный и адресный характер, а ее цели и задачи, главная из которых — интеграция любых иммигрантов в местное сообщество, — более осознанными и принципиально выдерживаемыми» [6, с. 132]. По их мнению, существуют два определяющих фактора в процессе интеграции иммигрантских сообществ — это создание благоприятных условий для развития и укрупнения этнического бизнеса, а также привлечение представителей этих сообществ к решению общегосударственных задач, что позволит сформировать чувство сопричастности к новой родине и ответственности за состояние дел [6, с. 132].

В. В. Радаев анализирует тему «этнических различий» в предпринимательской деятельности и указывает на то, что многие этнические меньшинства, попадая в новую социокультурную среду, начинают осваивать не свойственные им ранее виды деятельности. По его мнению, одна из главных причин столь высокой профессиональной мобильности этнических мигрантов и развития этнического предпринимательства — социально-экономическая маргинальность этнических меньшинств [18]. С. В. Рязанцев объясняет подобный феномен стрессовостью самого процесса миграции и неизбежной маргинализацией мигрантов в иноэтнической принимающей среде, которая сопряжена с нахождением в чужой культурной среде, языковыми барьерами, часто враждебным отношением коренного населения. Именно стрессовость и маргинализация высвобождают ранее скрытый предпринимательский потенциал [19, с. 74]. По мнению Рязанцева, «мигранты не только придают определенный социокультурный колорит предпринимательству, но часто выступают в роли катализаторов его развития, и именно этнический фактор оказывает влияние на перемещение и результативность обустройства мигранта на новом месте жительства <...> Этническое предпринимательство — результат сочетания предрасположенности от-

дельных этнических меньшинств к разнообразным видам деятельности и успешной адаптации мигрантов к условиям проживания в иной социокультурной среде» [19, с. 84–85].

Учитывая выявленную ситуативность этнополитического менеджмента, о необходимом для его эффективного осуществления своевременного реагирования на происходящие этнические, иноэтнические, идентификационные, адаптационные и иные процессы, важно заметить, что при выстраивании такой модели политико-административной системы следует опираться не только на совокупность политических технологий и принципов государственного управления, но и на результаты оперативного этносоциологического мониторинга. Эффективность этнополитического менеджмента может быть достигнута исключительно на основе постоянного мониторинга и анализа динамики этнических и межэтнических процессов [1]. Разработка проблематики этнополитического менеджмента позволит по-новому взглянуть на вопрос об управлении этническими процессами на региональном уровне и перспективности целеориентированного воздействия на участников межэтнического взаимодействия в целях региональной политико-управленческой системы. Направленное влияние государства на этнополитические региональные субкультуры является важнейшим условием конструктивного развития общества [12, с. 24].

На этом основании целесообразным представляется изучение этнополитического менеджмента, понимаемой как системы регионального управления этническими процессами, основанного на достоверной оценке этих процессов, построению сценарной модели управления с учетом региональных (меж) этнических характеристик и соответствующим типом властного поведения, а также подготовке менеджеров соответствующей квалификации и высоким уровнем межкультурной компетентности, в целях создания условий для взаимодействия и саморазвития этнокультурных сообществ в структуре гражданского общества.

Литература:

1. Аклаев, А. Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. — М.: Дело, 2005. — 472 с.
2. Акопян, К. В. Проблемы реализации мультикультурных моделей управления социально-политическими процессами: зарубежный опыт и перспективы для России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Нижний Новгород, 2012. — 32 с.
3. Аствацатурова, М. А. Макрорегиональная этнополитология: некоторые обобщения в управленческом контексте // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. — 2009. — № 3. — с. 120–121.
4. Аствацатурова, М. А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). — М.: Московское бюро по правам человека. 2011. — 192 с.
5. Барсуков, Р. Р. Социальное управление полиэтничными процессами: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. — Новосибирск, 2008. — 20 с.
6. Борисов, А. А., Василенко Ю. В. Управление этнокультурными процессами на региональном уровне: опыт Пермского края // *Ars Administrandi*. — 2009. — № 1 — с. 121–133.
7. Бурцев, Ю. Д. Институционализация политико-административного управления этническими процессами: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Ставрополь, 2009. — 213 с.

8. Евтух, В. Этносоциология: объектно-предметное поле и перспективы исследований // Социология: теория, методы и маркетинг. — 2007. — № 2. — с. 5–16.
9. Кудашова, Ю. В. Эффективность государственного управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений (по материалам Оренбургской области) // Вестник ОГУ. — 2010. — № 4. — с. 32–39.
10. Красильников, Д. Г., Троицкая Е. А. Новый государственный менеджмент и административная реформа в Пермском крае // *Ars Administrandi*. — 2009. — № 1. — с. 74–84.
11. Майборода, О. Принцип системности в управлении этнополитической сферой: проблемы и пути решения // Научные записки Института политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины. — Киев, 2008. — Вып. 40. — с. 3.
12. Максимова, О. Н. Этнополитическая культура современного российского региона: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. — М., 2015. — 48 с.
13. Межитов, А. Потенциал гражданского общества (этнополитический менеджмент в Дагестане) // Дагестанская правда, 17 января 2008 г.
14. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ/под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. — М.: ОАО Авиаиздат, 2001. — 400 с.
15. Осборн, Д., Пластрик П. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства. — М., 2001. — 536 с.
16. Основа — мир и согласие // Наша власть: дела и лица. — № 03–04 (119). — 2012 [Электронный ресурс]. — URL: http://nashavlast.ru/article_description/134/2081.html (дата обращения 02.10.2015).
17. Политическая идентичность и политика идентичности. — Т. 1–2. — М.: РОССПЭН, 2012. — Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий/ [редкол. Тома И. С. Семененко и др.]. — 2012. — 204 с.; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке/отв. ред. И. С. Семененко. — 2012. — 470 с.
18. Радаев, В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. — 1993. — № 5. — с. 73–86.
19. Рязанцев, С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — с. 74.
20. Соловьев, Э. Ю. Этнополитический менеджмент как средство трансформации повестки дня в современной мировой политике // Жамият ва бакарув. — 2013. — № 2. — с. 102–105.
21. Фадеичева, М. А. Легитимность власти и стратегии государства в управлении этнополитическими процессами // Вопросы политологии и социологии. — 2011. — № 1. — с. 60–69.
22. Хоперская, Л. Л. Проблема радикализма и экстремизма в Южном федеральном округе // Гуманитарная мысль Юга России. — 2005. — № 1. — с. 21–36.
23. Хоперская, Л. Л., Харченко В. А. Управление локальными и межэтническими конфликтами: теория и практика // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. VII. — № 3. — с. 161–181.
24. Цапко, М. И. Управление этническими процессами на региональном уровне: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Ставрополь, 2005. — 183 с.
25. Ценности и идеалы независимого Казахстана: коллективная монография/под общ. ред. Шаукеновой З. К. — Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. — 322 с.
26. Червенияк, А., Остапец Ю. Политико-правовые аспекты этнополитического менеджмента в этнонациональной политике Украины // Публичное управление: теория и практика. — Харьков: ДокНаукДержУпр, 2011. — №. — с. 219–222.
27. Чернова, Е. А. Этнополитический менеджмент в феномене национальной диаспоры // Украинский социум. — 2007. — № 1 (18). — с. 115–122.
28. Черноус, В. В. Северный Кавказ в социологическом измерении (размышления над монографией: Дзугцев Х. В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 734 с. с прилож.). — 2013. — № 3. — с. 31–35.
29. Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра/Пер. с англ. яз.; под ред. В. Тишкова, М. Устинова; Бергховский исследовательский центр конструктивного урегулирования конфликтов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2007. — 583 с.
30. Waldinger, R., Ward R., Aldrich H. Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies // *Sociology*. 1985. Vol. 19. No. 4. November.

Антикоррупционная политика Республики Сингапур

Шурыгин Филипп Филиппович
Открытый юридический институт (г. Владивосток)

Цель статьи — это поиск путей совершенствования российской антикоррупционной политики на примере опыта Республики Сингапур.

Основное внимание уделяется стратегии противодействия коррупции в Республике Сингапур.

Автор описывает особенности антикоррупционной политики Республики Сингапур, которая заслуживает внимания российских специалистов.

Ключевые слова: системная коррупция, антикоррупционная политика, Исследовательское Бюро по вопросам коррупции, взяточничество, бюрократия.

Если вы подаёте пример правильного поведения, кто осмелится продолжать вести себя неправильно?

Конфуций

Коррупция является корнем очень многих проблем и пороков общества. И без снижения уровня этого негативного социального явления невозможно снизить уровень преступности, эффективно бороться с наркоманией и терроризмом, построить эффективную экономику. Это крайне негативное явление искажает развитие бизнеса, уменьшает эффективность государственного управления, стимулы к инвестициям, сдерживает экономическое и политическое развитие страны, порождает социальное неравенство.

Мировая практика показывает достаточно эффективные методы борьбы с этим явлением. У всех стран в законодательстве закрепляется цель борьбы с коррупцией, но немногие страны применяют такие строгие и последовательные законы, как в Республике Сингапур (далее — Сингапур). В этой стране дела о коррупции среди служащих, особенно занимающих высокие посты, рассматриваются с такой суровостью, какая редко встречается где-либо ещё.

На данный момент Сингапур является наиболее развитым в социально-экономическом отношении государством Юго-Восточной Азии. Республике есть чем гордиться — на протяжении жизни одного поколения ей удалось совершить прорыв из «третьего мира» в «первый» [1].

Об эффективности мер противодействия коррупции в Сингапуре свидетельствуют данные Transparency International (таблица № 1).

В 2014 году Transparency International (ТИ) опубликован рейтинг, согласно которому Сингапур является седьмой из наименее коррумпированных стран мира и первой среди азиатских стран по этому показателю 7 место из 174. В Сингапуре никто, будь то министр, член парламента или высшее должностное лицо, не может находиться выше закона.

«Это одно из криминогенно безопасных обществ, экономика которого почти полностью истребила коррупцию» [3, с. 125].

С целью понять, в каком положении оказался Сингапур в начале своего самостоятельного пути, немного углубимся в его историю.

Первые упоминания о Сингапуре имеются в китайских хрониках III века. Остров был оплотом империи Шривиджая, с центром на Суматре, и носил яванское имя Темасек. Темасек в какое-то время был важным торговым центром, но потом пришёл в упадок. Осталось очень мало свидетельств о городе Темасек кроме отдельных археологических находок. В XV–XVI веках Сингапур входил в состав султаната Джохор. Во время Малайско-Португальской Войны 1617 Сингапур атаковался португальскими войсками. В 1819 сэр Раффлз, представитель Британской Ост-Индской компании, заключил договор с султаном Джохора об организации в Сингапуре торговой зоны с разрешением иммиграции разных этнических

Таблица 1. Показатели индекса восприятия коррупции (ИВК) в Сингапуре и России согласно рейтингу Transparency International (1995–2014 гг.) [2]

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Сингапур	8,8	8,8	8,7	9,1	9,1	9,1	9,2	9,3	9,4	9,3
Россия	2,4	2,6	2,3	2,4	2,4	2,4	2,3	2,7	2,7	2,8
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Сингапур	9,4	9,4	9,3	9,2	9,2	9,3	9,2	87	86	84
Россия	2,4	2,5	2,3	2,1	2,2	2,1	2,4	28	28	27

групп. В 1867 Сингапур стал колонией Британской Империи, англичане придавали Сингапуру большое значение как важному опорному пункту на пути в Китай. Во время Второй Мировой Войны Япония заняла Малайзию и выиграла битву за Сингапур, которую неподготовленные англичане проиграли, несмотря на значительное превосходство в живой силе, 15 февраля 1942 Сингапур перешёл к Японии вплоть до поражения Японии в сентябре 1945.

С 1959 г. Сингапур стал самоуправляемой колонией, Ли Куан Ю исполнял должность премьер-министра после выборов. В 1963 г. в результате референдума Сингапур вошёл в Малайскую федерацию вместе с государствами Малайя, Сабах и Саравак, а 07 августа 1965 г. был исключён из нее и 09 августа 1965 г. получил независимость [4].

«К моменту обретения независимости Сингапур представлял собой бедную страну, которой приходилось импортировать даже пресную воду и строительный песок. Соседние страны были настроены недружественно, среди населения были популярны социалистические идеи. Страна получила в наследство от Британских колонизаторов действенную гражданскую службу [5], хотя коррупция оставалась привычным явлением и пронизала все слои общества» [6].

После получения Сингапуром независимости, его политические лидеры решили стать образцом поведения для чиновников, сделав открытыми все данные о своем состоянии, доходах, коммерческих интересах и финансовых операциях. Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю заявил: «Сингапур сможет выжить лишь в том случае, если министры и управляющие чиновники будут неподкупны и квалифицированы. Необходимо показать сингапурцам связь между упорным трудом и высокой наградой за него. Только при таком подходе люди, станут вкладывать инвестиции в Сингапур; лишь тогда сингапурцы будут работать для самореализации и обеспечат себя и своих детей хорошим образованием, вместо того, чтобы мечтать о связях и надеяться на подарки со стороны влиятельных друзей и родственников» [7].

Понимая, что страна находится в критическом положении, правительство Сингапура было исполнено решимостью создать в обществе климат честности и открытости, переводящий коррупцию в разряд социально неприемлемых явлений. В основу работы правительства Сингапур был положен принцип «оставаться честным и неподкупным». Контроль над коррупцией стратегически важен для национального развития Сингапура.

В этот тяжёлый период правительство Сингапура в противостоянии коррупции столкнулось с несколькими проблемами:

1. Несовершенное законодательство. Многие коррупционные преступления оказались вне сферы его действия, а работники правоприменительных органов не обладали властью, дающей им возможность эффективно исполнять свои функции. Более того, найти доказательство преступлений было крайне сложно из-за неэффек-

тивного законодательства и вовлеченности огромного количества чиновников в коррупционные схемы.

2. Низкий уровень заработной платы государственных служащих. Госчиновники имели куда более скромный достаток по сравнению с работниками коммерческого сектора. Многие из них использовали должностное положение в личных целях. Население имело низкий уровень образования и правовой культуры. В итоге взятки стали единственным способом получения доступа к ресурсам.

В некоторых сферах коррупция была организованной и приняла большие масштабы. Например, существовал синдикат, состоявший из более чем 250 передвижных полицейских патрулей, которые получали платежи в размере от 5 до 10 сингапурских долларов с владельцев грузовиков, чьи транспортные средства они распознавали по адресам, написанным на бортах грузовиков. Те владельцы грузовиков, которые отказывались платить, находились под угрозой бесконечных штрафов.

«Таможенные чиновники получали взятки за «ускорение» проверки транспортных средств, перевозивших контрабанду и запрещенные товары. Персонал Центральной службы обеспечения за определенную мзду давал заинтересованным лицам информацию о заявках, поступивших на тендер. Чиновники Импортно-экспортного департамента получали взятки за ускорение выдачи разрешений. Подрядчики давали взятки клеркам, чтобы те закрывали глаза на нарушения. Владельцы магазинов и жители домов платили рабочим Департамента общественного здравоохранения за уборку мусора. Директора и учителя школ получали комиссионные от поставщиков канцелярских товаров. Человеческая изобретательность практически бесконечна, когда дело касается конвертации [8] власти в личную выгоду» [9].

Победить коррупцию и выбиться в мировые лидеры экономического развития Сингапур смог за счет политической воли лидеров и грамотного антикоррупционного законодательства. Первым делом были сокращены возможности для совершения коррупционных действий.

Произошло упрощение процедур принятия решений, была устранена всякая двусмысленность в законах в результате издания ясных и простых правил, вплоть до отмены разрешений и лицензирования. Началось противодействие коррупции в высших эшелонах власти.

Серьезные случаи коррупции попадали на полосы газет. Несколько министров были признаны виновными в коррупции — по одному за каждое десятилетие с 60-х до 80-х годов. Расследования были инициированы даже против близких родственников Ли Куан Ю. Ряд министров, уличённых в коррупции, были приговорены к различным срокам заключения, либо покончили жизнь самоубийством, либо бежали из страны. Среди них были и давние соратники Ли Куан Ю.

«В декабре 1979 года президент Национального конгресса профессиональных союзов (НКПС — National Trades Union Congress) [10] и член парламента от Сингапурской Партии народного действия (далее — ПНД) Фей

Ю Кок был обвинен по четырем эпизодам в преступном злоупотреблении властью. Общая сумма ущерба оценивалась в 83000 сингапурских долларов. Он также был обвинен по двум эпизодам, подпадавшим под действие «Закона о профсоюзах» за инвестирование 18000 долларов, принадлежавших профсоюзам, в частный супермаркет без одобрения министра. В рамках обычной судебной практики он был освобожден под залог» [11].

Наиболее драматичным был случай с министром национального развития Те Чин Ваном. В ноябре 1986 года один из его старых партнеров на допросе в Исследовательском Бюро по вопросам коррупции (далее — Бюро) признал, что дал Те Чин Вану две суммы наличными по 400000 сингапурских долларов каждая: в одном случае, чтобы позволить строительной компании оставить за собой часть земли, которая предназначалась для обязательной передачи правительству, а во втором случае, — чтобы помочь подрядчику в приобретении государственной земли для нужд частного строительства. Эти взятки имели место в 1981—1982 годах. Те Чин Ван отрицал получение взяток и пытался торговаться со старшим помощником Бюро, чтобы делу не давали ход.

Секретарь правительства сообщил Ли Куан Ю об этом и сказал, что Те Чин Ван попросил о встрече с ним. Г-н Ли отказал ему. Через неделю, утром 15 декабря 1986 года, офицер безопасности сообщил Ли Куан Ю, что Те Чин Ван умер и оставил ему письмо:

«В течение последних двух недель я был очень печален и находился в состоянии депрессии. Я чувствую свою ответственность за возникновение этого неприятного инцидента, и полагаю, что я должен ответить за это в полной мере. Как благородный восточный джентльмен я считаю, что будет справедливо, если я заплачу за свою ошибку самую высокую цену.

*Искренне Ваш,
Те Чин Ван»* [12].

Ли Куан Ю в своих воспоминаниях подчёркивал, что он постоянно насаждал принцип верховенства закона и равенство всех перед законом, включая высших чиновников и своих родственников. «Начать с проповеди высоких моральных принципов, твердых убеждений и самых лучших намерений искоренить коррупцию — легко. А вот жить в соответствии с этими добрыми намерениями — трудно. Для этого требуются сильные лидеры и решимость бороться со всеми нарушителями, безо всяких исключений. Служащие Бюро должны были располагать полной поддержкой политического руководства, чтобы действовать без страха и в соответствии с законом» [13].

Следующим шагом было резкое повышение зарплаты судей. Зарплата сингапурского судьи достигла нескольких сот тысяч долларов в год (в 1990-е годы — свыше 1 млн. долл.). Были жёстко подавлены мафиозные группировки. Госслужащим, занимающим ответственные посты, были подняты зарплаты до уровня, характерного для топ-менеджеров частных корпораций.

Было ясно, что Правительство Сингапура сможет оставаться чистым и честным только в том случае, если честные и способные люди будут проявлять желание бороться на выборах и занимать официальные должности. Для этого необходимо платить им заработную плату, сопоставимую с той, которую человек, обладающий их способностями и честностью, мог бы заработать, занимая должность управляющего крупной корпорацией или занимаясь частной юридической либо иной профессиональной практикой.

«Если недоплачивать способному человеку, занимающему должность министра, то сложно будет ожидать от него, чтобы он проработал на такой должности долгое время, зарабатывая, лишь часть того, что он мог бы заработать в частном секторе. В условиях быстрого экономического роста и постоянного увеличения заработной платы в частном секторе заработная плата министров должна была быть сопоставимой с заработной платой руководителей их уровня в частном секторе. Малооплачиваемые министры и государственные служащие разрушили не одно правительство» [14].

Сингапурский опыт доказал: адекватное вознаграждение жизненно важно для поддержания честности и морали у политических лидеров и высших должностных лиц.

Ли Куан Ю утверждал, что политическим лидерам стоит платить самые большие зарплаты потому, что они заслужили это тем, что представляют собой порядочное и честное правительство. Если им недоплачивать, они могут поддаваться соблазну и вовлечься в коррупционные действия. В соответствии с этим, заработная плата государственных служащих Сингапура неизменно возрастала все эти годы для уменьшения «утечки мозгов» в частный сектор.

При пересмотре в 1989 и 1994 гг. зарплаты высшим государственным служащим Сингапура повысили до такой степени, что они стали самыми большими в мире. Тем не менее, эта формула не означает ежегодного автоматического увеличения жалования, потому что доходы частного сектора то повышаются, то понижаются. Когда в 1995 году доходы в частном секторе снизились, в 1997 году было соответственно уменьшено и жалование всех министров и высших должностных лиц.

Ли Куан Ю пришёл к выводам о том, что необходимым условием для существования честного правительства является то, что кандидатам на правительственные посты не требуются большие деньги, чтобы добиться избрания, иначе они приводят в действие порочный круг коррупции.

«Высокая «стоимость» выборов являлась и является проклятием многих стран. Затратив значительные средства на избирательную кампанию, победители должны не только вернуть потраченные деньги, но и накопить средства для следующих выборов. Эта система воспроизводит себя вновь и вновь» [15].

Лидеры Партии народного действия (далее — ПНД) постарались снизить издержки на ведение избирательных кампаний. У партии не было необходимости попол-

нять казну после выборов, и раздавать подарки избирателям в период между выборами. «Мы добивались того, что люди вновь и вновь голосовали за нас тем, что создавали рабочие места, строили школы, больницы, общественные центры. Эти социальные блага изменили жизнь людей и убедили их в том, что будущее их детей — с ПНД. Оппозиционные партии также не нуждались в деньгах. Они побеждали наших депутатов, потому что избиратели хотели, чтобы оппозиция в парламенте оказывала давление на правительство» [16].

Сингапур продемонстрировал, что система чистых, свободных от денег выборов помогает сохранить честное правительство.

Исходя из опыта более чем 20-летнего пребывания у власти, Ли Куан Ю разработал своеобразное «руководство к действию» для будущих политических лидеров. Члены правящей группировки, по мнению Ли Куан Ю, не должны подрывать доверие своих сторонников, делая достоянием гласности внутренние разногласия, решать которые надлежит лично членам группировки. Перед лицом общественности необходимо сохранять внешнее единство. Политические лидеры должны быть последовательными и решительными в своих действиях, руководить честно, беспристрастно и эффективно, не использовать своё положение в корыстных целях. Им необходимо завоевать уважение, а не стремиться к дешёвой популярности. Политический лидер работает во имя всеобщего блага, хотя и невозможно распределить это благо поровну между всеми членами общества. При принятии решений необходимо сохранять трезвость и хладнокровие, делать всё возможное для достижения поставленной цели. «Если же у вас не хватает сил. А такие ситуации возможны, — говорит Ли Куан Ю, — история простит вас. Но если вы потерпели поражение, даже не попытавшись попробовать свои силы или отдавая их не в полную меру, это навлечёт на вас позор и бесчестие». Выживание Сингапура может быть обеспечено только путём создания честной и некоррупционной администрации. Именно лидеры должны нести в массы новые общественные идеалы: главенство национальных интересов над интересами личности, социальная дисциплина, регламентация, ориентация на будущее, эффективность [17].

Как показали последующие события, у правительства Сингапура нашлось достаточно политической воли, чтобы реализовать свои планы и намерения на практике. Для достижения таких результатов были использованы эффективные методы борьбы с коррупцией в сфере государственной службы.

Каждый государственный служащий, уличённый в получении взятки, наказывается очень сурово. Если его вина доказана, то возбуждается уголовное дело. Чиновник, осуждённый за коррупцию, лишается работы и многих льгот.

Бывают случаи, когда доказательств для возбуждения уголовного дела недостаточно. В этой ситуации, чиновника могут подвергнуть дисциплинарной процедуре в виде временного отстранения от службы, понижения в ранге, за-

держки в получении зарплаты, штрафа, выговора и даже отставки.

Для снижения вероятности коррумпированных действий проводится комплекс предупредительных мероприятий:

- выбор оптимальных административных процедур;
- устранение благоприятных возможностей для коррупции, как в действующих нормах, так и в организации работы ведомств;
- соразмерный пересмотр жалования чиновников;
- напоминание государственным поставщикам при подписании контрактов, что дача взятки чиновникам может привести к разрыву контракта;
- сокращение и облегчения для граждан разного рода бюрократических процедур;
- регулярное проведение бесед с чиновниками о том, как не оказаться вовлеченным в коррупционные схемы;
- проведение со студентами колледжей занятий на тему опасности коррупции;
- принятие меры по устранению задержек в предоставлении разрешений и лицензий и т. д.

«Государственные служащие каждый год обязаны подать специальную декларацию об отсутствии у них долгов. Считается, что погрязший в долгах чиновник скорее пренебрежет своими должностными обязанностями ради собственной выгоды, то есть, скорее, будет вовлечен в коррупционные схемы. Предоставление чиновником ложных сведений в такой декларации приводит к увольнению чиновника с государственной службы» [18].

«Каждый чиновник при приеме на службу и далее ежегодно обязан декларировать свое имущество и инвестиции в бизнес, включая вложения жены и зависимых от него детей. Несоответствие богатства и получаемого жалования ведет, как минимум, к административному расследованию. Если чиновник владеет долями в частных компаниях, ему могут предложить продать паи и акции во избежание конфликта интересов» [19].

«Чиновникам запрещено принимать любые подарки в виде денег или в любой другой форме от людей, состоящих с ними в деловых отношениях. Запрещено также принимать приглашения, способные поставить его в любого рода зависимость. Если чиновник не может отказаться от подарка (например, в соответствии с протоколом визита иностранной делегации), чиновник может его принять, но должен незамедлительно передать его главе своего департамента. Впрочем, чиновник может взять предмет, если предварительно заплатит за него по цене, определенной официальной бухгалтерией» [20].

В антикоррупционном законодательстве Сингапура чётко закреплены пределы ответственности государственных служащих.

Чиновникам запрещается:

- принимать любые награды от любого члена общества в качестве платы за услугу;
- принимать подарки за уклонение от действий;
- принимать плату за проявление или не проявления расположения кому-либо против долга;

- намерено допускать ошибки в официальных документах, а также делать лживые и неверные заявления;
- принимать подарки, приглашения на обед или совместные развлечения от любого лица, с которым чиновник состоит в официальных отношениях;
- заниматься какой-либо внеурочной работой или коммерческой деятельностью без письменного разрешения властей;
- принимать вознаграждение за свои услуги от кого-либо в качестве платы за свои профессиональные обязанности;
- принимать вознаграждение или компенсацию от любого поставщика за внеурочную работу по надзору за его проектом;
- вкладываться в бизнес любого предпринимателя, с которым чиновник состоит в официальных связях;
- принимать комиссионные и откаты от поставщиков, оказывающих услуги;
- соглашаться на предложения по бесплатному обслуживанию в личных делах (помощь с транспортом, реконструкцией) от любого лица, с которым чиновник имеет дела;
- вступать в неформальные отношения с любым лицом, с которым чиновник имеет официальные отношения, и проявлять фаворитизм;
- принимать предложения отправиться в заграничную поездку от поставщиков под прикрытием повода обучения или обзора заграничной продукции;
- проводить официальные встречи или переговоры на территории поставщика или в публичных местах, если нет причины для этого;
- посещать офис или дом любого лица, с которым чиновник состоит в официальных отношениях;
- занимать деньги (открыто или тайно) у поставщика, с которым чиновник состоит в отношениях;
- позволять поставщику оплачивать свои счета или займы;
- давать личным интересам перевешивать служебный долг;
- наносить вред правительству, например, давая советы поставщику по использованию лазеек в контрактах.

Чиновникам позволено:

- сообщать о любых коррупционных проявлениях;
- избегать неформальных отношений с членами общества, вступающими с чиновником в официальные отношения, чтобы избежать предвзятости и фаворитизма;
- указывать на интерес в любом бизнесе не только в своих интересах, но и в интересах семьи, отстраняться от надзора над такими проектами;
- общаться с любым человеком, с которым он вступает в официальные отношения, равноправно и честно без боязни и протекции;
- знакомиться с положениями Закона о противодействии коррупции, а также установками и инструкциями ведомства, управляющего сопровождением служащих;

- консультироваться с начальником в случаях, когда возникают сомнения относительно обоснованности того или иного действия;

- всегда быть лояльным ведомству и придерживаться его интересов [21].

Как уже отмечалось выше, одной из причин высокого уровня коррупции было несовершенное законодательство.

Так как в 1959 году Сингапур был бедной страной, правительство не могло позволить себе поднять зарплаты служащим. Альтернативой было усиление существующего законодательства по уменьшению возможности для совершения коррумпированных действий и повышения наказания за коррупционные действия.

Лидеры государства сделали вывод о том, что необходимо сокращение возможностей для совершения коррумпированных действий. Они были инициаторами всесторонней антикоррупционной стратегии в 1960 г., закрепив ее в Акте о предотвращении коррупции (The Prevention of Corruption Act — ПОСА) (далее — Акт о предотвращении коррупции) и, укрепив антикоррупционное бюро, которое было впервые создано Британским колониальным правительством в октябре 1952 года. С тех пор коррупция рассматривается с двух сторон — стимул и возможность принять участие в акте коррупции, новая всеобъемлющая стратегия основывалась на принципе «логика в контроле за коррупцией», т.е. «попытки искоренить коррупцию должны основываться на стремлении минимизировать или исключить условия, создающие как стимул, так и возможность, склонения личности к совершению коррумпированных действий».

Акт о предотвращении коррупции был издан 17 июня 1960 года, и имел ряд важных особенностей.

Во-первых, коррупция точно квалифицирована с точки зрения различных форм «вознаграждения» в статье 2 Акта о предотвращении коррупции, в которой также в первый раз указаны Бюро и его директор.

Вид преступления, называемый обычно взяткой, описан в законе термином «коррупционное вознаграждение». Вознаграждения могут принимать разные формы и включать в себя:

- деньги или любые подарки, гонорары, займы, награды, комиссионные, ценные бумаги, другую собственность или долю в любой собственности, движимой или недвижимой;
- любую должность, работу или контракт;
- любую уплату, освобождение, погашение долга в рамках любого займа, обязательства и других задолженностей полностью или частично;
- любые другие услуги, предпочтения, преимущества любого вида, включая защиту от любого штрафа или неплатежеспособности, настоящей или ожидаемой, а также освобождение от действий или дисциплинарных взысканий, назначенных либо нет, или снисхождение к выполнению любой обязанности или права в рамках профессиональной деятельности;

— любое предложение, попытку или обещание любого вознаграждения [22].

В статье 8 Акта о предотвращении коррупции постулируется, по сути, презумпция виновности агента правительства, любого государственного ведомства или государственной общественной организации. Любое вознаграждение, полученное чиновником от лица, искавшего связи с правительством, будет считаться заплаченным коррупционным путем в качестве стимула или награды, пока не доказано обратное. Это фактически переносит бремя доказывания своей невиновности на служащего, который должен убедить суд, что вознаграждение не было получено в рамках коррупционной схемы [23].

В соответствии со статьей 5 Акта о предотвращении коррупции, лицо виновно в коррупции, когда оно само, либо в соучастии с другими, незаконно подкупает, получает, или выражает согласие на получение любого вознаграждения для себя или другого человека. Незаконно дает, обещает или предлагает любому человеку вознаграждение, независимо от того, в своих или сторонних интересах делая это, вознаграждая или подстрекая любого человека к действию или бездействию в отношении любого дела, реального либо лишь задуманного [24].

В соответствии со статьей 6 Акта о предотвращении коррупции, коррупционное действие считается совершенным, когда агент незаконно принимает вознаграждение или действует, либо соглашается принять или пытается действовать в интересах любого человека, оказывает покровительство либо пренебрежение к чьим-либо интересам [25].

В-третьих, повысился сдерживающий эффект Акта о предотвращении коррупции, наказание за коррумпируемые действия возросло до 5 лет тюремного заключения и (или) штраф 100 тысяч долларов [26].

В-четвертых, лицо, признанное виновным в принятии незаконного вознаграждения, вынуждено заплатить сумму, которую оно приняло в качестве взятки в дополнение к тому наказанию, к которому приговорил суд [27].

В-пятых, наиболее значительная особенность Акта о предотвращении коррупции была в том, что он дал Бюро больше власти. Например, статья 15 указанного Акта обеспечивала служащих Бюро полномочиями на совершение арестов и обыск арестованных лиц. Акт о предотвращении коррупции уполномочил Общественного Прокурора давать разрешения директору Бюро и его главному заместителю проверять «любые банковские счета, долевые счета и расчетные счета» если кто-либо подозревается в совершении правонарушения в соответствии с Актом о предотвращении коррупции [28].

Статья 18 Акта о предотвращении коррупции уполномочивала служащих Бюро проверять банковские книжки государственных служащих, а также их жен, детей и агента, если это необходимо [29].

В 1981 г. в Акт о предотвращении коррупции были внесены поправки, для того, чтобы повысить сдерживающий эффект требованием к тем, кто совершил коррумпиру-

ванное действие, возместить все полученные деньги помимо исполнения обычного судебного приговора. Для тех, кто не в состоянии произвести полное возмещение, выносятся более строгий судебный приговор.

Большое значение для работы Бюро имело то, что вскоре 03.03.1989 г. был издан Акт о Коррупции (Конфискация выгод), в котором оговаривалась конфискация выгод, извлеченных путем коррупционных действий. Если ответчик умер, суд подает иск, содержащий в себе заявление о конфискации его владений.

Антикоррупционное законодательство Сингапура регулярно пересматривается с тем, чтобы закрыть коррупционерам лазейки для ухода от ответственности.

За прошедшие годы были внесены следующие изменения:

— Суд получил право назначать преступникам штрафы, эквивалентные размерам полученных взяток, независимо от основного наказания или срока тюремного заключения. Для тех, кто не в состоянии произвести полное возмещение, выносятся более строгий судебный приговор.

— Следователи Бюро были наделены более широкими полномочиями.

— Стало необязательным доказывания того, что лицо, получавшее взятку, было в выгодном положении.

— Следователи Бюро получили возможность получать информацию об уплаченных налогах.

— Чиновников обязали декларировать сведения о своем богатстве (о недвижимости, счетах в банке, пакетах акций и др.) а также о богатстве их жен и детей.

— Суд получил право признавать несоответствие богатства и уплаченных налогов в качестве подкрепляющего доказательства факта коррупционных действий.

— Граждане Сингапура были наделены ответственностью за коррупционные преступления, совершенные за пределами страны, и судимы, как если бы они их совершили внутри страны.

— Усилена ответственность за дачу заведомо ложных показаний или ложной информации.

— Показания сообщника отныне считаются судом не заслуживающими доверия, пока не доказано обратное.

— Законной практикой стало предоставление гражданами по требованию следователей Бюро нужной им конфиденциальной информации.

— Закон о коррупции 1989 года (Конфискация выгод) наделил суд правом конфисковать собственность и денежные средства, происхождение которых лицо, уличенное в коррупции, не может внятно объяснить. В случае смерти ответчика, суд вправе принять решение о конфискации его имущества.

Правовая система Сингапура настроена на профилактику коррупции. Глава министерства юстиции Йонга Пунг Хо, сказал в 2002 году: «Я не сомневаюсь, что в судах можно применять куда более жесткие наказания, чтобы воспитать в обществе недоверие и отвращение к действиям, наделяющим гражданскую службу сомнительной репутацией, и серьезно вредящим беспристрастной ра-

боте нашей уголовной системы. Легкое попустительское преступлению, сделанное сегодня, выведет из равновесия эффективность нашей гражданской службы, уменьшив доверие населения к правоприменительным органам, и откинув назад усилия правительства по созданию в международном сообществе облика Сингапура как безопасного и свободного от коррупции государства» [30].

В реализации антикоррупционного законодательства на практике весьма велика роль указанного выше специального агентства — Бюро по расследованию случаев коррупции. Это правительственное агентство, расследующее и преследующее коррупцию в государственном и частном секторах [31], было учреждено еще Британским колониальным правительством в 1952 году. А Акт о предотвращении коррупции, вступивший в силу в 1960 году, наделил Бюро обширными полномочиями в расследовании.

Правительство Сингапура признавало, что предусмотренные законом устрашающие наказания не будут действенными, если они не опираются на эффективное правоприменение. Именно поэтому оно сделало Бюро универсальным антикоррупционным агентством. Несмотря на то, что основной его функцией является расследование коррупции, оно наделено полномочиями вести следствие и по прочим уголовным делам, связанным с фактами коррупции.

Основные функции Бюро: 1) получать и расследовать жалобы, содержащие обвинения в коррупции в общественных и частных сферах; 2) расследовать случаи халатности и небрежности, допущенные государственными служащими; 3) проверять деятельность и операции, проводимые государственными служащими с целью минимизировать возможность совершения коррумпированных действий.

Бюро, объединённое с офисом премьер-министра, возглавляется директором, напрямую подчиняющимся главе государства. Таким образом, Бюро независимо от полиции и других правительственных ведомств, обладает значительной политической и функциональной независимостью от всей бюрократии, включая чиновников в ранге министров.

Бюро представляет собой подразделение администрации Премьер-министра Сингапура.

Бюро имеет три департамента: следственный, справочно-информационный и вспомогательный.

Следственный департамент (самый большой) несет ответственность за проведение операций Бюро. Члены этого подразделения подают дела о расследованиях директору Бюро, который обращается к государственному прокурору и рекомендует предпринять соответствующие действия на основании имеющихся доказательств. Однако если доказательств для рассмотрения дела в суде недостаточно, директор направляет дело к главе отдела, занимающегося дисциплинарными делами, после получения разрешения Государственного прокурора.

Справочно-информационный и вспомогательный департаменты несут ответственность за два блока функций.

Первый блок включает в себя конкурсный отбор кандидатов для назначения на государственные посты и их дальнейшее продвижение, проведение курсов по повышению квалификации.

Второй блок включает анализ и выявление тех слабых мест в государственных органах, которые являются причиной коррупции.

Справочно-информационный и вспомогательный департаменты Бюро поддерживаются исследовательским объединением, которое анализирует рабочие операции склонных к коррупции правительственных отделов и выявляет те слабые места в организации и регулировании работы подразделений администрации, которые служат причиной коррупции.

Административная служба выполняет финансовые и управленческие функции Бюро и обеспечивает канцелярскую поддержку других подразделений.

Методы работы Бюро авторитарны. Оно имеет исключительное право без решения суда задерживать и обыскивать подозреваемых в коррупционных деяниях, если на то есть основания в соответствии с законодательством. Может вести расследование не только в отношении подозреваемого, но также его родственников и поручителей, проверять любые их банковские, долегие и расчетные счета и финансовые записи. Может вызывать на допрос свидетелей, а также расследовать любые правонарушения, вскрывающиеся в ходе изучения коррупционного дела.

«Бюро вызывает страх в сердцах многих сингапурцев, особенно склонных к коррупционным действиям. Сингапурская бюрократия боится Бюро, как всевидящего ока правящей партии. Бюро уважают за эффективную работу и утонченные методы действия. Его называют также «Бюро по расследованию заразной жадности» [32].

Следователи Бюро наделены следующими полномочиями:

— Производить аресты, в соответствии с законодательством.

— Директор и другой особый уполномоченный имеют право арестовывать без повестки любого человека, подозреваемого в коррупционных преступлениях, к которому имеются разумные претензии, если получена информация из достоверных источников.

— Следователи могут обыскивать любое арестованное лицо, при наличии улик незаконной деятельности.

— Любое лицо, арестованное по таким мотивам, препровождается в отделение Бюро или полиции.

— Следователи наделены правом на изъятие вещественных доказательств. Сотрудники Бюро, по выданной повестке, могут входить в любое помещение, даже силой, обыскивать его, производить выемку любых документов, статей или имущества, связанных с коррупционными действиями.

Если офицер Бюро имеет разумные основания полагать, что отсрочка в получении повестки сорвет планы расследования, он может воспользоваться правом расследования без получения повестки.

Таким образом, Бюро не нуждается в обширном персонале, хотя имеет большую нагрузку, т.к. размещается в офисе премьер-министра и обладает законной властью, уполномочивающей Бюро получать требуемое сотрудничество, как с государственными, так и с частными организациями.

В свете вышеизложенного можно выделить основные принципы, на которых основана стратегия борьбы с коррупцией в Сингапуре:

— Меры должны предприниматься по отношению к обеим сторонам: и тем, кто дает взятки, и тем, кто их берет.

— Четко соблюдается принцип ответственности: коррупцию необходимо наказывать в административном или уголовном порядке.

— Должна быть проведена четкая граница между государственными обязанностями и личными интересами. Именно это подразумевал г-н Ли Куан Ю, когда заявил, что конфуцианская обязанность помогать своей семье, родственникам и друзьям должна выполняться только с привлечением собственных, а не государственных средств.

— Главенство закона. Это достигается за счет сотрудничества Бюро, расследующего случаи коррупции, и судебных органов, которые решают, каким будет наказание. Общественность должна быть уверена, что Бюро действует эффективно и юридически законно.

— Коррупция должна быть максимально исключена путем установления ясных и четких методов работы и принятия решений. Как только общественность осознает, что не существует возможности влиять на правительственные решения путем дачи взяток, коррупции станет меньше.

— Лидеры должны подавать личные примеры безупречного поведения на самом высоком уровне, чтобы поддерживать свой моральный авторитет, необходимый для борьбы с коррупцией. Следовательно, неподкупность должна быть ключевым критерием, основной целью политических лидеров.

— Необходимо наличие гарантий, что именно признание личных и профессиональных заслуг, а не родственные связи или политическое покровительство, должно быть определяющим фактором при назначении должностных лиц. Использование семейных связей подрывает доверие к государственной службе, к ее эффективности и беспристрастности. Напротив, признание заслуг гарантирует, что на соответствующий пост будет назначен квалифицированный специалист.

— Как подчеркнул Ли Куан Ю, основное правило — соблюдать принцип неподкупности и увольнять запятнавших свою репутацию чиновников. Пресса играет важную роль в предании гласности случаев коррупции и деталей наказания, чтобы информировать общественность относительно последствий коррупции. Это помогает создать атмосферу честности и доверия к государственной службе, а также закрепить принцип наказания коррупции, т.к.

борьба с коррупцией зависит от системы ценностей политических лидеров, государственной службы и общества.

— Государственным служащим должны соответственно платить. В Сингапуре министрам и высшим должностным лицам платят согласно формуле, привязанной к средней заработной плате успешно работающих в частном секторе лиц (адвокатов, банкиров и т.д.).

— Необходимы создание эффективного, работающего на принципе честности и преданности своему делу органа по борьбе с коррупцией, и защита информаторов, сообщающих о случаях коррупции.

— Нужно минимизировать количество необходимых для документов подписей. Это уменьшит возможности для коррупции.

— Необходимо использовать законы таким образом, чтобы распространить их действие на должностных лиц с целью выяснения источников их доходов. Если они не могут объяснить, откуда у них дополнительные финансовые средства, можно предположить, что источником является коррупция. В Сингапуре каждый год от государственных служащих требуют заполнения специальных форм для декларации их имущества, активов и долгов.

Все перечисленные принципы сингапурцы старались повсеместно выполнять. Кроме того, Сингапuru удалось осуществить контроль за денежной политикой, введя жесткие правила: строгие ограничения расходов на избирательные кампании; разрешение осуществлять пожертвования только в пользу политических партий, а не отдельных министров или членов парламента, поскольку нельзя позволить таким образом покупать влияние с целью изменения политики и правительства.

Из сингапурской стратегии борьбы с коррупцией российским политическим лидерам необходимо подчеркнуть те **ключевые моменты**, которые привели Сингапур к победе над этим негативным социальным явлением.

Самое главное! Политические лидеры должны быть положительным примером для чиновников. Они должны демонстрировать примерное поведение, вести скромный образ жизни, и избегать вовлечения в коррумпируемые схемы. Отто Фон Бисмарк говорил: «Возможно управлять страной с плохими законами, но невозможно управлять страной с недисциплинированными чиновниками». Каждый, кто признан виновным в совершении коррумпируемых действий, должен быть наказан, не смотря на его социальный статус.

Следующим важным ключевым моментом является эффективная всесторонняя антикоррупционная стратегия. Она должна состоять из двух элементов.

1. Обширное антикоррупционное законодательство. Оно должно быть всеохватывающим, чтобы предотвратить все способы уклонения от закона и должно периодически пересматриваться для введения актуальных поправок, когда это требуется.

2. Автономное агентство по борьбе с коррупцией. Антикоррупционное агентство должно само по себе быть некоррумпируемым. Для этого оно должно контролиро-

ваться или находится под наблюдением политического лидера, который не склонен к коррумпированным действиям. Эти должности должны занимать честные и компетентные лица.

Необходимо уделить особое внимание уменьшению возможности коррумпированных действий в тех органах,

которые наиболее склонны к коррумпированной деятельности. (Например, таможня, полиция и т.д.).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что опыт Сингапура в контроле над этим негативным явлением демонстрирует возможность минимизации коррупции, если присутствует сильная политическая воля.

Литература:

1. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
2. Официальный сайт Центра антикоррупционных исследований и инициатив. Индекс восприятия коррупции 2014. URL: <http://transparency.org.ru> (дата обращения: 08.09.2015).
3. Ефимов, Г.В. Борьба с коррупцией в Сингапуре // Россия и АТР. 2008. № 2. с. 125.
4. История Сингапура: [сайт]. URL: <http://po.singapu.ru/history/>(дата обращения: 07. 03.2015).
5. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
6. Сиротин, А. Лечение «заразной жадности». URL: http://aim.sudanet.ru/borba_s_corrupciei_v_singapore/(дата обращения: 27. 03.2015).
7. Сиротин, А. Лечение «заразной жадности». URL: http://aim.sudanet.ru/borba_s_corrupciei_v_singapore/(дата обращения: 27. 03.2015).
8. Конвертация (от лат. *converto* — изменяю, превращаю) — проведение конвертирования, перевод чего-либо во что-либо другое, обмен (напр., К. валюты означает перевод суммы денег из одной валюты в другую).
9. В бананово-лимонном Сингапуре. January 23rd, 2009. Фрагменты авторизованного перевода издания Lee Kuan Yew. The Singapore Story: 1965–2000/From third world to first. HarperColins Publishers, N. Y., USA, 2000. URL: <http://www.konstruktiv.net/?p=15/>(дата обращения: 03. 04.2015).
10. Национальный конгресс профессиональных союзов (НКПС — National Trades Union Congress), также известный как Сингапурский Национальный Конгресс профсоюзов (SNTUC), национальный центр профсоюза в Сингапуре. URL: http://perevod.yandex.ru/en/?url=http%3A%2F%2Fen.wikipedia.org%2Fwiki%2FNational_Trades_Union_Congress/(дата обращения: 04. 04.2015).
11. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
12. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
13. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
14. В бананово-лимонном Сингапуре. January 23rd, 2009. Фрагменты авторизованного перевода издания Lee Kuan Yew. The Singapore Story: 1965–2000/From third world to first. HarperColins Publishers, N. Y., USA, 2000. URL: <http://www.konstruktiv.net/?p=15/>(дата обращения: 03. 04.2015).
15. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
16. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
17. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира в первый. URL: http://bookz.ru/authors/avtorneizvesten/history_singapur/1-history_singapur.html/(дата обращения: 21. 03.2015).
18. Сиротин, А. Лечение «заразной жадности». URL: http://aim.sudanet.ru/borba_s_corrupciei_v_singapore/(дата обращения: 27. 03.2015).
19. Сиротин, А. Лечение «заразной жадности». URL: http://aim.sudanet.ru/borba_s_corrupciei_v_singapore/(дата обращения: 27. 03.2015).
20. Сиротин, А. Лечение «заразной жадности». URL: http://aim.sudanet.ru/borba_s_corrupciei_v_singapore/(дата обращения: 27. 03.2015).
21. Prevention of corruption Act. URL: http://app.cpi.gov.sg/cpi_new/user/default.aspx?pgID=201/(дата обращения: 15. 05.2015).
22. Prevention of corruption act. 2. Interpretation. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/iddl/files/assets/lawlibraryfiles/Singapore_Anti-Corruption%20Law_1960%20amended%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).

23. Prevention of corruption act. 8. Presumption of corruption in certain cases. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
24. Prevention of corruption act. 5. Punishment for corruption. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
25. Prevention of corruption act. 6. Punishment for corrupt transactions with agents. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
26. Prevention of corruption act. 5. Punishment for corruption. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
27. Prevention of corruption act. 13. When penalty to be imposed in addition to other punishment. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
28. Prevention of corruption act. 17. Powers of investigation. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
29. Prevention of corruption act. 18. Special powers of investigation. URL: http://publicofficialsfinancialdisclosure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Singapore_Anti-Corruption_%20Law_1960%20amended_%202002_en.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
30. Бюро по расследованию случаев коррупции — Corrupt Practices Investigation Bureau (CPIB): [сайт]. URL: http://app.cpi.gov.sg/cpi_new/user/default.aspx?pgID=201/ (дата обращения: 17.04.2015).
31. Бюро по расследованию случаев коррупции: [сайт] URL: http://app.cpi.gov.sg/cpi_new/user/default.aspx?pgID=201/ (дата обращения: 17.04.2015).
32. Jon, S. T. Quah, «Administrative and Legal Measures for Combating Corruption in Singapore» (Административные и юридические меры для того, чтобы бороться с коррупцией в Сингапуре). 1977. URL: <http://www.jonstquah.com/publications.htm>. (дата обращения: 09.04.2015).

СОЦИОЛОГИЯ

Социальные резервы, социальная диагностика и социальное проектирование в трудовом коллективе

Горбач Марина Ивановна, студент;
Кармызова Диана Дмитриевна, студент
Белорусский государственный экономический университет (Республика Беларусь)

Понятие «социальные резервы» возникло в социологии как результат оценки исследователей возможностей трудового коллектива выполнять свои функции — его совокупный потенциал — и реальный уровень использования, реализации этих возможностей. Потенциал коллектива, наряду с социальным включает в себя экономический, производственно-технический, организационно-управленческий, духовно-творческий потенциал, а также способность коллектива его реализовать сочетается с низкой включенностью коллектива в освоение, реализацию и развитие этого совокупного потенциала. Речь идет, прежде всего, о неостребованном социальном потенциале трудового коллектива, т. е. о его социальных резервах [4]. Социальные резервы отличаются от других (экономических, технических и т. п.) практической неисчерпаемостью. Чем активнее используются они в деятельности коллектива, тем более возрастает его социальный потенциал, способный к самореализации. Ведь основными резервноносителями являются люди, трудовые общности, коллективы [4].

Резервообразующие факторы целесообразно увязать с основными видами и формами жизнедеятельности трудовых коллективов: производственно-трудовой, социальной, общественно-политической и духовной. В соответствии с этим социальные резервы трудового коллектива можно представить в виде системы, состоящей из четырех подсистем жизнедеятельности: резервов производственно-трудовой деятельности, потребительской, общественно-политической и духовно-идеологической. В системной классификации социальных резервов также следует учитывать структуру конкретных резервноносителей. Речь идет о выделении по этому признаку социальных резервов индивида (рабочих, инженерно-технических работников, служащих, руководящего звена), трудового коллектива предприятия, цеха, участка и первичного коллектива бригады. По уровню социальной зрелости трудового коллектива различают резервы складывающегося (формирующегося) коллектива, стабильного — устойчиво функционирующего

и самоуправляющегося, достигшего оптимального уровня и темпов развития. По характеру и направленности действия социальные резервы: локальные (местного воздействия), системные (способствующие функционированию коллектива как социальной ценности) и стратегические (ориентированные на гармонизацию социальных процессов в коллективе) [4].

В качестве главных компонентов социальных резервов в каждой из сфер деятельности трудового коллектива различают [1]:

- резервы личности — потребности в самовыражении, в творчестве, в управлении производственными и общественными делами, в овладении культурными и духовными ценностями; интересы, стремления, склонности; знания, умения, опыт, организаторские способности, профессиональные навыки;
- резервы коллективности — единство, способность к разрешению конфликтов, лидерство, товарищеская взаимопомощь, сознательность;
- состояние социальной активности — самоуправление, самостоятельность, самодисциплина, предприимчивость и т. п.;
- факторы социально-экономического развития трудового коллектива — техническая среда;
- технико-производственные условия;
- экономические возможности развития производства;
- социально-классовая, профессиональная, демографическая структура, образовательный потенциал;
- социально-психологическая обстановка;
- организационно-управленческая обстановка;
- культура труда и производства.

Главные компоненты социальных резервов проявляются в конкретных коллективах как совокупности социальных характеристик и свойств (модулей или резервноносителей). Каждый из модулей может быть представлен в виде совокупности социальных показателей. Основными резервноносителям трудовых коллективов являются [4]:

- личностный потенциал работника;
- использование средств производства и результатов труда;
- предприимчивость;
- диапазон социального руководства, видение перспектив работы коллектива;
- творческое содержание труда, культура труда;
- включенность членов коллектива в управление;
- сплоченность коллектива;
- духовно-идеологический комплекс.

Такое понимание резервов предполагает социальную диагностику резервов на основе выделения показателей (индикаторов) социальной зрелости коллектива. Важное значение в области подъема социального потенциала имеет выявление следующих резервов [4]:

- демографических: сбалансированная расстановка и использование кадров, органичное сочетание мужского и женского труда, труда молодежи и работников более зрелого возраста;
- функциональных: уменьшение профессиональных заболеваний, улучшение условий труда;
- профессиональных: подготовка и переподготовка кадров;
- социально-психологических: повышение уровня сотрудничества и взаимопомощи, создание здорового психологического климата;
- управленческих: совершенствование форм и методов руководства;
- непроизводственных факторов в деятельности трудовых коллективов.

Социальная диагностика представляет собой анализ состояния объектов и процессов, выявления проблем их функционирования и развития. Социальная диагностика трудового коллектива подразумевает комплексное обследование состояния дел в трудовой организации, оценку «болезненных мест» в деятельности коллектива и выявления уровня сплоченности или напряженности в социальных отношениях [2].

На основе социальной диагностики определяется состояние каждой стадии социального развития трудового коллектива, его потенциал и социальный резерв. Единицей измерения в диагностике выступают конкретные модули [1]. Модули могут быть внешние (отношения с министерствами, городом, областью, страной в целом) и внутренние, т. е. внутренне коллективные. Так, для диагностирования личностного потенциала работника социальными критериями выступают: степень удовлетворения материальных и духовных потребностей членов коллектива за счет собственных источников, отношение к труду, инициатива, мотивация, степень использования личностного потенциала [1]. Разработка системы социальных показателей такого типа для каждого отдельного модуля дает возможность по совокупности критериев оценить степень социальной зрелости трудового коллектива и дифференцировать коллективы по этому признаку на три уровня: низкий, средний, высокий. При низком уровне социальной

зрелости, комплекс мероприятий для реализации социальных резервов направлен на достижение уровня социальной стабилизации [5].

Значение диагностики в области социальных отношений и процессов определяется тем, что если вовремя и правильно определены признаки и причины возникновения социальной проблемы, то можно надеяться на благополучный ход протекающих процессов и положительные результаты [5].

На первом этапе социальной диагностики проводится [4]:

- выявление социально соотносительной нормы;
- сравнение с прежними результатами деятельности (свойствами и т. д.).

Второй этап включает анализ полученных измерений, классификация данных по интересующим признакам, цель которой — определение причинно-следственных связей. На основе полученной разнородной информации на третьем этапе происходит интерпретация данных [4].

Социальное проектирование представляет собой форму социального управления, сущность которого заключается в научно обоснованном конструировании системы социальных параметров будущего объекта или качественно нового состояния существующего объекта. Так, проектирование развития трудового коллектива на основе диагностики социальных резервов позволяет определить границы социального развития, а также средств их достижения [5]. При проектировании социальных объектов учитывается субъективный фактор, что во многом предопределяет специфику социального проектирования. При этом в основания социального проектирования должны быть заложены следующие параметры, т. е. необходимо помнить, что [6]:

- социальный объект противоречив;
- у социального объекта существует несколько путей развития;
- невозможно описать социальный объект конечным числом терминов любой социальной теории;
- на социальный объект влияет много объективных факторов;
- существует множество субъективных факторов, влияющих на социальный объект, например, исследователь может по-разному оценить зрелость развития социального объекта и т. п.

Социальное проектирование дает возможность разработать научно обоснованный план социального развития. Проектирование учитывает и возможность неудачного эксперимента по проверке идей, так называемый отрицательный результат. При его получении необходим тщательный анализ причин, чем вызвано несоответствие в решении поставленных задач. [6]. Основная цель социального проектирования как специфической управленческой деятельности — создание с помощью информационного массива социальных проектов. Социальный проект представляет собой источник информации, предоставляющий знания о будущем желаемом состоянии

социальной системы или процесса. В проекте отражено будущее желаемое состояние системы (возникает при целенаправленных действиях людей, наличии определенных финансовых, трудовых, материальных, топливно-энергетических и других ресурсов, в том числе интеллектуальных, познавательных, эвристических, ценностных). Социальный проект должен содержать систему общих параметров проектируемого объекта и систему параметров его подсистем, элементов, их связей [4]. Перспективная цель социального проекта — создание сбалансированных коллективных отношений с учетом

объективных условий и жизнедеятельности различных социальных групп.

Таким образом, для систематического анализа состояния социальной зрелости необходимо использовать систему мониторинга социальных резервов. Суть этой системы заключается в регулярных (годовых и промежуточных) измерениях резервов посредством методов социальной диагностики и построения моделей. Полученные результаты являются основой для социальной проектирования развития трудового коллектива [5].

Литература:

1. Аверьянов, Н. Я. Социология: что она знает и может/Н. Я. Аверьянов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://society.polbu.ru/averjanov_sociology/ch26_all.html — Дата доступа: 03.10.2015.
2. Бутрим, Г. А. Социальная диагностика — важнейший технологический этап в решении социальных проблем/Г. А. Бутрим // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.simst.bsu.by/main/guide/butrim/20.pdf> — Дата доступа: 02.10.2015.
3. Иванов, В. Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления/В. Н. Иванов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vuzlib.org/beta3/html/1/4864/4887/> — Дата доступа: 02.10.2015.
4. Луков, В. А. Социальное проектирование/В. А. Луков // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-50161.html?page=8> — Дата доступа: 03.10.2015.
5. Лукашевич, М. П. Социология труда/М. П. Лукашевич // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://uchebnikonline.ru/soziologia/sotsiologiya_pratsi_lukashevich_mp/sotsialni_rezervi_sotsialna_diagnostika_sotsialne_proektivannyya_trudovomu_kolektivi.htm — Дата доступа: 03.10.2015.
6. Лысакова, Г. М. Управление социальным проектированием организаций/Г. М. Лысакова // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gendocs.ru/v35270/?cc=10> — Дата доступа: 02.10.2015.

Распределение социальных функций супругов в молодой семье

Кракулева Изабелла Андреевна, студент;
Петровская Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент;
Петухова Ирина Сергеевна, преподаватель
Петрозаводский государственный университет

Происходящие в последнее время экономические и социальные трансформации в российском обществе затрагивают все социальные институты, в том числе и институт семьи. Сегодня происходит сложный процесс адаптации населения к новым социально-экономическим условиям. Среди тех, кто особо нуждается в поддержке — молодые семьи. Именно семье принадлежит главная роль в заботе о здоровье и воспитании детей, в семье закладываются основы для свободного развития личности, прививаются моральные и нравственные ценности.

Создавая семью, молодые люди сталкиваются с проблемой так называемой взаимной социализации. Молодым супругам приходится осваивать содержание боль-

шого количества новых социальных ролей: им необходимо определить, как будут распределяться домашние обязанности, кто будет выполнять функции воспитания и ухода за детьми, кому принадлежит роль главы семьи, на ком лежит ответственность по материальному обеспечению в семье. Современная молодая семья воспринимается как демократический союз с налаженной кооперацией труда, где муж и жена выступают в роли агентов взаимной социализации. Однако, случается, что взгляды молодых супругов на выполнение гендерных ролей в семейной жизни не совпадают.

Семья является объектом изучения многих наук: социологии, психологии, педагогики, демографии, этики,

истории и др. Это факт подтверждает множественность подходов к определению понятия семьи. По мнению А. Г. Харчева, семью можно определить, как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, эмоциональной связью и взаимными моральными обязанностями [4]. Молодой семьей считается семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей — без ограничения продолжительности брака) при условии, что ни один из супругов не достиг возраста 30-ти лет.

Одной из особенностей молодой семьи является недостаточный уровень материальной и финансовой обеспеченности, так как молодые супруги еще не добились высокой квалификации и получают сравнительно низкую плату за труд, а также не имеют необходимого опыта в планировании бюджета семейной жизни. Кроме того, молодая семья имеет повышенные финансовые потребности в связи с необходимостью осуществления процесса становления семейной жизни: приобретение жилья, организация быта, забота о малолетних детях и др.

Особый интерес представляет вопрос типологизации молодых семей. Ф. А. Мустаева выделяет три типа молодых семей. *Традиционный тип семьи* характеризуется ориентацией супругов исключительно на семейные ценности. Формальным лидером в семье является муж. Однако лидерство в семье в значительной мере определяется лидерством в хозяйственно-бытовой сфере. *Второй тип* — супруги, ориентированные преимущественно на личностное развитие. Они имеют установку на малодетную семью. В такой семье наблюдается социально-ролевое равновесие. *Третий тип* — молодые супруги ориентированы преимущественно на развлечения. При этом муж и жена могут иметь как общий круг друзей, так и друзей только своего окружения. Репродуктивные установки ориентированы на бездетную или малодетную семью.

Семья, как общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства, выполняет важнейшие социальные функции: генеративная (репродуктивная), психологическая (психотерапевтическая), социально-культурная, экономическая и хозяйственно-бытовая, коммуникативная, гедонистическая [1].

Государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышения качества жизни семьи [2]. Объектом государственной семейной политики является семья. Реализация государственной семейной политики по отношению к молодой семье имеет свои особенности. Так, государственная политика молодой семьи не сводится только к материальной

поддержке и помощи в выполнении ее функций, а направлена на создания условия для активного участия семейного союза в жизни российского общества. К числу основных направлений социальной политики по отношению к молодой семье относят: формирование активной жизненной позиции; содействие социальной адаптации и повышению конкурентоспособности молодежи; организация здорового образа жизни молодых людей; укрепление института молодой семьи; информационное обеспечение молодежи [3].

Молодые семьи в процессе своего становления и жизнедеятельности испытывают трудности. В Концепции государственной семейной политики в отношении молодой семьи выделено два блока наиболее актуальных проблем молодой семьи: социально-экономические и социально-психологические проблемы. К социально-экономическим проблемам относятся проблемы материальной обеспеченности, жилья и трудоустройства молодых супругов. Невостребованность молодого специалиста на рынке труда, либо низкая заработная плата ввиду отсутствия опыта работы способствуют ухудшению материального положения молодых семей и снижению жизненного уровня населения страны в целом. К социально-психологическим проблемам относятся проблемы, связанные с адаптацией молодых супругов друг к другу, к новой ситуации.

Целуйко В. М. в своей работе отдельно выделила вопросы, связанные с особенностями становления молодой семьи и теми психологическими трудностями, которые возникают в семьях на начальных этапах организации совместной жизни. В ее работе подробно рассматриваются кризисные ситуации, возникающие на протяжении жизненного цикла семьи, внутрисемейные проблемы супружеской пары при повторном вступлении в брак, особенности воспитания детей в сводной семье [5].

Е. С. Калмыкова, рассматривая межличностные отношения в семье, особое внимание уделяет психологическим проблемам первых лет супружеской жизни. Первые год-два совместной жизни — это первая стадия жизненного цикла семьи, стадия формирования индивидуальных стереотипов общения, согласования систем ценностей и выработки общей мировоззренческой позиции. На этой стадии происходит взаимное приспособление супругов, поиск такого типа отношений, который удовлетворял бы обоим. При этом перед супругами стоят задачи формирования структуры семьи, распределения ролей между мужем и женой и выработки общих внутрисемейных ценностей.

Распределение ролей в молодой семье проявляется в том, какие виды семейной деятельности каждый супруг берет под свою ответственность и какие адресует своему партнеру. Семейные ценности, в свою очередь, представляют установки супругов по поводу того, для чего существует семья. Для благополучного осуществления взаимной адаптации брачных партнеров необходимо достижение совместимости их представлений друг о друге.

В. П. Меньшутин отмечает, что адаптационный процесс значительно усложняется вследствие того, что каждый из супругов привносит в новую семью опыт родительской семьи, супружеских отношений родителей: довольно часто в молодой семье сталкиваются и переплетаются между собой две «психологии»: «психология» семьи, где вырос муж, и «психология» родительской семьи жены. Т. А. Гурко, рассматривая проблему стабильности молодой семьи, полагает, что сложности во взаимоотношениях молодых супругов обусловлены, прежде всего, тем, что в современной семье образцы поведения мужа и жены становятся все менее «жесткими».

С целью изучения положения молодой семьи, а также распределения социальных функций супругов в молодой семье, автором статьи было проведено эмпирическое исследование. На сегодня, в городе Петрозаводске каждый год регистрируется в среднем 644 брака, в которых возраст одного или обоих супругов не достигает 30 лет. Выборку исследования составили 258 человек, состоящих в официально зарегистрированном браке: 129 мужчин и 129 женщин. Возраст самого молодого респондента составляет 20 лет, самого старшего — 30.

Все респонденты назвали любовь в качестве основополагающей причины заключения брака. Среди них 8% в качестве дополнительной причины отметили беременность; 10% отметили, что в силу длительного совместного проживания, решили «узаконить» свои отношения. К сожалению, далеко не во всех случаях после вступления в брак у молодых супругов усиливаются чувства любви и привязанности друг к другу: 71% респондентов положительно ответили на вопрос.

В 60% молодых семей не было детей; 78% из них в качестве основной причины отсутствия ребенка назвали невозможность «родить и вырастить ребенка в нормальных условиях». Среди основных трудностей — материальные и жилищные, некоторые респонденты получают образование в высших и средне-специальных учебных заведениях; 22% респондентов не хотят иметь детей.

Согласно проведенному исследованию, 65% респондентов испытывают финансовые трудности. Среди основных причин трудностей были названы: «большой ипотечный платеж», «маленькое пособие по уходу за ребенком», «один из членов семьи — безработный», «повышение уровня цен на продукты питания и коммунальные услуги».

В исследовании также был поставлен вопрос, касающийся эмоциональной составляющей семейных отно-

шений. У 60% респондентов возникают конфликты примерно 1–3 раза в месяц. Конфликт — это неотъемлемая часть отношений в любой семье; самое главное — умение разрешать конфликты, а не оставлять ситуацию на самотек. Более 90% респондентов готовы всегда поддерживать друг друга в трудной жизненной ситуации. 94% удовлетворены своим браком и считают, что в их отношениях господствует только радость и счастье.

Еще одним направлением исследования является изучение распределения социальных ролей между супругами и удовлетворенность семейной жизнью из числа опрашиваемых, 56% молодых людей отметили, что не сталкивались с подобными трудностями. Традиционный образец поведения и распределения ролей в молодой семье становится все менее популярным. Его поддержали только 40% респондентов; 57% выступают за прямое равенство мужчины и женщины в выполнении семейных функций, где муж с женой имеют равный социальный статус и заработок и равное участие в принятии семейных решений. На основании полученных ответов можно судить, что в современной семье снижается роль мужчины в семье; все большее количество молодых людей поддерживают равноправие мужчины и женщины в выполнении семейных обязанностей. Около 40% респондентов согласились с тем, что одной из основных проблем современного брака является то, что со временем партнеры устают друг от друга, со временем привыкают и «надоедают» друг другу; 80% респондентов думают, что большинство людей обманываются своих ожиданиях относительно брака. Эта проблема имеет распространенный характер и говорит об актуальности и необходимости ее разрешения.

Таким образом, семья выступает важнейшим институтом общества, поэтому, основываясь на состоянии современной семьи, можно судить об общественном и государственном развитии, социальной безопасности общества. Политика государства должна быть направлена на создание здоровой и прочной семьи; необходимо максимально поддерживать те семьи, которые находятся на этапе формирования своей семейной жизни. Проблема организации социальной поддержки молодых семей на федеральном и региональном уровнях предполагает необходимость рассмотрения молодой семьи как особой социальной категории, со специфическими интересами и потребностями. Невозможность удовлетворения этих потребностей нарушает процесс нормального функционирования семьи.

Литература:

1. Кравченко, Ю. В. Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 4 (108). — с. 5–9.
2. Об основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ № 712 от 14 мая 1996 (с изм. Указа Президента РФ № 1129 от 5 октября 2002 г.) // Консультант Плюс.

3. Удальцова, В. М., Носова Н. С. Молодая семья как объект социальной политики/В. М. Удальцова, Н. С. Носова // Омский научный вестник. — 2010. — № 3—88. — с. 15.
4. Харчев, А. Г. Брак и семья/А. Г. Харчев. — М.: «Мысль», 1999. — с. 8.
5. Целуйко, В. М. Психология современной семьи: книга для педагогов и родителей. — М.: ВЛАДОС, 2006. — с. 82.

Система профилактики насилия в семье как фактор социальной безопасности

Петровская Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент;

Петухова Ирина Сергеевна, преподаватель;

Ребеко Виктория Андреевна, студент

Петрозаводский государственный университет

Случаи возникновения семейного насилия возросли не только на уровне индивидуального поведения, но и на государственном уровне. В первую очередь, это обусловлено социально-экономическими проблемами: угроза демографического взрыва, массовая деградация и голод, нищета; резкое падение общественных нравов и семейных ценностей. Насилие в семье сегодня является одной из самых серьезных социальных проблем, существующей во многих странах мира. Параллельно, появляются и другие обязательные для разрешения проблемы внутреннего характера — рост преступности, беспризорности и безнадзорности, преступности и наркомании.

Национальная безопасность и спокойствие современного российского общества тесно связана с положением в обществе института семьи. В настоящее время в России проблема семейного насилия становится все более зримой и осязаемой. По данным Уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации, ежегодно, около 38000 детей уходят из семей в связи с жестоким обращением родителей и неблагоприятным материальным положением. По данным ООН, от произвола родителей ежегодно страдает около 2 млн. детей в возрасте до 14 лет; каждый десятый из них умирает; примерно 2 тыс. детей кончают жизнь самоубийством. По данным исследования, проведенного советом женщин Московского Государственного университета, более половины женщин (58%) подвергались агрессии со стороны мужчины. Примерно 54% женщин подвергались экономическому насилию; 57% считают, что их мужья время от времени унижают и оскорбляют их [3].

Впервые в мире насилие в семье было признано социальной проблемой национального масштаба в США. Кроме того, сегодня в США находятся крупнейшие центры по развитию теоретической базы, методологии и инструментария по изучению семейного насилия. В течение 60-х, 70 — х и первой половины 80-х, ситуация в США характеризовалась бездействием в отношении

домашнего насилия. Первые исследования были проведены Л. Шерманом и Р. Берксом в 1984 году. Эти исследования легли в основу законов обязательного ареста и судопроизводства в отношении агрессора. Начиная со второй половины 80-х годов стали активно проводиться исследования в области семейного насилия. Защите интересов женщин, которые являются жертвами домашнего насилия, посвящены исследования М. Котлера, Р. Чейза, З. Ецзинковитц и Е. Бушбайндер, Ч. Хана и др. Одна из самых прогрессивных теорий была разработана Л. Миллс. В своих работах она основывается на том, что наказание «насильника» не решает проблему, а наоборот, усугубляет ситуацию. Автор подвергла критике феминистские теории, лежащие в основе современной практики реагирования на насилие в американских семьях [1].

Дж. Хирн и М. Шеллер разработали структурную теорию изучения насилия. Большое внимание они уделили изучению патриархата, ставящего любого мужчину в положение потенциального насильника. Дж. Хирн подробно исследует связь мужчины с властью и контролем, анализирует «мужскую культуру» насилия [4]. Не менее известны труды Боулби, Корво, Де Лозье, Саймондес, которые разработали теорию привязанности, согласно которой все внимание фокусируется на аффективной (основанной на эмоциональной базе) поддержке акта насилия, которая привязывает внутренние рабочие модели межпоколенческой трансмиссии к плохому обращению с другим человеком. Оно оказывает влияние на образование разных видов взаимоотношений привязанности, которые человек выбирает на протяжении всей своей жизни.

Одним из основных трудов отечественных ученых можно назвать работу С. Полениной «Гендерная проблематика в праве: права женщин». Особую значимость этой работы представляет то, что автор рассматривает права женщин как неотъемлемую составляющую проблематики прав человека, как одно из «важнейших достижений цивилизации» [2].

Под насилием подразумевается «применение грубой физической силы к кому-либо»; «нарушение личной неприкосновенности»; «принудительные действия в отношении какого-либо лица»; «притеснение, беззаконие». Существует множество подходов к классификации домашнего насилия. На наш взгляд, самым распространенным подходом является выделение пяти форм семейного насилия: физическое насилие, сексуальное, психологическое, экономическое насилие, пренебрежение.

Физическое насилие — наиболее распространенная и опасная форма домашнего насилия. Результаты исследований показывают, что до 75% жертв, которые подверглись физическому насилию, получили серьезные повреждения, представляющие угрозу для жизни и здоровья жертвы. Сексуальное насилие нередко «приветствуется» в российских семьях. Причина этому — стереотипы, согласно которым, мужчина, вступая в брак, наделяется безусловным правом на супругу, на сексуальные отношения с ней, на возможность применения силы в случае отказа. Психологическая форма насилия является не менее распространенной в современном обществе. Насмешки, оскорбления, тотальный контроль могут привести к значительным страданиям жертвы, депрессиям, страху, к попыткам покончить жизнь самоубийством. Экономическое насилие часто рассматривается в контексте экономической зависимости. Названная зависимость необходима агрессору для поддержания состояния страха у жертвы. Наконец, такой тип насилия как пренебрежение, характеризуется частичным или полным игнорированием нужд, потребностей человека. Очень част применяется в отношении лиц с инвалидностью, пожилых членов семьи, детей.

В настоящее время в России до сих пор отсутствует специальное законодательство, направленное на профилактику домашнего насилия, регулирующее помощь жертве. На протяжении более чем десяти лет предпринимаются попытки его разработать, но они пока не принесли ощутимого результата. Вместе с тем, в Российской Федерации ратифицирована Конвенция по защите прав женщин. Так, в Конституции Российской Федерации провозглашается, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ст. 21, п. 2). Одна из глав Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18, ст. 131–135). Кроме того, определена ответственность за различные формы физического насилия (ст. 116–117), за угрозы и клевету (ст. 129), за оскорбления (ст. 130).

В российской практике, подобно мировому опыту, основными институциональными формами работы со случаями семейного насилия являются: кризисные центры, социальные приюты для детей и семей, «телефоны доверия», учреждения социального обслуживания семей и детей, психолого-медико-социальные центры. Необходи-

мо также отметить Центры психологической помощи, Центры социальной помощи семье и детям.

Кризисные центры предоставляют экстренную психологическую помощь жертвам домашнего насилия. Среди основных задач Центра можно выделить оказание экстренной психологической помощи жертвам домашнего насилия, а также психологическое сопровождение пострадавших от семейно-бытового насилия, включающие индивидуальные юридические и психологические консультации и семейную терапию. Основной формой работы Кризисного центра является очное консультирование. Пострадавшие имеют возможность общаться непосредственно со специалистами-психологами, врачами, педагогами, юристами и др. В ряде кризисных центров проводятся групповые занятия, в том числе организуются группы само- и взаимопомощи.

Социальные приюты — учреждения для женщин и детей, пострадавших от бытового насилия. Как правило, в социальных приютах оказывается психологическая, юридическая, социально-бытовая помощь женщинам, находящимся в опасном для физического и психического здоровья состоянии, или подвергшимся психологическому или физическому насилию. В ряде случаев пострадавшим предоставляется временное проживание. В структуру Социального приюта могут входить следующие подразделения: приемное отделение, социальная гостиная, семейная воспитательная группа, отделение диагностики и социальной реабилитации, отделение социально-правовой помощи, отделение перевозки жертв семейного насилия.

Телефон доверия — один из видов социально-значимых услуг лицам, пострадавшим от насилия. Телефон доверия предоставляет возможность анонимного телефонного разговора с квалифицированным консультантом. В ходе разговора пострадавшему предоставляется информационная и психологическая поддержка. Телефон доверия часто используется для консультирования по сложным, противоречивым темам, обсуждение которых при личной беседе может быть затруднительным: межличностные и сексуальные взаимоотношения, стигматизированные болезни, употребление наркотиков, преступления.

Существует также и практика *кризисного вмешательства* в отделениях «скорой помощи» при больницах, поскольку именно сюда в первую очередь обращаются пострадавшие. Пока врач оказывает первую медицинскую помощь, социальный работник устанавливает причину происшествия, разъясняет возможные последствия и предлагает дальнейшую помощь по изменению ситуации.

В *Центрах психологической помощи, центрах социальной помощи семье и детям* обязательно формируется мультипрофессиональная команда, которая состоит из терапевта, медсестры, психолога, юриста, полицейского и специалиста по социальной работе. Ответственность за обеспечение согласованной работы всех

участников группы, коллективное обсуждение ситуации в семье, надежность информации, коллективную оценку доступных ресурсов, а также за определение стратегии работы со случаем и функциональных обязанностей каждого специалиста ложиться на координатора мультипрофессиональной команды.

Система межведомственного взаимодействия по профилактике семейного насилия в Российской Федерации представлена в виде взаимосвязи следующих субъектов: Органы управления здравоохранением и учреждения здравоохранения; Органы управления социальной защитой населения и учреждения социального обслуживания; Органы управления образованием и образовательные учреждения; Органы Внутренних Дел; Органы опеки и попечительства; Органы по делам молодежи и учреждения органов по делам молодежи; Органы Службы занятости; Органы и учреждения культуры, досуга, спорта и туризма; Общественные организации и объединения.

Таким образом, существует множество теоретических подходов к понятию семейного насилия. Все они рассматривают понятие насилия с разных сторон: с точки зрения субъектов совершения акта насилия, причин их поведения, скрывающихся как во врожденных психических особенностях, так и в приобретенных. Среди последствий домаш-

него насилия можно выделить снижение самооценки пострадавшего, развитие пренебрежительного отношения к собственной жизни и одновременное принятие на себя ответственности за насильственное поведение партнера, развитие тревожности, формирование патогенного невроза и пр.

Наиболее важным аспектом в решении проблемы насилия в семье является информированность населения. Профилактика предусматривает все способы информирования населения об особенностях семейного насилия: понятие, виды, последствия семейного насилия, а также об альтернативных отношениях, основа которых — гармония в семье.

Одна из актуальных проблем профилактики семейного насилия — проблема сотрудничеством и обмена опытом между службами, занимающимися проблемами насилия в семье. Прогнозирование семейного неблагополучия осуществляется путем изучения документов, проведения бесед, наблюдения, консультирования. Предупреждение семейного насилия должно носить комплексный характер. На современном этапе развития необходимо применение новой идеологии семейной политики — эгалитарных отношений между мужчинами и женщинами и приоритет прав ребенка.

Литература:

1. Лысова, А. В. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США/А. В. Лысова, Н. Г. Щитов // Социол. Журн. — 2008, № 3. — с. 51–53.
2. Поленина, С. Г. Гендерная проблематика в праве: права женщин // Под ред. И. А. Жеребкиной. Введение в гендерные исследования. Часть 1. — Харьков, 2012. — с. 606.
3. Шатрова, Л. А., Ибрагимова В. З. Гендерно-ориентированная социальная работа с детьми. — Казань, 2014. — с. 40–44.
4. Hearn, J. The Gender of Oppression: Men, Masculinities and the Critique of Marxism. — Brighton: Wheatsheat. N. Y., 2011.

Семантико-стилистические, синтаксические и невербальные особенности формирования социальных практик взаимодействия с психически больными периода новой истории

Пиронкова Оксана Фелексовна, кандидат социологических наук, докторант
Классический частный университет (г. Запорожье, Украина)

В статье проведен анализ семантико-стилистических, синтаксических и невербальных особенностей социальных практик отношения к психически больным периода новой истории с целью углубленного понимания социальных процессов как фактора медико-социальной адаптации психически больных.

Выделены первопричины формирования социальных практик взаимодействия с психически больными, а также варианты и особенности вербально-поведенческих практик взаимодействия с психически больными европейских и славянских стран новой истории.

Ключевые слова: вербально-поведенческие практики, социальные практики, психически больные, общество, новая история.

Социальные практики по отношению к психически больным преобразовывались в течение длительного времени и нашли свое отражение в семантико-стилистических и синтаксических особенностях вербально-поведенческих практик.

Различия вербально-поведенческих социальных практик по отношению к психически больным четко прослеживаются в корреляции с различными историческими периодами и подлежат объяснению через изучение их структуры и предпосылок.

Выявление особенностей и систематизация вербально-поведенческих социальных практик взаимодействия с психически больными позволяет выделить наиболее неприемлемые из них, приводящие к стигматизации психически больных, установить их причину и способы социальной коррекции.

Однако, несмотря на социальную значимость проблемы, в специальной социологической литературе она не нашла должного отражения.

Подобные представления положили начало нашей работе. В наших предыдущих исследованиях мы рассмотрели семантико-стилистические и синтаксические особенности формирования вербально-поведенческих практик взаимодействия с психически больными доантичного и античного периодов и периода средневековья [1, 2].

В связи с этим целью настоящего исследования стал анализ семантико-стилистических, синтаксических и невербальных особенностей социальных практик отношения к психически больным периода новой истории.

Материалы и методы исследования: контент-анализ, науковедческий, социологический, семантический анализ.

Результаты исследования. Выявленные семантико-стилистические, синтаксические и невербальные особенности социальных практик по отношению к психически больным позволяют отметить их различия в зависимости от исторического периода, а также выраженное преобразование с тенденцией к дублированию исторически более

ранних вербально-поведенческих практик, но в силу иных каузальных тенденций.

Примечательным является смещение модуса вербально-поведенческих практик взаимодействия с психически больными, с асоциального, характерного для средневековья, в сторону социально-приемлемых практик, что коррелировало с вытеснением доминирующей роли религиозных организаций в государственном устройстве.

В XIV—XV вв. Европа восстанавливает возникшее еще в античный период понятие о душевных болезнях и вводит модус изоляции психически больных, организовав специальные дома для их содержания — госпитали (убежища, пристанища), а также колонии. Возникают тенденции к поиску методов излечения от безумия, изучению его первопричин, постепенно формируется нозологический подход в понимании психических болезней. Тем не менее терапевтические тактики носят неспецифический характер и имеют мало общего с медицинскими манипуляциями как таковыми. В качестве методов лечения больные подвергались избиению, принудительному стоянию на ногах, трепанации черепа с якобы устранением некоей материальной причины болезни — «удалением камня глупости» и т. д. При этом практика недобровольной госпитализации и изоляции, фактически — социального дистанцирования психически больных с последующим применением негуманных методов лечения являлась социальной нормой.

Вплоть до конца XVIII — первой половины XIX века психически больные содержались в этих «лечебных учреждениях» в асоциальных условиях, позиционирующихся как единственно возможные для них место и способ пребывания. Так, Ж.-Э. Д. Эскироль, в 1818 г. на основании собственных наблюдений утверждал, что в психиатрических учреждениях Франции «несчастные» психически больные подвергаются обращению, худшему, чем преступники, и живут в обстановке, достойной зверей [3].

Лишь с конца XVIII века в Европе отношение к психически больным изменилось. Основателями ре-

формы социального общественного сознания в контексте психически больных принято считать главного врача парижской психиатрической больницы Бисетр Ф. Пинеля, который в буквальном смысле снял цепи с пациентов, заявив, что «помешанные» нуждаются не в тюремном содержании, а в лечении, а также автора системы нестеснения («no-restraint») — профессора Лондонского Университета, директора психиатрической больницы в Хенуэлле Джона Конноли [4].

В России путь принятия по отношению к психически больным такой социальной практики как предоставление медицинской помощи, в противовес изоляции, прошел не менее длинный путь, чем в Европе.

Отношение к психически больным претерпело модификацию благодаря Петру III. В 1761 г. он наложил резолюцию на «Указ о табеле о рангах», согласно которой «безумные» должны были помещаться не в монастыри, а в специальные дома для умалишенных — «нарочные дома по примеру доллгаузов в иностранных государствах». В исполнение указа в 1762 году был выпущен первый юридический документ о психиатрии, что перевело социальные практики по отношению к психически больным на нормативный уровень. Однако еще на протяжении десятилетия сохраняется практика изоляции психически больных в монастырях, что свидетельствует о ригидности социальных практик и невозможности их быстрой модификации даже в случае попыток их целенаправленного изменения на государственном уровне. Лишь с 1775 г., благодаря социально-административной реформе, вопросы содержания психически больных полностью переключаются на светские структуры — Приказы общественного призрения, в структуру которых входили богадельни, воспитательные дома, дома сумасшедших и больницы, а с 1809 г. — на государственные структуры [4–6].

Примечательно, что в доллгаузах, позиционирующихся как психиатрические заведения, наличие медика не было обязательным, во главе заведения находился надзиратель, и только с 1828 г. в штат доллгаузов начали входить врачи [7].

С середины XIX века психически больные в России разделялись на подлежащих излечению и неизлечимых с соответствующими различиями в вербально-поведенческих практиках и местах содержания [8]. В то же время такая практика разграничения психически больных подтолкнула к развитию психиатрической науки, изучению особенностей психических заболеваний, их классификаций, развитию новых методов терапии.

С конца XIX века, благодаря С. С. Корсакову, стороннику системы «no restraint», в России отказываются от насильственных мер в отношении психически больных: связывания, использования смиренных рубашек и т. п. [9].

Но все еще вплоть до середины XX века общепринятой социальной нормой являлась принудительная госпитализация больных, обусловленная внеконкурентным преобладанием патерналистской модели.

Значимое место в истории становления отношения к психически больным являет собой период так называемого Третьего Рейха. Именно в это время ранее набравший силу модус принудительного лечения психически больных трансформируется в принудительную эвтаназию с целью расовой гигиены. На подвластных Третьему Рейху территориях психически больные снова подвергаются преследованиям и уничтожению в рамках социальной, а вернее — антисоциальной государственной практики, основанной на превратно понимаемых идеях евгеники. Подобные точки зрения не выступали в качестве обуславливающих вербально-поведенческие социальные практики со времен Платона.

Подобные тенденции сделали возможным убийство более миллиона психически больных, признанных таковыми врачами. К преступлениям, совершенным от имени медицины, относятся как бесчеловечные научные опыты над заключенными и «неудобными», так и стерилизация и убийство лиц, объявленных психически больными, в рамках «проекта эвтаназии» Т-4 [10].

Среди ряда врачей подобная государственная политика в отношении психически больных оправдательно аргументировалась необходимостью агрессивных мер с целью сохранения жизни социума как целого. По прошествии некоторого времени подобные практики в отношении душевно больных претерпели метаморфозу, распространившись и на политически неудобных лиц. Посредством «новых диагнозов», выделенных немецкими психиатрами, появилось множество пациентов, которые страдали «замаскированным слабоумием», «эндогенным нежеланием работать» и пр. В последующем отдельные черты использования социальной стигмы «психически больной» использовались и в Советском Союзе в качестве сдерживающего фактора антирежимных движений; подобный подход получил название «карательная психиатрия», «репрессивная психиатрия». Таким образом, манипулятивное поведение в форме причисления неудобных лиц к психически больным пронизывает практически всю историю человечества от античного периода до новой истории и обусловлено социально одобряемыми формами отрицательного отношения к лицам в случае наличия у них психического заболевания [10–16].

Тем не менее, такие дисквалифирующие и дистанцирующие социальные практики, как избавление от психически больных посредством их изгнания, были не чужды этому историческому периоду.

После завершения Второй мировой войны, декларируемая рядом надгосударственных структур политика взаимодействия с психически больными в корне изменяет модус государственного к ним отношения. Страх общества перед возобновлением аналогичных фашистскому движений через ущемление прав любых социальных групп позволил обезопасить людей с психическими заболеваниями от негуманных социальных практик со стороны государства. С этого периода появляются нормативные документы, гарантирующие права людей любых сословий,

в том числе психически больных. К ним можно отнести «Всеобщую декларацию прав человека», «Венскую декларацию», «Саламанкскую декларацию» и т. д., — которые уравнивают психически больных в правах с психически здоровыми. Это обеспечило тенденцию постепенного отката общества от ранее принятых вербально-поведенческих практик, обуславливающих стигматизацию психически больных. Начинают довлеть практики минимальной изоляции психически больных людей от общества, в том числе в рамках терапии. Отныне в США, Канаде и большинстве стран Европы свыше 90% госпитализаций в психиатрические стационары стали осуществляться на добровольной основе. Модус терапии психически больных не только претерпел модификацию, но и расширился понятиями социальной реабилитации и адаптации. Возникшие в 1960-е годы антигоспитальное и антипсихиатрическое движения привели к явлению деинституционализации с реформированием системы оказания психиатрической помощи, что мотивировало дальнейшее распространение идей по защите гражданских прав душевнобольных и оказало большое влияние на гуманизацию законодательства в сфере психиатрии.

Вербальные практики по отношению к психически больным, по крайней мере, государственно обусловленные, стали подвергаться жесткой цензуре в контексте идей толерантности. Отныне уничижительная, инвективная лексика для определения психически больных признается некорректной, неприемлемой для употребления, вплоть до приобретения значения обсценной. Пересматриваются названия диагнозов с целью «смягчения» их семантического восприятия; определение «болезнь» по отношению к психическим нарушениям заменяется «расстройством» с социально-коннотированной целью.

Однако, не смотря на развертываемые в мире тенденции по ресоциализации психически больных, меры лечения и ухода за ними в области советской психиатрии в значительной степени были реализованы посредством социальной изоляции больных. В течение многих десятилетий в СССР освещение вопросов психиатрии в средствах массовой информации было минимизировано. Данная позиция позволяла оставаться стабильным стереотипу о психически больном и его месте в социуме, что обуславливало выраженную стигматизацию психически больных и негативное к ним отношение. Люди с диагнозом психического расстройства, вне зависимости от степени его тяжести, законодательно ограничивались в социальных правах по сравнению с психически здоровыми лицам [17].

Литература:

1. Пиронкова, О. Ф. Семантико-стилистические и синтаксические особенности формирования вербально-поведенческих практик взаимодействия с психически больными доантичного и античного периодов/О. Ф. Пиронкова // Соціальні технології: актуальні проблеми теорії та практики, 2013. — № 58. — с. 28–35.
2. Піронкова, О. Ф. Семантико-стилістичні та синтаксичні особливості формування вербально-поведінкових практик взаємодії з психічно хворими періоду середньовіччя/О. Ф. Піронкова // Соціальні технології: актуальні проблеми теорії та практики, 2013. — №. 59–60. — с. 137–144.

Следует отметить, что и ныне на постсоветском пространстве сохраняются жесткие законодательные рамки ограничения социальных прав психически больных, — что, тем не менее, не находит осуждения со стороны населения.

Выводы. Вербально-поведенческие социальные практики периода новой истории стало возможным разделить на индивидуальные, общественные и надобщественные. Последние включают в себя государственные институты и государство как единый социальный организм, а также религиозные организации. Следует отметить изменение весомости государственного влияния на формирование социальных практик по отношению к психически больным в сравнении с религиозными институтами. Так, государственная политика в период новой истории приобретает ключевое значение в формировании социальных практик, тогда как религиозные организации утрачивают прежнюю весомость; отныне их влияние на формирование социальных практик по отношению к психически больным теряет свою глобальность и ограничивается распространением на узкие социальные группы, фактически, приобретает локальность, и отныне не несет императивного характера. Модус политики конфессиональных систем также претерпевает изменения — и в большинстве конфессий приобретает характеристику патерналистского отношения, выраженного сострадания и терпимости.

Новая история характеризуется стремительной сменой ключевых модусов социальных практик по отношению к психически больным: от уничтожения, изолирования от общества и принудительного лечения до социальной адаптации и добровольности терапии. Примечательным является двойственность внедряемых практик в рамках одного пула их субъектов. Так, на государственном уровне пропагандируется «неущемление» прав психически больных — и одновременно с этим ужесточается нормативная база, вносящая ограничения на законодательном уровне.

Характерна «ригидность» практик, когда в рамках изменения их модуса предыдущий остается и продолжает реализовываться неосознанно — как наиболее привычный. Подобный механизм приводит к возникновению гетерогенности социальных практик либо их полиморфизму за счет вынужденного слияния старых (устоявшихся) и новых модусов практик по отношению к психически больным. С одной стороны, это тормозит и даже делает невозможной развертывание принятой к реализации позиции, с другой — рождает новую, зачастую, более безболезненно принимаемую социумом в целом.

3. Звягин, И. М. История отношения к душевнобольным [Электронный ресурс]/И. М. Звягин. — Режим доступа: <http://patologia.su/load/9-1-0-26>.
4. Рохлин, Л. Л. Очерки психиатрии. Тр. Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. — М., 1967. — Т. 48. — 391 с.
5. Шерешевский, А. М., Рохлина М. Л., Том А., Кестнер И. Знаменательные и юбилейные даты невропатологии и психиатрии 1888 г. // Журн. невропат. и психиатр. им. С. С. Корсакова. — 1988. — Т. 88. — № 1. — с. 114–130.
6. Осипов, В. П. Курс общего учения о душевных болезнях. — Берлин, Гос. изд. РСФСР, 1923. — 723 с.
7. Каннабих, Ю. В. История психиатрии. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 235 с.
8. Донсков, Н. А. Отчет о деятельности Убежища душевно-больных Казанского Губернского Земства. — Казань, 1910. — 71 с.
9. Корсаков, С. С. Избранные произведения. — М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1954. — 772 с.
10. Петрюк, П. Т. Психиатрия при нацизме: характеристика некоторых трагических особенностей. Сообщение 1 // Психічне здоров'я. — 2010. — № 3. — с. 71–80.
11. Подрабинек, А. П. Карательная медицина/А. П. Подрабинек. — Нью-Йорк: Хроника, 1979. — 223 с.
12. Strous, R. D. Врачи и их преступления против человечества в нацистской Германии [Электронный ресурс]/R. D. Strous. — Режим доступа: <http://protivpytok.org/biblioteka/986-2>.
13. Strous, R. D. To protect or to publish: confidentiality and the fate of the mentally ill victims of Nazi euthanasia/R. D. Strous // J Med Ethics. — 2009. — № 35. — P. 361–364.
14. Lifton, R. The Nazi doctors: medical killing and the psychology of genocide/R. Lifton/N. Y.: Basic. — 1986.
15. Proctor, R. N. Racial hygiene: medicine under the Nazis/R. N. Proctoe // Cambridge: Harvard University Press. — 1988.
16. Dörner, K. Bürger und Irre: zur Sozialgeschichte und Wissenschaftssoziologie der Psychiatrie. — zweite, verbesserte und ergänzte Auflage. — Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1995. — 362 p.
17. Новиков, Е. Отверженные. Об отношении общества к психически больным. Этический анализ/Е. Новиков // Здравый смысл. — 2004. — № 4 (33). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://razumru.ru/humanism/journal/33/novikov.htm>

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Оспаривание первичности драматургии в современном режиссерском театре

Васильев Артем Станиславович, преподаватель
Тюменский государственный институт культуры

В данной статье рассматривается доминанта режиссуры в современном театральном процессе создания спектакля, а также исследуется отражение режиссерской судьбы в спектакле.

Ключевые слова: режиссер, драматургия, современное театральное искусство.

Doubts in primal nature of dramaturgy in modern theatre

A. S. Vasiliev
Tyumen State University of Culture

Main issues of this article are dominant role of directors in modern theatre production processes and reflection of director's own experience affecting the performance.

Key words: director, dramaturgy modern theatre production.

На сегодняшний день в современном театральном искусстве немало внимания уделяется личности режиссера: для кого-то, жизнь творца спектакля неразделимо вплетена в понимание его творческого продукта, каждый зритель ищет своего режиссера, подходящий именно ему стиль, темы разговора. А это значит, что профессия режиссера в театральном процессе обрастает все новыми и новыми критериями, понятиями, функциями и на уровне теоретического понимания роли режиссера в театре необходима определенная доля систематизации.

В театральном искусстве, начиная со времен античности, утверждение о том, что драматургия первична, не подвергалось никаким сомнениям. Практически, во всех учебниках по теории и истории театра, драматургия наделяется свойством первичности в театральном искусстве. Но, на наш взгляд, говорить о первичности драматургии в современной театральной постановке не верно. Доминанта драматургии в дорежиссерском театре действительно неоспорима, но весьма сомнительно говорить о ней в режиссерском театре.

Дифференциацию истории театрального искусства на до режиссерский и режиссерский театр предлагает Сергей Васильевич Владимиров (1921–1972) — выдающийся литературовед и театровед, историк, теоретик и театральный критик, автор таких трудов, как «Драма. Режиссер. Спектакль», «Действие в драме», «К истории

режиссуры». Для более детального исследования истории режиссерского искусства обратимся к его работам.

Владимиров С.В. отмечает феноменальность и парадоксальность данной профессии. «В театр приходит носитель специфической художественной специальности, но, ни слова, ни вида на сцене не получает» [2;8]. С появлением режиссера процесс трансформации драматургического материала в спектакль получил новые критерии. Прежде чем говорить об истории возникновения режиссерской деятельности, нужно отметить, что человек, организующий процесс создания спектакля, прямого отношения к режиссуре не имеет. Владимиров С.В. разделяет постановочное искусство и режиссуру. Постановочное искусство рождается вместе с театром, но в данном случае, все сводится скорее к организации. Попробуем разобраться, что такое режиссура, какова ее история, и в чем ее отличие от постановочной деятельности.

Во Франции появление режиссуры связывают с первой постановкой «Свободного театра» А. Антуана 30 марта 1889 года. В Германии — с появлением Мейненгенского и Бейретского театров 70–80-х годов XIX столетия, в России — с открытием Московского Художественного театра в 1898 году. «Мы можем считать последнюю четверть XIX столетия интервалом, в котором возник режиссерский театр» [2; 10]. Владимиров С.В. отмечает, что театру было необходимо найти новый подход в понимании

и реализации современного спектакля, по-новому осмыслить классику, иностранную литературу. Словом, удовлетворить возникшую в XIX веке потребность мог только режиссерский театр. Театр, в котором художник остро чувствовал время, мог проникнуть в его драматизм «через драматургию, но на равном с ней уровне творческого мышления, со специфическими открытиями, невозможными в драме» [2;79]. Режиссер становится самостоятельным художником, и, как правильно замечает Владимиров С. В., на равном уровне с драматургией. Режиссер не просто посредник между актером и пьесой, а творческая единица, которая возглавляет, направляет. Когда творческая инициатива перешла одному человеку, то «спектакль начал формироваться как единство высшего порядка, целостное во всех частях, сосредоточенное в своей идейно художественной направленности» [1;100].

Сегодня театр без режиссера представить невозможно. Что уж говорить, но на афише зритель, как правило, смотрит режиссеров-постановщиков, и посещает уже спектакли полюбившихся, тогда как раньше зрителя интересовал актерский состав. Режиссерское искусство, каким оно понимается сегодня, сравнительно молодое, но, тем не менее, актерских школ, законов режиссуры не так уж и мало.

Когда речь идет о режиссере, то в первую очередь, конечно, нужно сказать, что его личностные взгляды и мировоззрение фундаментально присутствуют в спектакле. Если рассматривать акт создания спектакля с режиссерской точки зрения, то можно предположить, что режиссер, осуществляя постановку спектакля, реализовывает свое отношение к проблеме, предложенной драматургом, посредством пьесы и актера, для того, чтобы состоялся разговор со зрителем. Если исследовать режиссерскую деятельность, то нужно рассматривать спектакль как режиссерское отношение к проблеме. Но для того, чтобы понять, почему режиссер трактует пьесу именно так, а не иначе, стоит обратиться к его биографии, которая и сформировала режиссера как личность, выработав определенную точку зрения на проблему. Злотникова Т. утверждает в своей работе под названием «Принципы анализа спектакля как психологического инварианта судьбы режиссера», что спектакль можно рассматривать как психологический портрет судьбы режиссера.

Литература:

1. Владимиров, С.В. Драма. Режиссер. Спектакль/Сост. Н. Б. Владимирова/С.В. Владимиров. — Ленинград: Искусство, 1976. 223 с.
2. Владимиров, С.В. К истории режиссуры/Ред.-сост. и примеч. А.П. Варламова: В 2 ч. — Ч. 1: Исторические предпосылки возникновения режиссуры. Театральные дневники (1956–1965)/С.В. Владимиров. — Санкт-Петербург, 2012. — 307 с.
3. Годер, Д. Стенгазета. NET/Любовник театра/ [Электронный ресурс] 31.10.2006. 9. — Режим доступа: <http://stengazeta.net>
4. Границы спектакля: Сборник статей и материалов/Ред. колл. Ю. М. Барбой, Л. И. Гительман, Е. И. Горфункель (отв. ред.), Г. А. Лапкина, Г. В. Титова, сост. е. И. Горфункель, Г. А. Лапкина, А. А. Юрьев. — Санкт-Петербург, 1999. — 175 с.

Злотникова Т. рассматривает в своей статье особенность эмоционального посыла в режиссерском творчестве, подчеркивает важность исследования художественной эмоции при анализе спектакля, доказывая это на примере режиссерской судьбы Анатолия Эфроса. У Анатолия Эфроса в отношениях с театром случилось два ухода, которые он и ознаменовывает двумя спектаклями о театре: «уходу из театра им. Ленинского комсомола предшествовал булгаковский «Мольер»; уходу с Малой Бронной — «Директор театра» И. Дворецкого» [4;21]. Два спектакля о театре — это исповедь художника о разных проблемах в разное время. Во многих книгах и от многих режиссеров мы слышим, что спектакль должен быть исповедальным. А это значит, что режиссер, чья исповедь и случается, ведущая часть театрального процесса, весомая часть спектакля, его фундаментальная составляющая. Поэтому практически любой спектакль можно анализировать, учитывая «пограничные ситуации их биографии» [4;19].

Можно также отметить, что любой спектакль — есть выражение режиссерского мироощущения, его философской теории понимания мира. Если, например, рассмотреть один из спектаклей Романа Виктюка, советского, российского и украинского театрального режиссера, то можно сделать вывод о принадлежности режиссера к фрейдизму. Можно совершенно точно в этом убедиться, например, в его спектакле «Служанки» Ж. Жене, где женские роли играют мужчины, особое отношение к голосу и пластике, акценты на полуобнаженных телах актеров и т.д. Сам режиссер не скрывает и даже «любит говорить о том, что для понимания его спектаклей необходимо знать философию, психологию, особенно фрейдизм» [3;1].

Из всего вышеизложенного следует, что режиссерский вклад в спектакле гораздо более весомый и значимый, нежели драматургический. Все подчинено идее режиссера, его замыслу, его посылу, его мироощущению. Сама пьеса выбирается режиссером с учетом его душевного состояния интеллектуальных потребностей. А это значит, что доминирующим и фундаментальным в спектакле является режиссерская идея, именно она реализуется посредством текста, актера, художника и т.д.

5. Завадский, Ю. А. Рождение спектакля [Текст]/Ю. А. Завадский. — Москва: Всероссийское театральное общество, 1975. — 144 с.
6. Карп, В. И. Основы режиссуры [Текст]/В. И. Карп. — Москва, 2003. — 154 с.
7. Станиславский, К. С. Моя жизнь в искусстве: собрание сочинений [Текст]: в 8-и т./К. С. Станиславский. — Москва: Искусство, 1954. — 342 с. — 2 т.

Золотые амулеты местности Готхап вьетнамской провинции Донгхап I–VII вв.

Во Ван Лак, аспирант

Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова

Распространение буддизма и индуизма в Южном Вьетнаме способствовало развитию духовности и веры в королевстве Фунам I–VII вв. (культура Окэо). Люди считали, что амулет, выполненный из золота, обладает магической силой, а воспроизведенные на нем образы богов непосредственно могут оказывать влияние на человеческую жизнь. Изображения индуистских богов (Вишну, Шивы и др.) говорят о богатстве духовной жизни. Визуальный примитивный язык, с помощью которого передавались реалии религиозной жизни, обладает особой эстетической ценностью.

Ключевые слова: золотой амулет, буддизм и индуизм в Южном Вьетнаме, боги, Готхап.

Готхап находится в провинции Донгхап, в 20 км от административного центра Каолян. Готхап является «важным религиозным центром» [3, с. 158] культуры Окэо королевства Фунам — империи, которая существовала с I–VII вв. в Южном Вьетнаме.

По мнению исследователей, империя Фунам¹ ослабла в конце VI — начале VII вв. [6, с. 233–234]. Памятники Готхап часто рассказывают о событиях, связанных с Гунаварманом (Gunavarman) — молодым принцем, сыном короля Джаявармана (Jayavarman) семьи Каундиня (Kaundinya)², который с успехом завоевывал территории, но в то же время был очень набожным [3, с. 158]. Среди памятников Готхап множество экспонатов, связанных с духовностью, религией, человеком культуры Окэо.

Впервые предметы искусства Готхап были найдены в XIX в. археологом Прасатом Прамом Ловеном (Prasat Pram Loven). Затем в начале XX в. раскопки провели французские археологи Г. Парментье (H. Parmentier), Ж. И. Чалис (J. Y. Chalys), Л. Мальре (L. Malleret) и обнаружили объекты древней архитектуры, скульптуры, письменности и т. д. В связи с двумя большими войнами (французским колонизаторством и американским империализмом) на долгое время были прерваны исследования этой культуры. Затем в 1975, 1983, 1984, 1993, 1998 гг. и позже проводились раскопки, в результате которых было обнаружено множество предметов того времени [4],

среди них деревянные и каменные статуи Будды, каменные идолы, ювелирные золотые украшения, драгоценные камни и многое другое. «Исследования найденных предметов подтвердили, что культура Готхап существовала с 530 г. до н. э. до VIII в. н. э». [5, с. 204].

Жизнь, религия и культура Окэо была тесно связана с религией буддизма и индуизма и развивалась «в дельте реки Меконг» [2, с. 62].

Существовало четыре варианта прощания с умершим: спустить его тело на воду, сжечь, закопать в землю, оставить на открытой местности, чтобы тело склевали птицы [2, с. 62]. Эти обычаи выражают концепции общества о смерти — мертвых снабжали предметами, которые указывали бы им путь в другой мир. В древних гробницах были обнаружены золотые амулеты, на которых выгравированы боги, колеса, планеты, Будда, боги Вишну, Шива, Брахма, Лингам, Йони и т. д. Изображения-символы, выполненные на золотых амулетах, сочетают элементы индийской религии и повседневной жизни обитателей реки Меконг [2, с. 62].

Основные образы на золотых амулетах: изображения человека, индуистские боги Вишну, Шива и пр., черепахи, рыбы, колеса, цветы, лотосы, коровы, куры, крокодилы, птицы и др., мир природы, фрукты, огонь, лица, геометрические фигуры и т. д.³ «Эти амулеты символизируют веру в буддизм и индуизм, где, в частности, было принято поклоняться Вишну, а также Шиве и Гари-гара.

¹ Согласно древней истории Китая, империя Фунам включала в себя более десяти территорий, среди них Донтонь (или Дьентонь), Хуатдоконь, Кыутхи (или Каулон), Такола, Дьентонь, Кимлань и т. д. Вполне вероятно, что Фунам также колонизировал китайские территории Сиктхо и Чанлап. Jan M. Pluvier, Historical Atlas of South – East Asia // E. J. Brill, Leiden-New York-Holm, 1995.

² Каундиня пересек море, отплыл из Индии. <...> Он выпустил стрелу, пронзив лодку принцессы Льюдьеп. Она приняла поражение и вышла за него замуж. Затем Каундиня стал императором Фунам. Ван Х. Л. Статьи в научных конференциях. Шестидесятилетие с момента обнаружения культуры Ок Эо (1944–2004). Культура Ок Эо империи Фунам. Фунамский государственный научно-исследовательский институт древней литературы и археологии // Ханой: Мир, 2004. С. 231.

³ Из отчета раскопок, проведенных в Готхап. GT93. M1, GT93. M2, GT93. M4 и GT93.

Рис. 1. «Человек». Материал: золото. Хронология: I–VII вв. Раскопки Готхап, Донгтхап. Хранится в музее Донгтхап (Вьетнам)

Изображение помещается в контексте местной культуры, показывая отношения между человеком и природой реки Меконг» [1, с. 127]. Кроме того, визуальный язык рассказывает о верованиях последователей культуры Ок Ео империи Фунам.

Рассмотрим изображение человека на золотом амулете 93GT. M1.2. У него голова свиньи. Автор постарался передать настроение героя, используя простой визуальный язык, выставленные рука и ноги, выполненные с помощью прямых и изогнутых линий, задают движение. В орнаменте амулета использованы точки, которые образуют своеобразные узоры.

На золотом амулете 93GT. M1.6 изображены с помощью простых визуальных приемов и акцента на основные линии человек и летающие птицы.

На золотых амулетах 93GT. M1.7 и 93GT. M4.32 — человек и лотос, которые передают духовные и религиозные верования людей Окэо империи Фунам [4].

Нельзя с полной уверенностью сказать, что все человеческие образы на амулетах являются богами, но все они выполнены в анималистическом жанре; кроме того, свиньи и лотосы были основными образами, соответствующими концепции индуизма. Сочетание различных изображений на амулете передает метафизическое, духовное содержание первобытной культуры Окэо.

Все человеческие изображения созданы с помощью простого визуального метода — путем использования

простых, грубых линии, символических элементов и т. д. для передачи духовного, религиозного смысла.

Изображения богов. Найдены два золотых амулета с богом Вишну, три с изображением Вишну и Вагара, два с богиней Лакшми, два с богом Гаруда и т. д.

На золотом амулете 93GT. M3.14 изображен Макара с огромной пастью. На его голове листья и цветы, что может символизировать плодородие, природу.

На золотом амулете 93GT. M3.15 — цветы и бог Агни. Агни — бог огня, хранитель домашнего очага, защитник.

На золотом амулете 93GT. M4.1 выгравирован бог Вишну. На его голове высокий головной убор, круглое лицо, изогнутые брови, раскосые глаза, большой нос, маленький рот и уши, короткая шея, множество ювелирных изделий (эта форма часто встречается на картинах Окэо). Вишну имеет четыре руки; в каждой разные предметы: диск, раковина, булава и лотос. Его торс оголен. Правая нога немного выставлена вперед.

На золотом амулете 93GT. M4.2 также бог Вишну: высокий головной убор, круглое лицо, брови, нос и глаза изображены с помощью прямых линий, нечетко виден рот, шея, уши, но ярко отображены массивные ювелирные украшения. Согласно индуизму, «бог Вишну появился, чтобы спасти мир, пришедший в упадок» [1, с. 150–151]. В том же виде изображен Вишну и на амулете 93GT. M4.1.

На золотом амулете 93GT. M4.4 описан бог Ваджра, Индра с кинжалами и Вишну с диском. Все боги имеют

свои характерные символы, внесены лишь небольшие изменения, отображающие личные измышления автора.

Птицы изображены на амулетах 93GT. M1.7, 93GT. M1.15 и др. Они переданы в различных состояниях: спящем, в полете, в процессе принятия пищи [4, с. 6–7]. Птица символизирует дух свободы, а также жизнь у реки Меконг. Таким образом, люди культуры Окэо не только высекали изображения богов, но и передавали существование животного мира. Кроме того, в индуизме существует образ птицы-души и птицы-вестника смерти. В «Ведах» написано, что птица — символ дружбы между богом и человеком.

Амулеты имели размер 2 × 3 см. Авторы сосредотачивали свое внимание на основных линиях, создавая яркие образы, при этом некоторые исследователи подчеркивают простоту и примитивность визуальных приемов. Однако эта простота не делает их менее привлекательными, передавая дух эстетики, верования в выгравированное изображение. Стоит отметить, что люди имели минимальные навыки добычи золота, жизнь тогда еще была дикой.

Изображения рыб, пресмыкающихся найдены на золотых амулетах — 93GT. M1.9, 93GT. M1.10, 93GT. M4.17 и др. — и выполнены с помощью мягких, простых линий. Некоторые выполнены без особой детализации, образ является незаконченным, но обязательно переданы характерные черты. Интересен экземпляр 93GT. M4.1. На нем крокодил с крупной головой и широко открытой пастью. Вероятно, это Макара — животное, которое обитает в реке, обычно на нем восседает бог Варуна [4, с. 18]. Река — неотъемлемая часть жизни людей. Макара, как и бог, стоит на защите мирной жизни людей.

Изображения улитки выгравированы на амулетах 93GT. M4.28, 93GT. M5.7, 93GT. M5.12, 93GT. M5.14, 93GT. M5.15, 93GT. M5.16, 93GT. M5.17, 93GT. M5.24. Многие амулеты, на которых вырезаны улитки, создавались для украшения надгробных плит (например, 93GT. M5). Улитки различных форм, у них коническая, крупная голова, круглое тело, закрученный хвост. Эти характеристики подтверждают, что люди наблюдали за природой и повторяли ее структуру. Улитка символизировала бесконечность, постоянное движение, время, непрерывное изменение, что отображалось в спиральной форме ее раковины. Улитка связана не только с божеством Вишну¹, но и отражает дух жизни, обычаи и традиции народа культуры Окэо.

Слон изображен на 93GT. M1.11, подобных амулетов крайне мало. Слон вырезан в движении, мягкими контурами. Эти животные были тесно связаны с жизнью людей, поскольку являлись ездовыми [2, с. 54]. Слоны также символизируют империю Фунам — слон животное большое, сильное.

Черепашки, как и слоны, также найдены на малом количестве амулетов (например, 93GT. M5.26). В Северном Вьетнаме черепаха была символом духовного роста, трудолюбия, но в культуре Окэо она символизирует бога Вишну². Изображение черепахи выполнено весьма вольно, обобщенно, тонкими линиями.

В процессе поиска археологи обнаружили несколько золотых амулетов со змеями. С помощью простых приемов, отображая контур, создавались эти образы. Змея также связана с жизнью людей на болотистой местности империи Фунам. Змеи опасны, они угрожают человеческой жизни. Вероятно, змеи изображались по той причине, что им, как и богам, следует поклоняться. Кроме того, змея является символом бога «великий змей Нага, на котором лежит Вишну, также Нага изображен на оружии бога Ганеши, бога с головой слона, сына Шивы» [2, с. 63].

Бык Нандин символизирует божественное начало, всего найдено четыре подобных амулета. С помощью простого визуального языка выражен глубокий символизм этого образа. «Бык, корова в индуизме представляет богов. <...> Бык Нандин почитался в Южной Индии в эпоху неолита. <...> На нем восседает Шива» [2, с. 63]. Таким образом, изображение коровы на золотом амулете символизирует бога Шиву. Это животное передает религиозный дух, связанный с жизнью народа Фунам, «способность бороться с разрушительными силами природы» [2, с. 62].

Символ колеса найден на 22 амулетах (93GT. M1.16, 93GT. M1.33, 93GT. M3.8, 93GT. M3.10, 93GT. M5.2, 93GT. M5.3, 93GT. M5.4, 93GT. M5.5, 93GT. M5.6, 93GT. M5.9, 93GT. M5.10 и т. д.). Колесо, как правило, состоит из 6, 8, 9, 10 или 12 спиц. На амулетах изображается лишь одно колесо, за редким исключением улитка (символ бога Вишну), бог Брахма, с оружием Индры (молнии)³ и цветы. Само колесо символизирует бога Вишну⁴.

Часто колесо — символ солнца, мира. «Колесо — круг, иногда стилизованный шестиугольник, восьмиугольник. <...> Колесо изображается просто, в основном это круги и прямые линии. Контур грубые, массивные» [4, с. 22].

Также найдено около 22 золотых амулетов с цветами: 93GT. M1.21, 93GT. M1.22, 93GT. M12.3–4, 93GT. M2.5–6, 93GT. M3.11, 93GT. M4.7, 93GT. M3.21, 93GT. M4.11, 93GT. M4.32, 93GT. M5.17, 93GT. M5.19, 93GT. M5.21, 93GT. M5.22, 93GT. M15.28, 93GT. M5.31 и др. На большинстве амулетов высекали изображение лотоса, цветов Шунг, на 1–2 — розы [4, с. 13]. Лотос изображен в трех различных формах: молодой лотос с основанием; крупный цветок лотоса, подробно описано рыльце; несколько слоев лепестков и также подробно описанное рыльце.

Лотос является символом Брахмы — бога-создателя. «Лотос — это духовность. <...> Кроме того, в Индии лотос — символ силы, женского начала, жизни,

¹ Улитка является символом бога Вишну.

² Черепаха — одно из воплощений бога Вишну.

³ Индра — бог грома, одно из верховных божеств индуизма.

⁴ Это основной атрибут защиты бога Вишну, его колеса или диски с шестью спицами символизируют колесо Вселенной.

Рис. 2. «Колесо». Материал: золото. Хронология: I–VII вв. Раскопки Готхап, Донгтхап. Хранится в музее Донгтхап (Вьетнам)

Рис. 3. «Цветок». Материал: золото. Хронология: I–VII вв. Раскопки в Готхап, Донгтхап. Хранится в музее Донгтхап (Вьетнам)

Рис. 4. «Лотос». Материал: золото. Хронология: I–VII вв. Раскопки Готхап, Донгтхап. Хранится в музее Донгтхап (Вьетнам)

процветания и удачи. В буддизме лотос — это чистота, хорошая жизнь. Лотос растет в грязи, но остается чистым, так же, как и Будда» [1, с. 148].

Также были обнаружены золотые амулеты с Лингамом и Йони. Лингам и Йони — распространенные символы в индуистской культуре. Лингам подобен мужскому половому органу, «это символ бога Шивы. Йони — женский половой орган. Лингам и Йони символизируют поклонение Шиве, они подобны ин-янь, передают могущество богов, чистоту религии» [1, с. 150]. Народ Фунам поклонялся им, вызывая у них глубокий уровень доверия. Лингам часто изображается состоящим из двух разных частей, цилиндрической конструкции. Йони — квадрат с кругом в центре. С помощью нанесения линий передается духовное содержание.

Символ бога Шивы — трезубец наряду с быком Нандин и прочими атрибутами. Трезубец обладает структурой пламени. На золотых амулетах он изображается резным. Ему, считающемуся защитником человеческой жизни, поклоняются как самому Шиве.

Дома на сваях отражают жизни народа и архитектуру культуры Окэо империи Фунам. Люди сталкивались с трудностями, живя у воды, среди болот и опасных животных. Строительство домов на сваях стало необходимостью, связанной с защитой жизни, противодействием природным условиям. Таким образом, изображение на зо-

лотых амулетах домов на сваях символизировало жизнь людей.

Изображения на золотых амулетах, символизирующие «поклонение Вишну, Шиве и индуистским богам, приносили уверенность в жизнь людей. Изображения, вырезанные на золотых амулетах, считались обладающими волшебной силой, которая заключалась в материале и нанесенных на них знаках. Амулет способен напрямую воздействовать на человека, который носит его, и даровать поддержку богов» [2, с. 60]. Кроме того, «распространение буддизма и индуизма предоставило возможность развития архитектуры — строительства пагод, храмов, гробниц. Архитектурные памятники и могилы украшались золотыми амулетами» [1, с. 147].

Визуальные приемы и способы, используемые в творческом процессе культуры Окэо, позволяли создавать амулеты путем заливания расплавленного золота. Символы на золотых амулетах, найденные на могилах и памятниках в местности Готхп, явились результатом религиозных потребностей зажиточного класса представителей культуры Окэо. Обнаружение сотен золотых амулетов на могилах демонстрирует высокий уровень духовных верований империи Фунам. Стоит отметить, что местная культура несколько видоизменила религии, пришедшие из Индии, и золотые амулеты явились свидетельством динамичности этих изменений.

Литература:

1. Во, Ш. Х. Культура южных равнин — древние архитектурные памятники // Хошимин: Социальные науки, 2006.
2. Во, Ш. Х. Статьи научных конференций. Шестидесятилетие с момента обнаружения культуры Ок Эо (1944–2004). Культура Ок Эо империи Фунам. Оглянуться назад // Ханой: Мир, 2004. с. 34–67.
3. Дао, Л. К. Статьи научных конференций. Шестидесятилетие с момента обнаружения культуры Ок Эо (1944–2004). Культура Ок Эо империи Фунам. Некоторые характерные памятники культуры Ок Эо на юге Вьетнама // Ханой: Мир, 2004. с. 158.
4. Доклад о раскопках Готхп в 1984, 1993, 1998 гг. Могилы, найденные в Готхп // Донгтап: Музей Донгтап. с. 1–33.
5. Тонг, Т. Т. Шестидесятилетие с момента нахождения культуры Ок Эо (1944–2004). Культура Ок Эо империи Фунам. Вклад в изучение культуры на юге Вьетнама // Ханой: Мир, 2004. с. 204.
6. Фан, Х. Л. Статьи научных конференций. Шестидесятилетие с момента обнаружения культуры Ок Эо (1944–2004). Культура Ок Эо империи Фунам. Фунамский государственный научно-исследовательский институт древней литературы и археологии // Ханой: Мир, 2004. с. 233–234.
7. Jan, M. Pluvier. Historical Atlas of South — East Asia // E. J. Brill, Leiden-New York-Holn, 1995.

On the religious aspects of ethics and legislation

Яргин Сергей Вадимович, кандидат технических наук, доцент
Российский университет дружбы народов

This article has been written on the basis of English translation of the Koran. This transliteration is preferable to the newly proposed spelling Qur'an as the Arabic sound [Q] is absent in many languages. Analysis of the Koran in rela-

tion to the legislation is essential because controversies between legal and religious requirements may force a believer to make a dangerous choice. The Koran is provided by numerous commentaries that often are allegorical and euphe-

mistic. However, the direct meaning of the words is most obvious, the more so as it is stressed in the modern literature that the Koran can be comprehended according to its clear and apparent meaning. The direct sense is used by the extremists. Adherents of Wahhabism insist on a strictly literal interpretation. Immediately upon the Koran are based the ideas of pan-Islamism aimed at the establishing of the global Islamic State. The Koran contains instructions pertaining to the Law, morality, and behavior. Those who disobey injunctions are condemned to undergo everlasting torments, where fire and boiling water are applied, and 'as often as their skins are roasted through' they are replaced by 'fresh skins, that they may taste the penalty' (4:56). Threats are reiterated almost in all Surahs (chapters). Therefore, in case of a controversy between the Koran and the Penal Code, a believer would probably comply with the former, because a terrestrial punishment is negligible compared to the eternal fire. So it is not astonishing that extremists find volunteers to commit suicide attacks; the more so, as 'to him who fighteth in the case of Allah, whether he is slain, soon shall we give him a reward of great value' (4:74).

It is essential for our multicultural society, what kind of instructions are given with regard to adherents of other religions and atheists. The Koran contains numerous damnations and threats to the 'Unbelievers', whereas the curses originate not only from Allah but also 'from all mankind' (2:161). Here follow several examples. 'O ye who believe! Take not for friends Unbelievers' (4:144). It is not allowed to a Moslem to kill another Moslem (2:84; 4:92), but with regard to the 'Unbelievers' other recommendations are valid, for example, 'fight them on until there prevails faith in Allah altogether and everywhere' (8:39). To clear the matter of responsibility for murder, it is further commented: 'It is not ye who slew them, it was Allah (8:17). Some Surahs contain more detailed instructions such as 'smite at their neck at lengths; when ye have thoroughly subdued them, bind a bond firmly on them' (47:4). Jihad, the holy war, is considered as an incumbent religious duty for the purpose of advancing Islam.

One can hear from Moslems that full-scale Unbelievers are only the atheists and pagans, whereas towards the 'People of the Book', in other words, the Christians and the Jews, they are more tolerant. In fact, however, the Koran repeatedly curses 'those who were given a portion of the Book' (4:51–52), equates them to the Unbelievers, claiming that a 'humiliating punishment' is prepared for them (4:151). Particularly, the Christians are 'estranged with enmity and hatred... and soon will Allah show them what it is they have done' (5:14). According to another instruction, the People of the Book must be fought 'until they pay the Jizyah (regular tribute) with willing submission, and feel themselves subdued' (9:29). In conversations with Moslems one can hear that violence in Islam is accepted only as self-defense; however, all the above quotations contain no idea of self-defense in the context. Moreover, the self-defense itself must be within the limits defined by the Law. Many other contradic-

tions between the Koran and modern legislation can be specified, particularly those pertaining to the matter of murder. In such instances, 'the law of equality is prescribed: the free for the free, the slave for the slave, the woman for the woman' (2:178). It means in practice that, instead of the murderer, an innocent person from his kinship may be killed, woman for woman etc. That is why in some Islam-dominated areas the custom of blood revenge has been preserved, which is incompatible with modern criminal legislation (23:6).

The topic of inequality of men and women in the Islamic world is well known. A man may have four wives; apart from his wives, the Koran allows men to have relationships with the 'captives' (23:6). On the contrary to a man, a sexual relation is allowed to a woman only with her husband; and in the case of adultery she may be stoned. In certain cases, corporal punishment of wives is prescribed to their husbands: «spank them» (4:34). Easy procedure of divorce at the husband's behest results in some people 'going through' thirty or more wives during their lifetime (Wells C. Understanding Saudi Arabia. New York, 2003). On the other hand, for a woman a divorce is unattainable or very complicated. Women are also discriminated by the Shariah law in property matters such inheritance, etc.

What solution of the contradictions between the Koran and the modern legislation can be proposed? Some thinkers argue that reformation of Islam has become inevitable. Obviously, the idea must be propagated that a multicultural society can exist peacefully only if we obey terrestrial law without discarding it on the basis of religious concepts. There are many well-intended Muslims. On the other hand, the direct sense of the Koran is used to justify aggression and terrorism. The ongoing terrorist attacks have resulted in anti-Islamic resentments. That is what we are trying to prevent. What we are looking for is a concept that would permit a peaceful and friendly coexistence, within our country and on the global scale. Religious leaders should participate in elaboration of new moral principles, which has become vital in our age of global overpopulation. Growth of political Islam and extremism can be partly explained by the population explosion and unemployment among young people. The main problem of the modern Orient, now as before, is a relatively high birth rate. It is most spectacular in the desert areas, where people live predominantly from oil revenues or foreign aid, importing the major part of food and other products, and using desalinated water. Note that water desalination needs energy coming mainly from burning of oil.

Ecological damage and depletion of non-renewable resources are proportional to the population size. Food production cannot increase infinitely without soil depletion, desertification, deforestation and other forms of environmental damage. Humankind can choose between reduction of the population growth by diminishing the birth rate and raising the death rate by means of famine, epidemics or homicide, which were usual throughout the whole history. Even today, damage of a fragile infrastructure in some areas can result in severe shortages of fresh water and food. Humanity is in a de-

Fig. 1. Bolshaia Tatarskaia Street in Moscow, where the Old Mosque is located, attended by increasing numbers of worshipper. The traffic is closed on Fridays and during some Muslim festivals. The parking is prohibited, which is a considerable inconvenience for the residents and commuters

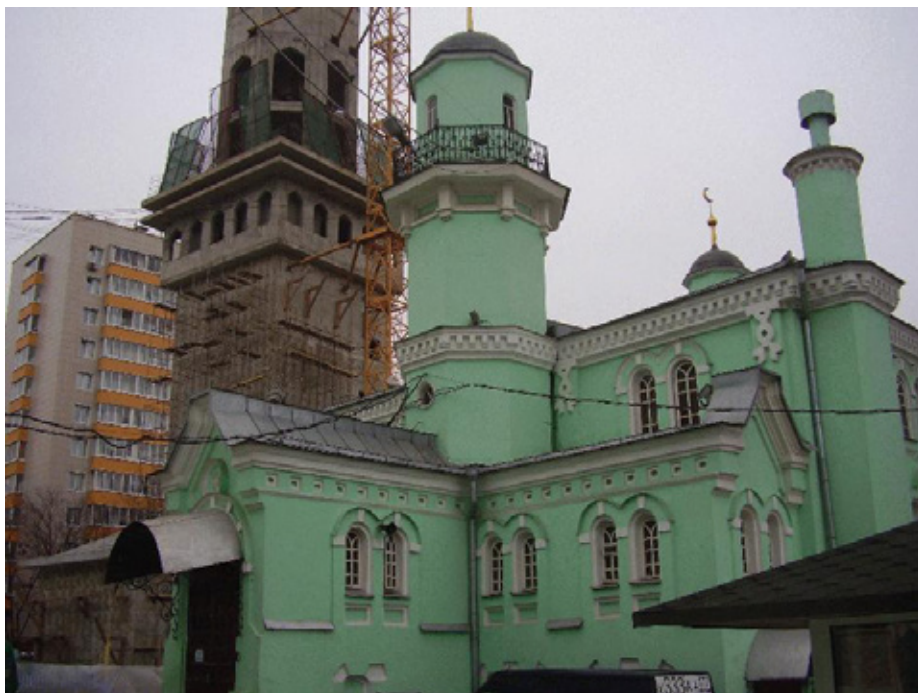

Fig. 2. Moscow Tatar Mosque, known also as the Cathedral Mosque, an architectural monument completed in 1904 (Domus News 11 December 2009). The mosque shown on the image has been recently demolished and a new larger building constructed.

mographic cul-de-sac, while no realistic solutions have been proposed. Such solutions would require a revision of certain ethical principles and propagation of new ones, in particular, that no population group, on a national or international scale,

may obtain any advantages due to the population's numerical size and further growth. On the contrary, those who have had many children should logically live in more crowded conditions. Acknowledgement of this principle would be a suitable

basis for international understanding and trust. High fertility was propagated at the time of global conflicts and the Cold War to replenish military and manpower resources. Necessity of birth control has been obfuscated by conflicting national and global interests: population growth has been regarded as a tool helping to sovereignty and economic advance. Even today, there are appeals to increase the birth rate, accompanied by misinformation about allegedly severe complications of contraception and abortions. It is sometimes argued that the birth rates tend to decrease as living conditions improve. There is such tendency indeed but the population of more developed countries continues growing nonetheless due to immigration and enhanced birth rate among new immigrants. Finally, it should be stressed that there can be no religious objections against contraception and sterilization because these birth control methods are not mentioned in religious texts.

The labor productivity is growing; few working people can provide means of subsistence for many, while unemployment is increasing. In the past, similar conditions were terminated by wars and pestilence. This has not happened long since, and we are waiting to see what happens, while the population is growing. However, there are many things to do. Great projects could be accomplished by a unified mankind: construction of irrigation facilities for drought-stricken lands; nuclear, solar and other power plants to reduce the consumption of fossil fuels, etc. Research must be revitalized and purged from scientific misconduct. These measures would create work for many people. Moreover, should the birth rate decline in the future, it means that the workforce is at its maximum today, which provides an opportunity to accomplish great projects. Only by concentration of authority within a powerful international executive, based in the most developed parts of the world, can the vicious circus of international competition and conflicts be broken. Accordingly, propaganda should popu-

larize the image of hardworking people, which must become a pattern of identification for the youth.

In conversations with Islamic clerics it is acknowledged that the injunctions to 'fight the Unbelievers' should not be understood literally. At the same time, religious literature reiterates that the Koran, as 'a source of guidance for all humanity', should be understood according to the clear and apparent meaning (Muhammad Khan. *The Muslim News*, Nr. 181 of 28.05.2004). For large numbers of young people this kind of propaganda has become a lens, through which they see the world. The terrorism is sometimes explained, and thus partly justified, as acts of desperation or self-defense. Some Muslim leaders do not deem necessary to restrict the birth rate and migrations and do not regard ethnic shifts in Europe as an unfavorable development. At the same time, positive tendencies in the modern Islamic literature should be noted: condemnation of terrorism, promotion of business ethics, of good-neighbor relations, disapproval of arrogant attitude towards supposed sinners and 'Unbelievers'.

How shall we conclude? Islamic ethics is partly incompatible with modern morality and law. Contradictory rules cannot be valid simultaneously at the same place. Therefore, Islamic ideology can be theoretically used for justification for segregation. In practice many Muslims are civilized and friendly people not at all inclined to «fight the Unbeliever». On the other hand, formally aggressive ideas give underprivileged people a ground for self-contentedness and thus for psychological stability. Undoubtedly, Islam promotes certain moral values. Old architecture is preserved and restored in Turkey increasingly well. The topic of religious differences should not be exaggerated. However, considering unpredictability and social significance of the crime motivated by religious injunctions, religion-related motives must be considered as aggravating circumstances in the criminal legislation.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Сакральнo-религиозная музыка в Дагестане: традиция 2000-х гг.

Абдулаева Медина Шамильевна, доктор культурологии, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)

Одним из результатов расширения мусульманского компонента в социокультурном пространстве современного Дагестана стало появление новых форм музыкального творчества. В настоящее время стилевая многоликость дагестанской музыкальной культуры позволяет определить творческую составляющую культуры Дагестана как многоуровневую. Использование современных техник композиции в академической музыке, свидетельствующее об интеграции в европейское пространство музыкальной культуры; формирование комплекса жанров музыкальной культуры городского типа, отражающее региональные особенности культуры повседневности; приверженность известным моделям фольклорного искусства, актуализирующая приоритет музыкально-культурной традиции; сакральнo-религиозные песнопения, востребованные слушателями с высоким уровнем мусульманской самоидентификации, — это тенденции, характеризующие многослойную стилевую палитру современного дагестанского музыкального искусства и обеспечивающие функционирование музыкальной культуры Дагестана как единой системы.

В настоящее время отмечается разная степень изученности региональных музыкально-культурных традиций российских мусульман: так, если мусульманская музыка Поволжья представлена достаточно полно и подробно, то сакральнo-религиозная музыка народов Северного Кавказа только начинает изучаться [1; 2; 3; 4].

Локальные особенности и универсальные свойства сакральнo-религиозной музыки мусульман Дагестана выявлены в ходе нашего исследования, осуществляемого при поддержке РГНФ. В процессе работы над проектом «Исследование сакральнo-религиозной музыки народов Дагестана» проведен первичный обзор видов сакральнo-религиозной музыки народов Дагестана; выявлены причины и факторы, обусловившие распространение и популяризацию жанров сакральнo-религиозной музыки в регионе; осуществлена аудиозапись образцов са-

кральнo-религиозной музыки в различных территориальных и этнических образованиях республики Дагестан; проведена нотная фиксация образцов сакральнo-религиозной музыки, исполняемых на территории республики Дагестан; разработана жанровая классификация сакральнo-религиозной музыки народов Дагестана; определено наличие идентификационных маркеров в виде музыкально-интонационных формул, выявляющих этническую природу сакральнo-религиозных песнопений; выявлены признаки взаимодействия различных музыкальных культур в пространстве сакральнo-религиозной музыки; выявлена степень устойчивости дагестанской этномusicальной традиции в пространстве сакральнo-религиозной музыки.; определена музыкально-интонационная устойчивость надэтнического (арабо-мусульманского) семантического поля сакральнo-религиозной музыки.

При анализе специфики сакральнo-религиозной музыки народов Дагестана нами были использованы следующие методы исследования: типологический, позволивший обобщить эмпирический материал об этномusicальной традиции народов Дагестана, и системный, позволивший рассмотреть этномusicальную традицию как систему, компонентом которой является сакральнo-религиозная музыка. Использовались также аналитический и синтетический методы, с помощью которых был выявлен корпус этнических и надэтнических музыкально-интонационных формул в образцах сакральнo-религиозной музыки.

В процессе исследования сакральнo-религиозной музыки дагестанских автохтонов были записаны на аудиосителители и нотированы религиозные песни, распространенные в разных территориальных моноэтнических образованиях республики Дагестан: село Курах (Курахский район), село Ахты (Ахтынский район), село Чиркей (Буйнакский район), города Махачкала и Дербент. Это песни, исполняемые в контексте обрядов семейного цикла (преимущественно — в контексте похоронного обряда), и нашиды,

исполняемые во время мусульманского ритуала *мавлид*. Было необходимо выявить признаки взаимодействия различных музыкальных культур в пространстве традиционной музыкальной культуры региона, определить степень устойчивости дагестанской этномызыкальной традиции, доказать наличие надэтнического (арабо-мусульманского) семантического поля сакрально-религиозной музыки.

Сакрально-религиозная музыка дагестанских автохтонов представлена в области вокального исполнительства. Прежде всего, потому, что вокальная музыка актуализирует *слово*, в целом — сакральный текст. Другой причиной, обусловившей появление новых для дагестан-

ской этнокультурной традиции жанровых разновидностей, связанных с мусульманской культурой, является восприимчивость вокальной музыки к инокультурному влиянию. Область народного вокального исполнительства оказалась наименее устойчивой перед инокультурным воздействием (в сравнении, например, с инструментальной или танцевальной сферами творчества, где наиболее крепче аутентика и канон). Для сферы вокальной музыки дагестанских автохтонов оказалось более свойственно творческое переосмысление музыкальных традиций, кристаллизация новых жанровых направлений, поликультурные музыкальные взаимодействия.

Шахада

(фрагмент мавлида, проводимого
в лезгинской общине)

Ла ил-ла - ха ил Ал - ла я - ал - ла.

Мух - ам-мад Рас - сул ил - ла я - ал - ла.

Ла ил-ла - ха ил Ал - ла я - ал - ла.

Мусульманский ритуал обусловил появление, развитие и популяризацию песенного творчества религиозной традиции, а также определил допустимые границы присутствия музыки в своем пространстве. Сама рецитация Корана активно контактирует со звуковой — музыкально-интонационной — практикой. Призыв к молитве — *азан* — также не существует в отрыве от музыкального интонирования, пропевания. *Нашиды*, сопровождающие мусульманский ритуал, с точки зрения формообразования, музыкального синтаксиса соответствуют жанрам народно-песенного творчества и именуется религиозными песнями. В целом, можно говорить о корпусе сакрально-религиозных жанров, сформированных в контексте мусульманского ритуала и функционирующих в социокультурном пространстве региона: аутентично — в ритуале, во взаимосвязи с народ-

но-песенным мелодизмом — в пространстве обрядов семейного цикла, в современном электромузыкальном звуковом оформлении — на концертной площадке.

Уровень музыкального «присутствия» в разных сегментах мусульманского ритуала различен. Так, чтение (рецитация) текста Корана, как правило, речитативно-декламационно и в минимальной степени контактирует с музыкально-звуковой средой. Музыкальная составляющая азана позволяет рассуждать о границах импровизационности в рамках универсального целого, о возможности творческого самовыражения его исполнителя. Музыкальный синтаксис религиозных песен транслирует особенности мелодико-ритмической организации, сочетание арабо-мусульманского мелодизма и западноевропейского формообразования в рамках жанра.

Музыкально-интонационные особенности азана.

Мелодия азана основана на мелизматическом напеве, который варьируется муэдзином в каждой последующей фразе. Мелодика азана развивается в ладовом пространстве преимущественно семиступенной диатоники, иногда — более сложных ладовых структур, с элементами четвертитоновости.

Сочетание европейского принципа интонационно-ритмической организации с арабо-мусульманским мелосом демонстрируют некоторые варианты азана, исполняемых муэдзинами в Махачкале. В качестве ведущего музыкально-выразительного средства отметим богатую орнаментику, маркирующую музыкальную традицию мусульманского Востока. Мелодическую основу составляют музыкально-интонационные обороты, сформированные в тональной ладовой организации с наличием устойчивых ступеней и вводнотоновости. Мелодические фразы азана строятся согласно ладовой организации семиступенного мажора и минора, с опеваниями опорных тонов. Окончание последней фразы на устойчивом звуке — тонике — позволяет провести параллель с полным совершенным кадансом в европейской ладовой музыкальной системе.

Азан, исполняемый муэдзином одной из шиитских мечетей Дербента (посетители и персонал мечети —

азербайджанцы), интонационно и музыкально-синтаксически транслирует традицию исполнения азербайджанского мугама. Манера исполнения азана также перекликается с речитативно-декламационной манерой воспроизведения мугама. Очевидно, импровизационная свобода исполнения азана создает условия для проникновения в его музыкальный контекст этнически узнаваемых интонаций.

При том, что музыкально-интонационная природа азана предполагает известную степень импровизационности и мелодическую свободу выражения, импровизационность как композиционное свойство подчиняется внутренним, жанровым ограничениям, связанным с особым положением азана в контексте ритуальной практики. Универсальный азан надэтничен, что обеспечивает его сакральность в пространстве религиозной культуры.

Музыкально-интонационные особенности нашида.

Нашид — мусульманское песнопение арабской традиции, исполняемое мужским вокалом соло или в хоровом ансамбле без сопровождения музыкальных инструментов. Аскетичность исполнения, пение вполголоса, отсутствие яркой эмоциональности характеризуют образный план религиозной песни.

Нашид, исполняемый в лезгинской общине

Мелодия нашида опирается на этномузыкальную интонационную основу, следовательно, не требует от исполнителей профессиональных вокальных навыков, что обеспечивает массовое исполнение нашида с участием и хористов, и слушателей. Структурная особенность нашида — куплетная форма. Цикличность, протяженность во времени при статичности образной сферы, избегание многоголосия («бесплотность» фактуры) — принципиальное условие нашида, как жанра, принадлежащего религиозному ритуалу. В Дагестане нашиды исполняются

на арабском языке и на языках дагестанских этносов. Выполненный нами анализ дагестанских нашидов основан на эмпирических наблюдениях и слуховом анализе. Материалом для исследования стали нашиды, аутентично исполняемые в контексте ритуала, и религиозные песни, зафиксированные в аудиозаписи. В связи с этим, нашид, исполняемый в контексте ритуала на арабском языке и сохранивший аутентичность, мы называем универсальным.

В основе ладовой организации нашида — преимущественно натуральный минор, сближающий его интонаци-

онно с народной песней. Поступенное движение мелодии и общая простота мелодической линии, неширокий диапазон, медленный темп, в котором исполняется песня, — эти качества делают нашид доступным для исполнения непрофессиональным певцам и предполагает массовое исполнение нашида с участием и хористов, и слушателей. Опора на этномызыкальную интонационную основу также обеспечивает нашиду органичность в контексте традиционной этнической культуры. Ведущая роль семиступенной ладовой организации в музыкальной основе нашида обусловлена близостью религиозной песни с интонационной основой народного мелоса. Развивающаяся в мажоро-минорном интонационном поле, мелодика народных песен дагестанских автохтонов демонстрирует близость европейскому этнотипу музыкального интонирования, в противоположность, например, восточному этнотипу, со свойственной ему специфической ладово-интонационной организацией и ярко выраженной орнаментальностью мелодизма. По сути, это выявляет приоритет в музыкальном мышлении дагестанских автохтонов мажоро-минорной ладовой организации, идентифицируемой с европейской ладовой системой. Интонационный словарь народного музыкального творчества и религиозных музыкально-поэтических жанров формируется в контексте универсального европейского музыкального мышления. В этом — локальная специфика дагестанского нашида. Активное включение музыкально-интонационного словаря, идентифицируемого с этническим типом мелодизма, зафиксированы нами в песнопениях, исполняемых на мавлидах в лезгинской общине (см. нотные примеры 1, 2).

Возможно, благодаря общему интонационному полю с народной песней дагестанские нашиды органичны в ритуалах семейного цикла (в частности, в похоронном обряде), а нашиды, мелодизм которых основан на интонационном словаре музыкальной традиции стран арабского Востока, получили распространение вне ритуала — например, на концертной сцене.

В то же время, четкая ритмическая упорядоченность и силлабическое стихосложение нашидов, исполняемых в Дагестане в контексте ритуалов семейного цикла, об-

наруживает близость арабскому стилю религиозных песнопений в аспекте музыкально-ритмической организации. В сущности, такой тип структурирования характерен для народно-песенного творчества дагестанских народов в целом. Это позволяет нам отметить, что музыкальное мышление формирует общие принципы музыкально-ритмической организации в пространстве народно-песенного творчества, распространившиеся и на религиозную песню.

Некоторые итоги исследования были озвучены на Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтениях (Санкт-Петербург, МАЭ им. Петра Великого РАН), Всероссийской научно-практической конференции «Современная художественная культура Кавказа: актуальные проблемы исследования» (Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН), X Всероссийском съезде востоковедов (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН), Международной научно-практической конференции «Реальность этноса. Роль образования, культуры и литературы в формировании российской гражданской идентичности» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена), Международной научно-практической конференции «Музыкальное образование в современном мире: диалог времен» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена).

Анализ сакрально-религиозных музыкальных жанров показал наличие надэтнического (арабо-мусульманского) поля музыкально-интонационных структур, которые наиболее показательны для мелодики азана. Аутентичность музыкально-интонационного «словаря» азана позволяет отметить универсальность мелодики призыва к молитве. Наиболее подвижными в плане взаимосвязи арабо-мусульманских и этнически идентифицируемых музыкально-интонационных структур являются религиозные песни нашиды. Музыкально-интонационные и ритмические структуры, актуализированные в пространстве народно-песенного творчества, указывают на принадлежность религиозной песни определенному дагестанскому этносу и позволяют выявить этнокультурную принадлежность нашида. Таким образом, музыкально-интонационная матрица традиционной (этнической) музыки мусульман Дагестана маркирует локальную идентичность сакрально-религиозных песнопений и в условиях глобального пространства сохраняет этнокультурный код.

Литература:

1. Абдулаева, М. Ш. К вопросу о локальных особенностях сакрально-религиозной музыки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3. с. 13–15.
2. Абдулаева, М. Ш. Локальные особенности сакрально-религиозных песнопений мусульман Дагестана // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. с. 167–170.
3. Абдулаева, М. Ш. Религиозная песня в Дагестане: жанровые особенности и истоки мелодизма // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. с. 114–117.
4. Абдулаева, М. Ш. Сакрально-религиозная музыка народов Дагестана в современных социокультурных условиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. с. 230–233.

Роль и значение символов в современной рекламе

Ермаганбетова Алия Аватовна, студент;

Сисембаева Гаухар Бекарыскызы, студент

Научный руководитель: Сагимбаев Адилгали Абдигалиевич, кандидат педагогических наук, доцент
Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова (Казахстан)

Scientific article considers esthetical quality of advertisement and developing process of economical life in public.

Ключевые слова: символ, реклама, информация, коммуникация, технология, ритуал, сознание, культура, товар, услуги, потребитель

Реклама давно уже стала фактором культурной, политической и экономической жизни нашего казахстанского общества. Являясь важным связующим звеном между производителем и потребителем, реклама способствовала развитию общества. Она всегда была одним из важных рычагов, стимулирующих процесс производства, совершенствование выпускаемых товаров, и в этом качестве выступает не только как «двигатель торговли», но и как своеобразный «двигатель прогресса». Можно рассматривать рекламу как бизнес, как форму коммуникации, как вид искусства. Феномен свойственный человеческому сообществу, она все же носит уникальный характер, и отдельные ее аспекты в совокупности являются неотъемлемой частью культуры.

Реклама по мере своего формирования воспринимала и отражала особенности культуры в разные периоды истории, характерные черты своего времени, принимая при этом все новые и новые формы и свойственные ей функции. Жизнь общества «замешана» на рекламе. Чтобы быть воспринятыми обществом, правила организации жизни должны быть известны всем. Чтобы стать неоспоримыми, они должны быть запечатлены и переданы новым поколениям на любом доступном материале, будь то камень, кожа животного или бумага. Истоки афиши берут свое начало еще в наскальных рисунках. Описания жизни средиземноморских цивилизаций, в частности Египта, свидетельствует, что так называемая наружная реклама существовала еще в древнейшие времена. История донесла до наших дней подтверждения того, что цивилизации средиземноморского бассейна оставили в письменном виде фундаментальные правила организации общественной жизни. Прототипом же афиши можно считать египетский папирус из Александрии (164 г. до н. э.), который в настоящее время хранится в Лувре. В нем говорится о вознаграждении за поимку двух беглых рабов. К этому виду рекламы можно отнести и официальные сообщения, зафиксированные на деревянных панно в Древней Греции. До наших дней дошла обширная информация о Великой Римской империи, которая позволяет восстановить систему организации наружной рекламы, сравнимую с современной. Во всех римских городах были установлены так называемые альбомы — стены, выделенные известью, часто богато украшенные, на которые красной или черной краской наносились официальные сообщения, предназна-

ченные для населения. Попытки стереть или повредить эти тексты жестоко наказывались. В то же время на шумных и людных городских улицах расцветала частная реклама, например, театральные афиши с написанными крупными шрифтом именами актеров, а зачастую и с рисунками отдельных сцен из спектаклей. Об этом свидетельствуют фрагменты разрушенных землетрясением стен древнего Помпеи. Сама история развития рекламы, по мнению специалистов уходит в глубь веков и зачатки рекламных объявлений найдены уже на древних папирусах. Предшественники журналистов — шпильманы, глашатаи, проповедники, муллы — первые специалисты в области налаживания общественных связей.

В своей основе реклама — это экономическое явление. Она имеет самый широкий социальный контекст и проявляется во всех многообразии социальных связей: экономических, политических, религиозных и т. д.

Она выполняет экономические задачи, стоящие перед производителем или продавцом товаров и услуг, влияет на экономические решения, принимаемые потребителем, и является неотъемлемой частью экономической системы. Реклама не просто инструмент рыночных отношений, но и значительная по своим масштабам часть экономики индустриально развитых стран. Ее экономическая функция выражается в информировании о товаре или услуге, их популяризации, повышении спроса и товарооборота. Реклама способствует росту уровня потребления, поддерживая внимания и интерес основных групп потребителей к рекламируемому продукту. Она влияет на распределение расходов потребителей, улучшая положение в секторах экономики, инвестирующих значительные средства в рекламу. Прежде всего — это функция информирования общества о товарах и услугах. В связи с очевидным многообразием возможностей, которые открываются перед ней в силу ее специфики, реклама в обществе выполняет ряд важных функций, о которых немало связано в работах известных зарубежных, российских и отечественных ученых и исследователей.

Сегодня реклама становится одним из самых распространенных видов информации и коммуникации. По мнению одного из ведущих рекламистов Жака Сегела, «на пороге третьего тысячелетия общества потребления, характеризующее нынешний век, превращается на наших глазах в общество пользователей информации. Именно

информации станет своей разной валютой будущего, в котором коммуникация будет основным видом деятельности. Изобретение телефона, телевизора, компьютера — краеугольные моменты в истории создания мира коммуникации. Именно они станут основными масс-медиа следующего тысячелетия. Уже сегодня формируются условия для осуществления процесса коммуникации как в режиме *on-line*, так и виртуально. Реклама в будущем мире займет свое достойное место. Ведь она всегда отражает состояние души народа, его психологию, менталитет. Реклама — это своеобразный перископ, через который мы можем смотреть в ближайшее будущее с его новыми продуктами, услугами». [1]

Классические труды в таких областях знаний, как философия социология и психология, широко рассматриваются в современном контексте развития маркетинга и рекламы. Особый интерес в настоящее время вызывает вопрос изучения влияния символов и архетипов в рекламе, потому что в основе логотипа любой организации или рекламного графического сообщения лежит знак или символ.

Важную роль в развитии изучения психологических аспектов человека, в том числе в восприятии рекламного сообщения, сыграли труды как самого основателя психоанализа З. Фрейда [2]. Однако в контексте дизайна рекламы аспекта коллективного бессознательного стали рассматриваться не так давно. Важно отметить, что специальной литературы, посвященной анализу связи рекламного сообщения с коллективным бессознательным, крайне мало. Одним из первых, кто попытался проанализировать значение использование знаков и символов в рекламе, стал итальянский профессор лингвистики У. Эко (Umberto Eco) [3]

Отметим, что общий объем мирового рынка мобильной рекламы составит почти \$16 млрд. в этом году. Хотя Google пока является на нем безоговорочным лидером, активно развиваются в этом направлении и социальные сети Facebook, и Twitter. Все компании на рынке находятся в поиске монетизации своих сервисов.

Реклама распространяет социальные ценности. Она способствует формированию стиля жизни, стереотипов, которые отражают культурные особенности стран и народов. Реклама — отражение жизни той или иной страны. Известный американский историк Д. Бурстин, как бы подтверждая эту мысль, писал: «Покажите мне рекламу той или иной страны, и я вам все же скажу об этой стране». Реклама является отражением культурно-исторических традиций страны.

Созданная в 2001 году компания RaimbekAgro стало ведущим производителем ультра пастеризованного молока в Республике Казахстан. Молоко и молочные продукты компании высоко ценят во всех регионах страны за вкус и качество.

В традициях тюркского шаманизма есть ритуал обхода целителя вокруг больного человека, смысл этого ритуала в переносе, переселении «болезни» с больного на другую вещь или существо. Шаман, двигаясь по кругу вокруг

больного, берет его болезнь на себя. Поэтому у казахов есть поверье, что нельзя делать круг вокруг дома или человека, потому что болезнь кого-то из находящихся в доме или конкретного человека могут перейти к совершившему круговой обход. Такой обход по кругу мог совершать лишь чадолюбивый человек, с тем, чтобы взять на себя болезнь, вылечить своего ребенка или хотя бы облегчить его страдания. Это добровольная жертва ради спасения своего ребенка, слово «айналайын» (от казахского озн. «да буду я жертвой за тебя»), означает готовность к самопожертвованию ради любимого человека. Владеющие могуществом шаманы лечили болезнь таким образом; с одной стороны, их могущество позволяло рассеять болезнь, взятую на себя, с другой стороны, целительство являлось для них долгом человеколюбия. Таким образом, если движение в этом ритуале изобразить с помощью схемы, в основе которой лежит знак «абак» то пограничная точка «М» на окружности — это место переселения болезни, а центральная точка «К» — «местонахождение болезни». Основная идея состоит в том, чтобы переселить болезнь из точки «К» в точку «М». То есть, точка «М» становится ипостасью, копией эманацией точки «К». В этом смысле точка «М» выполняет функцию границы, двери при переходе из одного измерения в другое, из одного мира в другой.

Рекламу можно рассматривать как специфическую форму пропаганды. Внедряя в сознание людей определенные ценности, реклама пропагандирует опирающийся на эти ценности образ жизни. Она оказывает влияние на наше отношение к себе и окружающей среде. Реклама всегда была одним из самых эффективных каналов социологической пропаганды. Она умышленно игнорирует непривлекательные стороны жизни. В основе ее — идея благополучия, благоустроенный быт, счастливая семья. При сравнении образов жизни человек может самостоятельно сделать вывод о преимуществах того или иного социального строя и ориентироваться на его ценности.

Образовательная функция рекламы заключается в том, что по мере появления новых товаров, которые являются результатом технических и технологических открытий, она знакомит потребителей с правилами пользования этими новшествами. В процессе рекламной коммуникации она формирует представления о нормах и правилах поведения людей в различных ситуациях и, таким образом, выполняет задачу социализации, приобщения человека к общественной жизни. Более того, часто она задает модели поведения представителей различных слоев общества и категорий потенциальных потребителей посредством четкого указания адресатов рекламной информации. Она, наконец, диктует моду, на те или иные товары.

Реклама оказывает многоплановое влияние на человека, на его представления и оценки. Ее воздействие может носить как прямой, так и косвенный характер. Реклама используется для информирования общества о новшествах, призванных сделать жизнь человека более комфортной и удобной, что связано с созданием новых товаров и услуг. Она может применяться для решения практиче-

ских задач увеличения прибыли фирмы и для реализации других стратегических маркетинговых целей производителей. Вместе с тем реклама оказывает опосредованное влияние на мнения и поведение людей, на процесс формирования общественного сознания.

Реклама — спутница человека на протяжении всей истории его жизни. Но свое истинное преимущество — многотиражность, способность одновременно воздействовать на численно большие рассредоточенные аудитории, то есть выступать как массовое явление. Она смогла реализовать с возникновением рынка производителей, рынка информационных средств — носителей рекламы и рынка потребителей рекламируемых товаров и услуг. Реклама — это особая форма коммуникации. Процесс коммуникации реализует наиболее общие задачи, такие, например, как информировать общества о событиях и фактах общественной жизни; выработать отношение, заставить человека действовать, чтобы достичь желаемого результата; установить и развивать контакты между людьми; управлять процессом общения. В отличие от этого реклама решает свои собственные задачи. Она призвана создавать заданные образы, убеждать потребителя в необходимости

покупки того или иного товара, формировать у него желание купить рекламируемый товар, подталкивать потребителя к совершению покупки товара, продукта или услуги. Подводя итоги вышеизложенному, можно кратко сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в современном дизайне рекламы, как в Казахстане, так и за рубежом можно выделить наиболее частое использование определенных моделей и символов. В частности, это — символ круга, который используется, как символ солнца, бесконечности, на протяжении всей истории человечества, многочисленными народами, партиями, брендами и т.д., и они имеют глубокие корни своего развития в качестве образов используемых людьми с древних времен.

Во-вторых, в основе дизайна, в том числе, графического дизайна рекламы, практически всегда находится базисный символ, образ, цель. Использование которого в основном — связать рекламные сообщения с коллективным бессознательным целевой аудитории (потребителями рекламного сообщения) Тем самым на потребителя, на его восприятия и поведение оказывается определенное влияние на уровне подсознания.

Литература:

1. Головлева, Е. Л. Основы рекламы: Учебное пособие. — М.: ЗАО «Издательский Дом «Главбух», 2003. — 272 с.
2. Пименов, П. А. Основы рекламы — М.: Гардарики, 2009. — 399 б.
3. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия. Я и оно Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Я и оно: Пер. С немецкого — М: ООО «Издательство АСТ» «Фолио», 2001, — 160 с.
4. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию — М.: «Симпозиум», 2004. — 544 с.
5. Юнг, К. Г. Психология бессознательного. — М: «Когито — Центр», 2006. — 352 с.
6. ainalain.kz
7. www.otuken.kz

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 22 (102) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Агаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25